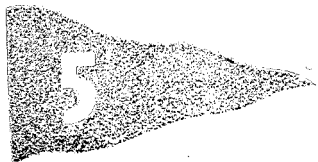

ԵՐԵՎԱՆԻ ԱՐԽԻՎԱԿԱՆ

1935

ДЕКАБРЬ

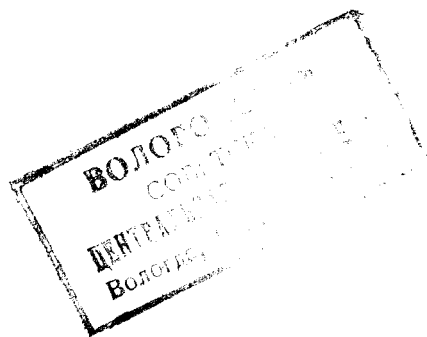
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Советская Арктика

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ**

**ОРГАН ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ
СЕВЕРНОГО МОРСКОГО ПУТИ
ПРИ СНК СССР
И ПОЛИТУПРАВЛЕНИЯ
ГУСМП**

**5 ДЕКАБРЬ
1935**

И з д а т е л ь с т в о Г л а в с е в м о р п у т и

СОДЕРЖАНИЕ

На ступень выше	3
Н. П. Степанов. Навигация 1935 года закончена	7
<i>ЗИМОВЩИКИ РАССКАЗЫВАЮТ</i>	
Р. М. Любарская. Учесть опыт зимовок	11
Как мы жили и работали.	
И. Д. Папанин. Год зимовки	15
В. П. Мелешко. Учились и отдыхали	19
А. В. Светаков. Наша зимовка	22
<i>ПРОМЫСЛОВОЕ ХОЗЯЙСТВО КРАЙНЕГО СЕВЕРА</i>	
В. А. Губер. Сделать устойчивым песцовый промысел	29
А. И. Минеев. Белый медведь	33
Г. С. Власенко. Акклиматизация ондатры	45
А. Г. Томилин. Киты и китобойный промысел в СССР	48
<i>ВЧЕРА И СЕГОДНЯ НАРОДОВ СЕВЕРА</i>	
От редакции	55
Н. М. Готовим специалистов-националов	56
В. Ф. Власова. Эскимосы острова Врангеля	60
В. В. Сенкевич. Фольклор Обского севера	66
Ю. А. Васильев. Собаки в фольклоре и культе северных народов	72
М. А. Сергеев. Почему нет массовой книжки?	78
<i>ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ</i>	
Борис Рихтер. П. К. Пахтусов	80
<i>КРИТИКА</i>	
П. Е. Терлецкий. Ни на шаг вперед	88
М. М. Микула. Газеты Арктики	93

НА СТУПЕНЬ ВЫШЕ

Освоение Советской Арктики и вообще Крайнего севера продвигается вперед небывалыми темпами. Рост ледокольного и другого флота, утроение числа полярных станций, рост полярной воздушной связи, рост капиталовложения — веские тому доказательства. Рапорт Главсевморпути руководству партии и правительству об окончании арктической навигации текущего года ярко свидетельствует об этих огромных успехах, одержанных нами благодаря гениальному руководству великого **Сталина**.

„Возложенная на Главсевморпуть партией и правительством задача: начать с 1935 года нормальную эксплуатацию Северного морского пути коммерческими судами — выполнена“.

Достижения наши несомненны. Северный морской путь стал „нормально действующим путем“. Но ведь и задачи наши увеличились и усложнились. Ведь значительно вырос объем наших работ. Готовы ли мы к тому, чтобы реализовать их в этом новом объеме? Готовы ли мы, чтобы поднять дело освоения Севера на ступень выше?

Материалы, собранные гг. Шмидтом и Бергавиновым в их поездках по Крайнему северу, показывают, что утверждать это нам еще рано, что еще много крупных недостатков в нашей работе. Тут надо прямо сказать: если мы во-время их не устраним, то эти прорывы и недочеты могут стать заметным тормозом нашего дальнейшего роста и развития.

Главсевморпуть — комплексная организация. По заданию партии и правительства мы выполняем на Севере ряд хозяйственных, культурных и политических задач, которые в условиях Союза реализуются разными наркоматами и ведомствами. Это **разнообразие** задач, выполняемых **специальными** нашими ячейками, лишь тогда будет успешным, если все наши работники будут всегда помнить об интересах целого, комплекса, всей системы, будут вместе бить в одну точку.

А между тем, на местах нередко приходится сталкиваться с фактами, когда один работник считает „чужим“, „не нашим“ предприятие того же Главсевморпути, руководимое другим работником. А раз это „не наше“, то о делах этого предприятия работник другого предприятия или управления не заботится, хотя бы в результате страдали общие интересы. Если одно управление передает другому какой-то раздел своей работы, то сразу же, по образному выражению О. Ю. Шмидта, „начинается гражданская война“, начинается ведомственная грызня и склока.

Подобные тенденции являются **антигосударственными и антипартийными**. Они мешают нашему развитию и должны быть вытравлены, вырваны с корнем. И чем скорее мы это сделаем, тем будет лучше. Словечки „не наше“, „чужое“ должны исчезнуть из нашего лексикона.

Поднятая Главсевморпутем проблема строительства Норильска, его полиметаллического комбината, ныне реализуется полным ходом. Норильск, как известно, строится не нами. Значит ли это, что наши организации на Енисее не должны этим заниматься? Нет — и тысячу раз нет. Вся наша система — в первую очередь авиация — должна обеспечить все потребности и запросы Норильска, имеющего важнейшее общегосударственное значение.

Надо выжечь каленым железом всякие местнические и ведомственные тенденции, привлечь к административной и партийной ответственности всех виновных в этом. Надо укрепить территориальные управления, сделать их полнокровными организациями, действительными хозяевами всех наших местных предприятий и учреждений. И экспедиции, снаряжаемые из центра, должны быть включены в план деятельности территориальных управлений, чтобы они этими экспедициями руководили. Этот вопрос назрел, он стучится в дверь, откладывать его на завтра нельзя, также как нельзя, чтобы в центральных управлениях преобладало руководство „вообще“, без достаточного знания мест и условий.

На Севере в особенности дело решают люди, их умение и желание работать. На Севере имеется не мало незаметных героев, добросовестных социалистических тружеников, работающих самоотверженно и любовно. Но часто труд этих людей пропадает впустую, ибо мало еще обращают внимания на культуру труда и организацию его.

Вот, например, база в Тюмени, незакончившая своего строительства из-за нехватки арматурного железа, из-за формально-бюрократического отношения к делу снабжения Свердловского отделения Арктикснаба. Такие срывы и опаздывания в строительстве мы имеем не только в Тюмени, база которой вообще не из плохих. В Иркутске, например, на складах Арктикснаба залежи стекла — несколько сот ящиков, а недалеко от Иркутска, на Пеледуйской судовой верфи, два дома стоят готовые, но в них въезжать нельзя, так как они не остеклены, стекла нет. Подобные примеры можно было бы увеличить.

Культура труда в снабжении означает уметь вовремя делать грамотные заявки — что именно нужно и к какому сроку, уметь все это заготовить, тогда не будет срывов строительства, не будет омертвевших капиталовложений, не будет положения, что в Иркутске склады завалены макаронами, а в том же Пеледуе в течение полугода макарон в глаза не видели.

Снабжать культурно — значит не допускать безобразного затоваривания с одной стороны (запасы на несколько лет) и нехваток самого существенного — с другой; не допускать такого положения, что ввозятся новые усовершенствованные капканы и никто из продавцов и снабженцев не в состоянии проинструктировать покупателя, как обращаться с этими новыми конструкциями.

Снабжать культурно — значит учитывать особенные запросы района, индивидуальные потребности его жителей, думать не только о формальном, количественном выполнении плана, но и об ассортименте и качестве товаров, т. е. — переходить на методы культурной советской торговли.

Культура труда в воздушной связи означает рационально организовать перевозку пассажиров и груза, уметь выделить как первоочередную и политическую задачу перевозку газет и литературы. А то на сегодняшний день даже в Игарке, которая имеет уже не плохую самолетную связь с Красноярском, ни политотдел, ни горком

партии систематически не получают газет. Газеты зашивают в тюки, превращая их в обыкновенный груз. И так как самолетов недостаточно, а грузов много, то и „газетный груз“ перевозится наравне с другими „в порядке очередности“.

Культура труда в авиации — это дисциплина, порядок, твердый график и четкое расписание — на авиолинии, чистота и уют — на авиобазах. Аварии, которые в большинстве являются следствием не столько тяжелых метеорологических условий Севера, сколько недисциплинированности, авиолихачества, должны совершенно исчезнуть в полярной авиации.

Культуру труда и организацию мы должны внести и в наше строительство. Что мы еще не умеем культурно строить, показывает пример с Диксоном. Диксон — самая популярная зимовка. Ни одна зимовка не пользовалась таким общественным вниманием, как последняя. Несмотря на это, на строительстве Диксона наделали кучу ошибок. На одном маленьком острове мы ухитрились создать три — четыре поселка (некоторыми „энтузиастами“ это даже восхвалялось, как особый наш триумф!). Вместо того чтобы иметь одну хорошую больницу, одну хорошую столовую, один клуб, одни мощные, хорошо оборудованные мастерские, которые обслуживали бы и порт, и авиацию, и радиоцентр, — понастроили много маленьких и слабеньких предприятий, **распыляющих наши средства и силы.** Причалов построено до смешного мало — 20 метров — и к тому еще плохо и дорого.

Строить культурно — значит строить по продуманным и утвержденным проектам и сметам, строить дешево, прочно и красиво, помня о том, что мы не „гости“ в Арктике, не временные путешественники, удовлетворяющиеся снежной хижинкой или кое-как сколоченной избушкой, а постоянные жители, долженствующие переносить на Крайний север самый высокий уровень строительной культуры и техники Союза.

Жилищный наш фонд сильно отстал от быстрого роста хозяйства, а жилищное строительство у нас пока идет плохо. Не повсюду еще поняли, что хорошие жилища закрепляют кадры, уменьшают текучесть и обеспечивают выполнение планов. А текучесть у нас огромная. С января по сентябрь 1935 года принято Якутским территориальным управлением 212 человек, а уволено — 185 человек.

Мы мало уделяем внимания подготовке кадров из местного населения, из националов. Разве не позор, что мы не только специалистов, но и подсобных рабочих нередко ввозим из центра?

Пора вновь организованным управлениям по сельскому хозяйству и по хозяйству и культуре народов Севера подать звучный голос о своей работе. Реконструкция экономики малых народов Севера, подъем техники туземного производства, вовлечение их во все наши государственные предприятия — вот узловые вопросы работы этих управлений. Однако кроме положения и кое-какой статистики этими управлениями еще ничего существенного не сделано. Управление по хозяйству и культуре народов Севера не благотворительно-культуртрегерская организация, а боевой хозяйственно-политический и оперативный орган. Работу этого управления должен **чувствовать** каждый работник и коренной житель Крайнего Севера.

В нашем хозяйстве наряду с самой высокой техникой — к примеру авиация — уживаются и кустарщина и самый отсталый примитивизм, тормозящий эффективное использование и этой техники. Тов. Шмидт

рассказал любопытный эпизод. О. Ю. летел из Красноярска на Придивинскую верфь. Полет продолжался всего 35—40 минут, а у берега верфи на якоре стояли около часа, так как своевременно не выслали лодки.

Еще один пример: мы связаны по радио с самыми отдаленными полярными станциями, а между Красноярском, Игаркой и Придивинской не налажена оперативная радиосвязь. Разве все это достойно размаха, гигантских масштабов нашего строительства? Мы идем на Север, вооруженные самой совершенной социалистической техникой, и надо эту технику довести до конца без разрывов, без раздражающей „пестроты“.

Надо, чтобы наши полярники и рабочие наших предприятий—в особенности горняки—не отставали от всенародного стахановского движения. Выросшее на основе сталинского лозунга „использовать технику до дна“ стахановское движение опрокидывает навзничь оппортунистические теории „о предельных нормах“, якобы лимитирующих наше поступательное движение—наши темпы.

Стахановское движение показало, какие огромные, прямо неисчерпаемые резервы таятся в активности и творчестве рабочего класса, для которого труд стал действительно „делом чести, делом славы, делом доблести и геройства“ (Сталин).

„Стахановцем,—говорил тов. Молотов на Первом всесоюзном совещании стахановцев,—может стать каждый рабочий“. Стахановские методы применимы повсюду, во всех отраслях народного хозяйства, во всех углах нашей великой страны, в том числе и в Арктике.

Стахановское движение надо организовать. „Надо побольше прислушиваться к голосу передовых рабочих и учиться у них. Ничего в этом зазорного нет!“ (Орджоникидзе). Опыта хорошей работы в Арктике—много, его надо собрать, обобщить и сделать его достоянием всех наших полярников.

Работая стахановскими методами, мы двинем вперед развитие нашего хозяйства, сумеем реализовать те обязательства, которые мы дали руководству нашей партии и правительству о дальнейшем освоении Арктики.

Н. П. СТЕПАНОВ

НАВИГАЦИЯ 1935 ГОДА ЗАКОНЧЕНА

Совет Труда и Оборона постановил, наряду с продолжением научно-исследовательских экспедиционных работ, начиная с навигации 1935 г., перевозить грузы на коммерческих судах от Мурманска до Владивостока и в другие пункты Северного побережья СССР.

Историческое значение этого постановления заключается в том, что Северный морской путь включен в систему путей сообщения Советского Союза. Вместо случайных отдельных рейсов довоенного времени и немногочисленных походов последних лет, в 1935 г. создана определенная система эксплуатации этого пути, обеспеченная необходимыми средствами (ледоколы, самолеты, метео и др.).

Закончившаяся навигация 1935 года подтверждает своевременность и правильность этого постановления СТО.

Главсевморпуть, по плану 1935 г., должен был бы перевезти по Северному морскому пути 204 тыс. тонн груза, кроме шпицбергенского угля (300 тыс. тонн). Груз должен был быть заброшен — начиная от Мурманска до Владивостока — во все пункты северного побережья материка и островов, как со стороны Запада, так и со стороны Востока. Для этого намечалось отправить десятки судов в различные пункты Советского севера, начиная от Югорского пролива до Берингова.

Не имея специально приспособленного тоннажа для ледового плавания, Главсевморпуть проводил эту сложнейшую навигацию на судах нормального типа.

Теперь, когда ни одного судна не осталось в Арктике, можно подвести **предварительные итоги навигации 1935 г.**

Как видно из приведенной таблицы (см. стр. 9), в 1935 г., за исключением научно-экспедиционных рейсов „Садко“, „Малыгина“ и др., Главным управлением Северного морского пути было организовано и проведено рейсов в 14 северных пунктов на 26 советских судах (без Карских операций).¹

План перевозок выполнен на 121% (по диспетчерским данным, также без Карских перевозок). Перевыполнение плана получено в результате дополнительного обратного груза и меньшей затраты времени в рейсе, чем это предполагалось планом. Дополнительные заходы в Игарку повысили процент выполнения плана перевозок.

С учетом Карских перевозок, на которых было занято 36 иностранных судов, выполнение плана по этим перевозкам составляет около 100%. По предварительным подсчетам, план перевозки леса и каботажа составит 145—147 тыс. тонн. Таким образом выполнение плана по Северному морскому пути в 1935 г. по всем перевозкам Главсевморпути составляет около 113—115% от плана СТО.

Перевозка шпицбергенского угля производилась большей частью на иностранных и частично на советских судах. В настоящее время перевозки заканчиваются, сейчас суда отправляются в последние рейсы, и, по предварительным итогам, план перевозок шпицбергенских углей будет перевыполнен.

¹ О Карско-Ленских операциях дадим статью в одном из ближайших номеров журнала. Редакция.

Значимость отдельных рейсов определяется пройденным расстоянием по Северному морскому пути в строго установленном направлении и выполнении тех обязательств, которые были возложены на каждый из кораблей при отправке.

Так, например, **сквозные рейсы**: два корабля из Владивостока в Мурманск — „Анадырь“ и „Сталинград“ — и два судна из Мурманска во Владивосток — „Искра“ и „Ванцетти“ — особо выделяются тем, что в истории плаваний по Северному морскому пути сквозных переходов было только шесть. При этом три из них — несоветские экспедиции — совершены с двумя и тремя зимовками, четвертый — поход „Челюскина“ — закончился гибелью корабля, и только два рейса были совершены в одну навигацию („Сибиряков“ в 1932 г. и „Литке“ — в 1934 г.). Все перечисленные суда кроме того были приспособленными к ледовому плаванию.

Сквозные рейсы выделяются также значительным перевыполнением плана перевозок, в связи с их более быстрым продвижением, чем это предполагалось планом. Быстрое же продвижение было возможно только благодаря исключительной работе ледоколов, авиации и хорошей работе радиосети и метеослужбы. Имеется несколько случаев, что судно двигалось только по указаниям аэроразведки и при этом выходило из ледовых пунктов на чистую воду.

Для каждого восточного „сквозняка“ планом намечалось 125 дней, фактически рейс закончен в 85 дней, с заходом в Игарку за лесом. По западным „сквознякам“ — план 105 дней, фактически — 98, также с дополнительным (против плана) заходом в Николаевск на Амуре.

Колымские рейсы проводились судами восточного района, и один п/х „Рабочий“ был отправлен из Архангельска. План завоза груза в устье Колымы выполнен (12 547 т). План пассажирских перевозок значительно перевыполнен.

Плавание в устье реки Колымы имеет уже 25-летнюю историю, но в 1935 г. эти рейсы замечательны ранним приходом (19 июля п/х „Анадырь“, „Сталинград“ прибыли в Колыму). Рейс п/х „Рабочий“ из Архангельска в Колыму и обратно в одну навигацию проделан впервые в истории арктического плавания. Пароход нормального типа покрыл весь путь туда и обратно безаварийно, перебросил 2372,8 тонны груза. На весь поход затрачено 64 дня вместо 95 дней плановых.

До сих пор снабжение Колымы велось и ведется из Европейской части Союза. При этом грузы транспортируются до Владивостока и затем попадают на морские суда, идущие в Колыму. Если эти грузы будут доставляться морем непосредственно из Архангельска, то во много раз сократится их пробег как по суше, так и по морю.

Значительное место в перевозках 1935 г. занимают **Северно-Чукотские рейсы** — от Берингова пролива до мыса Шмидта. План перевозок 4623 тонны выполнен на 94%. Значительно перевыполнен план перевозок пассажиров. Работа по этим пунктам протекает на открытых рейдах, что требует от команды большого навыка и напряжения. Главное управление Северного морского пути должно было перевезти по Анадырскому побережью 22 000 тонн, фактически перевезено 26 682 тонны, или 121,5%. План пассажирских перевозок выполнен на 105%.

В Западном районе самое значительное место занимают **Новоземельские перевозки**, которые отличаются большим количеством заходов в различные пункты Южного и Северного островов, как с западной, так и с восточной стороны. На Новую Землю ходили 3 корабля, в том

**Арктические рейсы, их продолжительность и выполнение плана перевозок судами
Главсевморпути в навигацию 1935 г.**

Наименование рейсов	Количество	Перевозки		% выполнения от плана	Продолжительность рейса в днях	
		План	Выполнение		План	Фактич.
Владивосток — Мурманск	2	4200	8546,4 ¹	211	125 ²	85
Мурманск — Вла- дивосток	2	5000	8000	160	105	98
Владивосток—Ко- лыма	3	6047	6272,3	104	110	86
Архангельск—Ко- лыма	1	2500	2372,8 ³	95	95	64
Владивосток—Се- вер. Чукотка до мыса Шмидта .	2	4623	4266, ⁴	93	90	76
Владивосток — Анадырское по- бережье	4	22000	26682 ⁵	121,5	—	—
Архангельск—Нов- ая Земля в разн. пункты	4	6000	6350 ⁶	106	70	72
Архангельск — с-ва Уедине- ния, Русский и Оловянный . .	1	551,8	399,4	72,7	80	82
Архангельск — Таймырск. по- бережье	1	859,2	637,7	74,5	90	85
Архангельск— бухта Прончи- шевой	1	2005	3748,1	187	80	77
Архангельск — Нордвик	1	2329,8	3900,1 ⁷	168	80	77
Архангельск— о-в Котельный .	1	80	51,1 ⁸	$\frac{133}{64}$	—	—
Мурманск —устье Лены	5	25031	25406	101	110	93
Прочие пункты .	3	—	392	—	—	—
Итого . .	26	80032	93125	$\frac{121}{113}$	Без Карских операций С Карскими операциями	

¹ Из них 3907 сдано в Колыме.² Средние для каждого судна.³ Дальстрой не подал груза.⁴ Было взято дополнительно бункерного угля.⁵ Перевозится судами Морфлота.⁶ На Новую Землю отправлено еще одно судно около 700 тонн⁷ С дополнительными перевозками с Игарки в Мурманск.⁸ Кроме того на о-в Котельный заброшено 55 тонн судном „Темп.“

числе „Герцен“ сделал 4 рейса. Все суда перевезли 6350 тонн против плановых 6000 тонн. Кроме этого Главсевморпуть послал дополнительным рейсом „Русанова“ со снабженческим грузом на Новую Землю.

Рейс на о-ва Русский, Уединения и Октябрьской революции и в отдельные пункты Таймырского побережья совершали „Сибиряков“ и „Седов“, полностью выполнив возложенные на них задания, впервые высадив зимовщиков на о-в Русский и на мыс Оловянный.

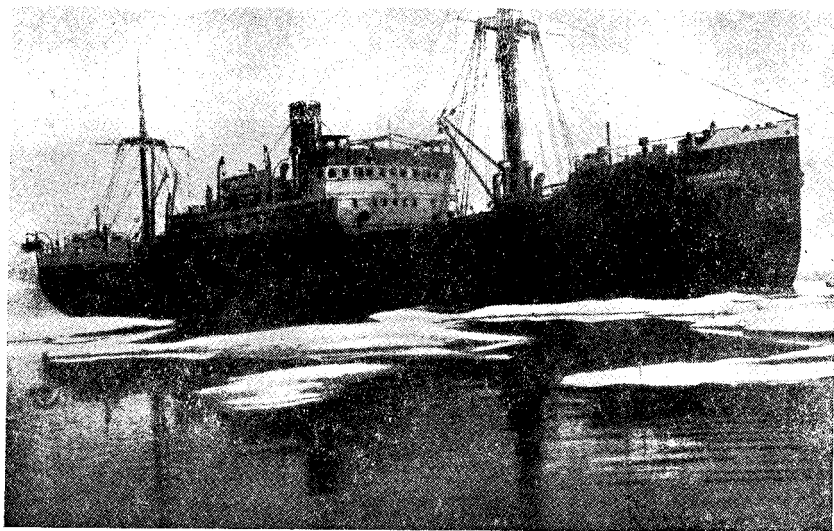
Необходимо отметить рейсы в бухту Прончищевой, на мыс Нордвик, где также выполнен план перевозок судами в меньший отрезок времени, чем предполагалось по плану. Эти суда потом зашли в Игарку и взяли дополнительный груз на Мурманск, что им позволило значительно перевыполнить и задание по перевозкам.

Совершенный ботом „Ленсовет“ рейс на о-в Котельный с грузом 51 тонна, необычайный для такого судна, замечателен также тем, что впервые на Котельный завезены зимовщики, снабжение и необходимые строительные материалы.

В устье р. Лены было отправлено 5 пароходов, которые выполнили план перевозок на 101%, затратив при этом только 93 дня вместо положенных 110.

Было бы неверно полагать, что навигация Севморпути протекала так же нормально, как, например, плавание в южных морях. Необходимо помнить, что этот путь труднопроходим и требует особых мер и организованности для его нормальной эксплуатации.

Навигация 1935 г. впервые в истории Арктики проводилась таким огромным количеством судов нормального типа. **Навигация закончена безаварийно и в короткие сроки.** Тем самым подтверждена правильность решения партии и правительства — включить Северный морской путь в систему путей сообщения СССР, как путь наиболее короткий в сообщении с советским Дальним Востоком и как путь, целиком проходящий в советских водах.

„Сталинград“ в море Лаптевых

Р. М. ЛЮБАРСКАЯ

УЧЕСТЬ ОПЫТ ЗИМОВОК

I

Зимовщики, имеющие большой и ценный опыт зимовки, вернулись. Их опыт необходимо суммировать, учесть. Необходимо также выявить наиболее ценных людей, чтобы в дальнейшем при комплектовании, организации и обслуживании зимовок полярных станций не повторять прошлых ошибок.

На совещаниях при Политуправлении и Полярном управлении были заслушаны отчеты начальников полярных станций (Русской Гавани, мыса Выходной, мыса Столбовой, Югорского Шара, мыса Желания и др.) и парторгов. Эти отчеты позволяют сделать некоторые выводы о тех достижениях и недостатках, которые мы имели на зимовках полярных станций в 1934/35 г.

Главным и решающим моментом в организации зимовки, как и в каждом деле, являются люди — **кадры**. От людей зависит успех всякого дела, тем более — зимовки. Существовавшая система подбора кадров, когда начальники станций узнавали своих зимовщиков только при посадке на пароход (как это имело место у т. Егорова на мысе Желания), конечно, не могла обеспечить выполнения всех предъявляемых требований к работнику, отправляющемуся в Арктику. Предварительная проверка квалификации зимовщика, его уживчивости в коллективе — обязательна. Если на Большой земле неподходящий по квалификации работник может быть легко заменен другим, то на зимовке это очень трудно, а иногда и вовсе невозможно. Если на Большой земле „характер“ работника не играет решающего значения и руководители обыкновенно не спрашивают о личных качествах принимаемого работника, то на зимовке личные качества людей имеют огромное значение. Ибо от того, насколько спаян коллектив, насколько уживчивы в коллективе люди, — часто зависит качество проведения зимовки и успех ее работы. Один — два человека нередко могут дезорганизовать зимовку. Это случилось, например, на зимовке Югорского Шара, где Беляев и Латковский вносили дезорганизацию в коллектив.

Недостаточная квалификация радистов ведет к тому, что зимовка может оказаться отрезанной от всего мира, так как радио молчит. Так было, например, на зимовке в Русской Гавани. Вот что рассказывают зимовщики этой станции: „Зимовка имела большие затруднения в деле налаживания связи. Прибывший на зимовку радиотехник Новгородский оказался технически непригодным, — не смог смонтировать радиостанцию, и первые полтора месяца Русская Гавань выбыла из связи. Позже была установлена связь со станцией мыса Желания не на основной,

а на аварийной аппаратуре (рейдовые передатчики). Как начальник станции т. Степанов, так и весь коллектив старались помочь радисту Новгородскому, но он не в состоянии был овладеть этой работой. Радиосвязь была налажена только после того, как с ледокола „Русанов“ прибыл старший радиотехник т. Дубров. С момента прибытия последнего рация работала бесперебойно в течение всей зимовки. Тов. Дубров перевыполнил план, установив связь не только с плановыми корреспондентами, но в течение зимовки имел связь даже со станцией Якутск“. Эта выдержка из отчета зимовщиков показывает, какое огромное значение для зимовки имеет квалификация его работников, в особенности — радистов.

В этом году по сравнению с прошлым мы лучше комплектовали станции. Новое руководство Полярного управления и Политуправление проделали большую работу по подбору людей для полярных станций. В значительном большинстве принимали участие в подборе людей и начальники полярных станций. Стоит указать хотя бы на работу начальника полярной станции мыса Челюскина т. Рузова, начальника станции бухты Нордвик т. Девятко и других. Значительно увеличена в нынешнем году партийно-комсомольская прослойка на полярных станциях.

Но мы все же еще плохо подбираем работников средней и низшей квалификации, которые направляются из центров — Москвы, Ленинграда, Архангельска — и часто весьма неорганизованно. Нет еще организованного получения квалифицированных рабочих с предприятий, лучших ударников, заслуживших своей деятельностью на производстве посылку на работу в Арктике. Наши управления еще вплотную не занялись подготовкой кадров, хотя бы на первое время — низшей квалификации — **из местного населения Севера**. Ведь нельзя же допустить такое положение, что мы завозим в Арктику даже каюров — водителей собачьей нарты. Разве таких работников нельзя подготовить на месте?

Сейчас особо важным является подбор резерва из возвращающихся зимовщиков. Надо учесть ошибки прошлого года, когда в течение года содержался резерв, а потом на Север много резервистов по ряду причин не было направлено. Необходимо уже сейчас отобрать резервистов с учетом квалификации и других качеств работников. Отметить лучших зимовщиков, преданно и честно работавших на зимовке. Обеспечить техническую и политическую учебу каждому резервисту, чтобы каждый из них действительно мог бы быть использован наиболее эффективно в Арктике. В нашей системе имеется много героев, о которых мало кто знает, которые отдают все свои силы на дело освоения Арктики. Этим людям надо выявить, создать им все условия для отдыха, учебы и будущей работы.

Не менее важное значение для успеха зимовки имеет **подбор и качество завозимых на зимовки продуктов и товаров**. Конечно, в этом году мы и по снабжению имеем значительные успехи, но недочеты еще имеются. Не на все зимовки были заброшены свежие овощи, и зимовщикам Югорского Шара приходилось питаться почти одними консервами. Парторг т. Цицивкин в своем отчете в Политуправление писал: „Настроение было не плохое, зимовку мы провели незаметно. Недовольны зимовщики были плохим снабжением. Плохо, что в Арктику засылают детских размеров валенки; я еще себе кое-что мог подобрать, но больше 50% зимовки ничего подобрать не могли и чинили старые, нашивая по десятку латок, причем каждый день их приходилось подши-

вать. Были получены торбаза, и они оказались гнилыми". С таким явлением нужно бороться, виновных надо строго карать. Ведь карается же некомплектный завоз тракторов, завоз патефонов без мембран в Арктику также не может остаться безнаказанным. Ибо эти, на первый взгляд, „мелочи“ очень важны для обеспечения бесперебойной работы станций. Отсутствие валенок или рваные валенки зимой в Арктике — не такая уж мелочь. Также не мелочь — молчащий патефон без мембраны в полярную ночь, когда много времени для организации культурного досуга зимовщиков. С этими безобразиями надо решительно и навсегда покончить.

II

Партийно-массовая работа и партийное просвещение на зимовках были развернуты, но признать эту работу достаточной нельзя. На зимовках работали кружки по истории партии, ленинизму, но почти ни один кружок не проработал программы полностью. Литературой и учебниками кружки не были обеспечены, на некоторых зимовках было только по одному-два учебника по истории партии. Часто пропагандистскую работу вели одни комсомольцы, не было подготовленных пропагандистов, и партпросвещение велось кустарно.

Снабжение литературой в этом году значительно улучшилось. Много литературы было направлено на полярные станции Политуправлением, часть литературы захватили с собой начальники полярных станций. Но до сих пор неизвестно: дошла ли посланная литература на эти станции или нет. С делом снабжения литературой еще далеко не благополучно. А где, как не на зимовке, особенно в период полярной ночи, когда у зимовщиков имеется свободное время, — заниматься повышением своих теоретических знаний?

Завоз литературы на полярные станции должен быть так же обязательен для Арктикснаба и начальников полярных станций, как и завоз продуктов. Ведь не уезжает же на зимовку начальник полярной станции без мяса, консервов и других продуктов, а без литературы, без учебников — считается в порядке вещей. **Зимовка без литературы — не зимовка.** Повышение марксистско-ленинских знаний зимовщиков обеспечивает лучшее выполнение научных и производственных задач, стоящих перед коллективами полярных станций.

Из отчетов комсоров этих станций видно, что **роль комсомольцев** (которых, кстати сказать, часто больше, чем членов партии) на зимовках огромная. Значительная часть комсомольских групп сыграла положительную роль как в организации зимовки, так и в общественно-политической жизни и сплочении зимовщиков. Это было отмечено зам. начальника Политуправления т. Серкиным на отчете полярной станции мыса Желания. Создание комсомольской группы на этой станции сплотило зимовку и помогло выполнению ею производственных задач. К сожалению, мы недостаточно были связаны с этой зимовкой и не могли информировать ее комсомольскую группу.

Несмотря на всю нашу отдаленность, мы должны будем использовать все возможности для связи со всеми зимовками. Комсорг т. Шамин рассказывал на совещании: „Нам удалось узнать, что существуют не секретарь, не ячейка, а первичная комсомольская организация и комсорг. Мы даже строили работу по уставу нашей партии, комсомольского устава не было“.

Несмотря на все трудности, большинство комсомольских коллективов провело огромную работу на зимовках. Особенного внимания заслуживает комсомольская зимовка на станции Русская Гавань, где производственная программа перевыполнена. Коллектив был спаян, вел большую работу среди местного населения — зимовщиков становища, а также оказывал этому населению реальную помощь: „Коллектив станции своими силами перенес промизбушку становища. Среди промышленников проводили политзанятия. Организовали для детей промышленников школу, совместно с промышленниками выпустили стенгазету. Этой работе дал высокую оценку крайисполком“. Правильное понимание задач полярной станции, как образца советской культуры в мало освоенных районах Арктики, является основной чертой работы комсомольского коллектива Русской Гавани.

Нужно приложить все усилия, чтобы информация о всех важнейших политических собраниях в стране была доведена до всех зимовщиков. Надо так организовать „Последние арктические известия“, чтобы они шире и глубже освещали международное и внутреннее положение в нашей стране. „Арктические известия“ являются главным источником информации, но часто они не отвечают этим требованиям полярника. Вот что говорит парторг полярной станции Югорский Шар т. Цицивкин: „Мы принимали „Арктические известия“, но они нас не удовлетворяли, потому что там было очень мало того, что нам нужно. Нужно было бы передавать больше о политической жизни, а там говорилось исключительно относительно судов“.

Требования полярников вполне законны. Людям, оторванным по году и два от Большой земли, хочется хотя бы по радио знать все большие политические и хозяйственные события страны, быть в курсе социалистического строительства, чтобы в далекой Арктике участвовать в радостях нашей родины.

Начальник станции мыса Желания рассказывал на совещании в Политуправлении: „Если передавались важные политические события, то немедленно мы собирали совещание. Ночью мы слышали сообщение относительно гибели самолета „Максим Горький“. Я собрал собрание в 11 часов ночи. Считая, что это большое политическое событие, мы провели собрание и решили отчислить однодневный заработок на постройку нового самолета „Максим Горький“.

Необходимо также учесть практические замечания зимовщиков о политучебе по радио как в части времени передачи учебы, чтобы она удовлетворяла зимовщиков, так и в том, чтобы передавать ее через Диксон, так как некоторые станции очень плохо слышали Москву, особенно с наступлением полярного дня.

Все эти недочеты легко устранимы, если каждый работник, работающий на своем участке, из опыта прошлой зимовки сделает для себя соответствующие выводы.

КАК МЫ ЖИЛИ И РАБОТАЛИ

(Мыс Челюскина)

И. Д. ПАПАНИНБывший начальник
полярной станции

Год зимовки

1

Еще в 1931 г. на мысе Челюскина ничего не было. Но уже на следующий год там выросла одна из оборудованных станций Севера. Эта станция находится „в воротах“ Севморпути, связывающая море Лаптевых и Карское море через пролив Вилькицкого. Первым начальником ее был т. Л. Рузов.

Когда мне было предложено поехать начальником одной из полярных станций, я выбрал именно мыс Челюскина.

Все внимание обратил я на тщательный подбор людей и их квалификацию. Особенно хотелось закрепить товарищей, ранее зимовавших со мной на Земле Франца-Иосифа, — что, хотя и с трудом, но удалось сделать.

Большинство вопросов приходилось решать нам самим (например, снабжение сапогами, бельем и т. д.). Считаю, что вопросами снабжения должны всегда заранее интересоваться не только те, кто снабжает, но и те, кто зимует, а самое главное — сами начальники полярных станций.

19 июля 1934 г. мы вышли на „Сибирякове“ с 800 тоннами груза, исключая строительные материалы. На Челюскин прибыли 15 августа.

С нами были два вездехода-амфибии и четверо саней-прицепов. Вот эти вездеходы и выполнили роль механизированного транспорта при разгрузке парохода.

Разгрузка превзошла даже встречный план. Стройматериалы неумолимыми зимовщиками подавались непосредственно к месту строительства. Еще не ушел „Сибиряков“, а зимовщики жили уже в двух

домах: один на 10 человек, другой — радиорубка.

По плану нам предстояло застроить площадь жилых и других помещений 361,3 кв. м. Нами же застроена площадь в 1090 кв. м. Это составляет 300% данного нам плана.

12 сентября строители выехали обратно, и вся остальная работа велась исключительно силами зимовщиков. Стал выпадать снег, начала учащаться пурга, а приборы и станки оставались еще под открытым небом. Все силы бросили на установку оборудования. Когда все было под крышей, мы приступили к отделке жилых помещений и лабораторий.

Вести работу на воздухе и в помещениях стало уже трудно без света — надвигалась полярная ночь, а силовая станция еще не была готова. Наши

техники нашли выход. Они временно использовали переносные аккумуляторы от вездеходов и других агрегатов. Собранный батарея давала свет во все дома круглые сутки с нормальным московским напряжением в 120 вольт. Кроме того, на крышах были установлены 5 прожекторов. Это нам позволило не только работать, но даже и охотиться на территории станций.

Летчики, механики, радисты и научные работники работали тогда чернорабочими и плотниками: они укладывали 20 кубометров бетона в фундамент. Они в мерзлоте взрывали аммоналом лунки, чтобы лучше связать бетон с землей. Люди создавали сначала материальный фундамент, чтобы воздвигать на нем фундамент своих научных работ.

II

Прибор за прибором, лаборатория за лабораторией вступали в строй!

Кроме метеонаблюдений, аэрологии, гидрологических наблюдений, которые велись еще при т. Рузове, вступили в свои права новые науки: магнитология, радиоактивность и атмосферное электричество. Некоторая аппаратура была не вполне укомплектована, и многое пришлось сделать и переделать только-что созданной мастерской. В срок был оборудован так называемый магнитный павильон. Много пришлось работать по установке самопишущих приборов, приходилось комбинировать части различных комплектов.

Работа по атмосферному электричеству была поставлена на основе тщательного учета результатов исследований д-ра Шольца во время 2-го международного полярного года. Часть приборов была соответствующим образом перестроена, и благодаря этому были получены ценные результаты. Так, например, удалось получить непрерывную иллюстрацию градиента потенциала, регистрацию проводимости воздуха.

Также были сделаны предварительные измерения поля, возбуждаемого летящим самолетом. Проводились регулярные измерения вертикального тока аппаратом Вильсона, давшим указания на большую связь с метеорологическими элементами.

Впервые в мире была поставлена в Арктике в столь широких размерах работа по радиоактивности. Кроме ежедневной регистрации измерений содержания радиоактивных веществ в воздухе, впервые в Арктике были поставлены новые методы радиоактивных измерений — метод поглощения углем.

В гидрологической лаборатории, помимо обычных гидрохимических измерений, были поставлены гидрофизические работы, как, например, изучение физических свойств (теплопроводность и др.) льда и морской воды.

Метеорологами, помимо обычной работы, были измерены изморози, велось фотографирование интересных облачных форм и сверх плана — ежедневно проводились наблюдения над погодой. Магнитологи наблюдали полярные сияния со специальной площадки, построенной на крыше дома.

Помимо стационарных исследований были выполнены обширные экспедиционные работы. Гидрологами Мелешко и Либным и их помощниками собран значительный материал по гидрологическому режиму пролива Вилькицкого и реки Таймыр. Магнитологом Федоровым произведена магнитная съемка части Таймырского полуострова площадью в 15 000 кв. км, а также маршрутная топографическая съемка. Все это дает материал для исправления, а частично и для построения заново карт местности.

★

Необходимо особо отметить проделанную сверх плана гидрологическую работу по промеру бухты. Конкурс, объявленный на станции, вызвал ряд весьма интересных предложений зимовщиков. Промер бухты был проведен с помощью механического сверла, сконструированного механиком Шоломоуном. Это сверло — или, вернее, целое механическое приспособление — позволило нам сократить обычную сверловку лунки ручным способом с 6 часов до 40 секунд. В результате промера по способу Шоломоуна (было пробито 1050 лунок) пароход „Куйбышев“, пришедший с новой сменой, выгрузился всего в 75—100 м от берега, в то время как прежде суда не рисковали подходить к берегу ближе чем на 600—700 м из-за незнакомства с подводным рельефом.

На станции мыса Челюскина не было ни одной минуты перерыва в радиосвязи. Челюскин все время был узлом, связывающим восток с западом. Три радиотехника станции (они же радисты), соревнуясь с Диксоном, смонтировали рейдовый передатчик и выпрямитель. По этому же передатчику они вели телефонные передачи с судами и островами „Комсомольской правды“.

Гордостью станции является **силовое хозяйство**. Главный объект этого хозяйства — три генератора (моторы и динамо), установленные на бетонных фундаментах машинного зала, и ветряной двигатель. Все управление этими генераторами сосредоточено на одном общем щите, который распределяет электроэнергию по домам, лабораториям и радиорубке. Все объекты силового хозяйства связаны телефоном.

Необходимо отметить, что тип ветряного двигателя, установленного на Челюскине, оказался для эксплуатации весьма подходящим.

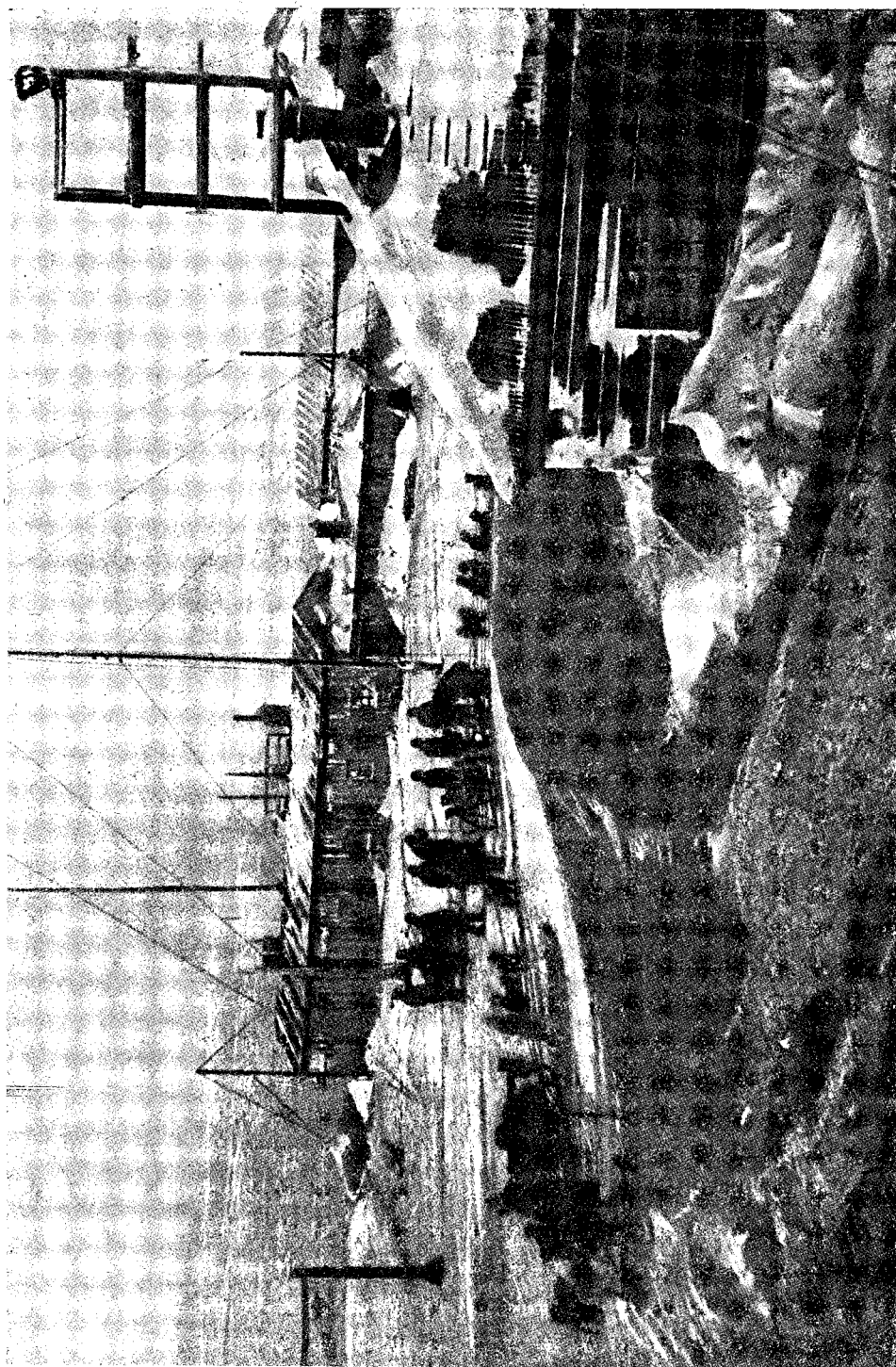
К составу силового хозяйства относится также механическая мастерская, которая часто вынуждена изготавливать все, начиная от гвоздей и кончая сложнейшими научными приборами. В этой мастерской, между прочим, установлен универсальный станок системы Краузе, на котором можно точить, сверлить, строгать и фрезеровать любые вещи.

★

Длинные полярные ночи никогда не тяготили зимовщиков на мысе Челюскина. Каждая минута имела свое назначение.

У нас не было ни снаряжения, ни обмундирования. И вот все включились в работу по пошивке экспедиционного снаряжения. Летчик переквалифицировался в портного, а гидролог — в закройщика. Шили палатки, шили меховые рубашки, чинили и готовили обувь для весны. Не забыли „обмундировать“ и собак. Мастерская и столовая изготавливали нарты.

Ранней весной был организован первый маршрут на мыс Мессера (в 60 км от стан-

Перед отходом в экспедицию (мыс Челюскина)

ции). Мы испытывали наше снаряжение и транспорт, и к чести собак надо сказать, что они оправдали себя на этот раз лучше, чем вездеход-амфибия. Опыт показал, что вездеходы без дополнительных усовершенствований не могут применяться в условиях экспедиции.

Группа т. Федорова ходила в бухту Мод на двух упряжках для проведения магнитных топографических работ. Эта работа явилась продолжением работы, начатой в свое время экспедицией Амундсена и, кроме того, имела целью создать продовольственную базу.

Третий маршрут — на острова Старокадомского, где произведена магнитно-топографическая съемка.

Самой большой экспедицией следует считать экспедицию на реку Таймыр. Таймырский полуостров был впервые перерезан на собаках. Обнаружено, что конфигурация берегов реки Таймыра значительно расходится с нанесенной на карты. Кроме того экспедиция собрала материал о громадном богатстве ценных сортов рыбы, дичи и дикого оленя, которое сосредоточено в этом районе.

Всеми экспедициями пройдено на собаках, на лодках и пешком 3600 км.

III

За время зимовки охота служила средством пополнения наших запасов. Было убито 28 медведей, которые значительно разнообразили меню. Но результаты охоты не могут решать вопрос продовольственных ресурсов на мысе Челюскина. Без планового снабжения не обойтись.

Весьма целесообразным представляется там разведение свиней. Нами завезено 6 свиней, приплод дал еще 13 свиней.

Вопросы питания и культурной жизни зимовщиков всегда стояли на первом плане. Забота всего коллектива о регулярном снабжении свежим мясом, которое было не реже, чем через день, а с весны ежедневно, несомненно содействовали продуктивности работы. Обязательная баня каждые две недели с обязательным взвешиванием и медосмотром, прекрасная библиотека, ленуголок — все это определяло культуру на станции.

У кровати каждого зимовщика висели радионаушники. К сожалению, из-за недоговоренности о сроках передачи нашей станции, которая работала круглые сутки, мы слушали политическую информацию нерегулярно. Все важнейшие постановления правительства и партии и жизнь страны прошли мимо нас.

Коллектив был работоспособный и спящий. А это в условиях Арктики решает все. Когда нам о-в Белый прислал вызов на соцсоревнование, мы сразу же откликнулись на него, вызвав в свою очередь о-ва Диксона

и Встречный. Увы, о-в Диксон к нашему соцсоревнованию отнесся несерьезно, ограничившись только согласием, но не представив своих показателей. Диксон ни разу не поделился с нами опытом своей работы, хотя бы через газету „Полярные известия“, на что у них была полная возможность.

У нас был календарный план работы, который обсуждался всем коллективом. Такая коллективная помощь очень помогала мне в работе.

Стенная газета „Штурм Север“ помогала вскрывать все недочеты, а в особенности она боролась за выполнение соцобязательств. Благодаря соцсоревнованию, проводимому на станции, и на основе всех общественных мероприятий мы имели огромные успехи. Станция имела своих лучших ударников, которые отдавали работе все силы.

★

Из опыта зимовки вытекает много практических выводов. Остановлюсь только на некоторых.

Считаю нецелесообразным допускать зимовку летно-технического состава и самолетов на мысе Челюскина. Гораздо правильнее забрасывать самолеты и людей с началом весны и отправлять их с концом навигации.

Учитывая богатые промысловые возможности района реки Таймыр, целесообразно организовать там промысловый пункт для снабжения мясом зимовок западного сектора. При рациональной организации этого дела можно значительно сократить или даже совсем прекратить завоз мясопродуктов из Архангельска-Мурманска.

Большое значение для освоения района имеет организация избушек с запасом провiantа, горючего и одежды. Нашей зимовкой построена одна такая избушка в бухте Мод в 25 км от станции, приведена в порядок избушка Амундсена в 45 км от станции; в дальнейшем рекомендую выстроить такие же избушки на запад от станции в районе мыса Вега, мыса Полуостровного и в заливе Дика на мысе Могильном (где имеются материалы, оставленные Вилькишким). Наличие избушек представит много удобств участникам зимних экспедиций.

Опыт зимовки показал полную возможность разведения свиней на полярных станциях. Используя отбросы столовой, можно при рациональной организации всецело обеспечить коллектив свежим мясом, независимо от охоты.

Часто работа срывается и осложняется из-за непригодности аппаратуры к полярным условиям. Так, например, вертушка Экмана-Мерца не работает на морозе, ручная лебедка аэролога требует много обслуживающего персонала и т. д. Всесоюзному Арктическому институту следует серьезно проработать вопрос о методике наблюдения в полярных условиях, используя опыт зимовок. Пока этого нет.

В. П. МЕЛЕШКО

Парторг
полярной станции

Учились и отдыхали

I

Погрузив при активной помощи всех зимовщиков все грузы в Архангельске, 19 июля 1934 г. ледокол „Сибиряков“ вышел на мыс Челюскина.

С выходом в море весь коллектив зимовки влился в состав экипажа ледокола и совместно с судовыми организациями развернул партийную и культурно-политическую работу — политкружки, коллективное слушание радио.

Скорее освободить ледокол от грузов и срочно произвести все строительные работы — было боевой задачей зимовщиков и экипажа.

По плану надо было выгрузиться в 14 суток. Но экипаж ледокола и строительные рабочие выдвинули встречный — разгрузить в 8 суток. Создали комиссию в помощь начальнику станции. Наметили конкретный план работ. Расставили силы, учитывая все возможные условия разгрузки — или на лед при наличии припая, или на шлюпках — если будет чистая вода.

Созданные три бригады соревновались между собой. Работа быстро спорилась. 800 тонн груза было переброшено с парохода на пристань, а с пристани на берег — не в 8 суток, а в семь.

Грузы сложены в надежное место. А где жить людям? Зимовщики наряду с строительными рабочими принялись за постройку здания.

Семь коммунистов, четыре комсомольца и все беспартийные сознавали ту большую ответственность, которая на них возложена, и старались перешеголять друг друга на постройке, как это было при разгрузке ледокола. Когда, пока еще вчерне, была закончена постройка жилых домов и зимовщики смогли разместиться под крышей, — приступили к партийно-массовой и культурной работе на станции. В октябре были созданы парт-комсомольская группа, профбюро, редколлегия.

В первую очередь мы позаботились о том, чтобы регулярно получать по радио сообщения о жизни нашей страны. Ответственный редактор стенгазеты — автор этих строк — обязался доставлять информации с Большой Земли. Ежедневно за обедом сообщались новости о жизни, о работе в нашей стране. Вскоре эти сообщения были заменены установкой мощного приемника, который давал возможность всем зимовщикам слушать Москву.

Внутрипартийная работа заключалась, главным образом, в проведении партсобраний. Обсуждались вопросы политвоспитания, план работ, общественной и производственной жизни, о дисциплине отдельных коммунистов. Были заслушаны доклады о работе командира авиозвена, начальника станции, комсорга и других. За всю зимовку было 8 собраний. Однако, внутрипартийная работа все же страдала из-за отсутствия организационного оформления и слабости работы парторга т. Расщепкина, который потом был переизбран.

II

Задание партгруппы во что бы то ни стало организовать нормальную работу на зимовке к 17-й годовщине Октября — выполнили. Были организованы кружки: ленинизма, политграмоты и текущей политики. Во всех домах и во все комнаты было проведено радио.

После проведения Октябрьской годовщины кружки начали пропагандистскую работу. До апреля было проведено по ленинизму 8 занятий, по политграмоте 6, по текущей политике 3 занятия.

Самым массовым и живым кружком был кружок текущей политики, которым руководил начальник станции т. Папанин. Однако, он не долго существовал, так как мы

нерегулярно получали политические новости из Большой земли.

Также не смогли удержаться до конца зимовки и остальные кружки. С наступлением светлых дней все зимовщики снова переключились на наружные работы и экспедиции. С апреля все кружки замерли.

Все революционные даты мы всегда отмечали. Особенно тяжело переносила зимовка известие о злодейском убийстве белогвардейскими подонками зиновьевско-каменевской оппозиции С. М. Кирова. Памяти С. М. Кирова мы посвятили траурное собрание коллектива. Был выпущен специальный номер стенгазеты, а также было проведено два занятия на тему о троцкистско-зиновьевской оппозиции.

Смерть В. В. Куйбышева, годовщина смерти В. И. Ленина были также отмечены траурными собраниями.

III

Кроме политкружков на станции работали общеобразовательные кружки, кружок по изучению приема и передачи по радиотелеграфу, кружок мотористов, иностранных языков.

Организовали цикл популярных лекций по всем научным дисциплинам, представленным на полярных станциях. Было прочитано 11 лекций (по гидрологии, магнитологии, аэрологии, метеорологии и др.).

В условиях зимовки, когда люди отдалены от культурных центров нашей страны, зимовщики проявляют большой интерес к радио. Особенно это замечается в тех местах, где отсутствуют туземные поселки.

Для того чтобы иметь возможность слушать последние известия по радио, с наступлением полярной ночи внутренний распорядок дня станции был переведен на

московское время. Таким образом, все зимовщики имели возможность слушать не только последние известия, но и музыку. С наступлением же рассвета, когда начались наружные работы, распорядок дня пришлось снова перевести на местное время, что, конечно, отрицательно повлияло на регулярное слушание радио. Вель наше время на четыре часа впереди, по сравнению с московским. С другой стороны, с наступлением весны расписание радиостанции также было изменено, и мы совершенно были лишены всякой возможности слушать политическую информацию.

Все мероприятия Политуправления по политической и культурно-массовой работе не могли быть нами использованы по той причине, что расписание радиостанции не было увязано с этими культурно-политическими мероприятиями.

Не плохо работала наша библиотека. Русские и иностранные классики и современные советские писатели помогли поднять культурный уровень зимовщиков.

Большое место в развлечениях занимал лыжный спорт. Хорошей погодой пользовались для лыжных вылазок.

Охота привлекала каждого зимовщика, но этот вид развлечения не мог быть применен в достаточной степени. Чтобы охотиться по-настоящему, надо было уходить далеко от станции, а на это ни у кого не находилось времени.

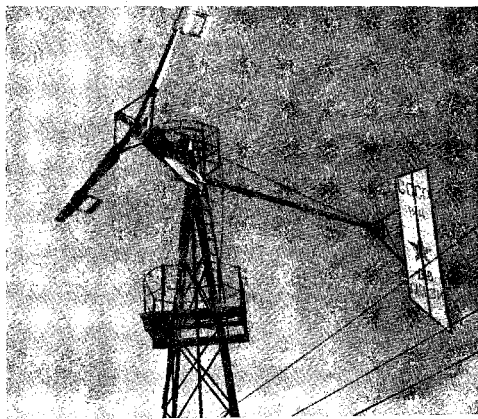
В шашки играли все как один. Устроили турнир с премиями победившим. Шашечный турнир продолжался почти месяц и увлек всех зимовщиков. Домино, бильярд являлись также большим развлечением для большинства зимовщиков. Кроме того были организованы стрелковые соревнования на стрельбу из мелкокалиберной винтовки. Соревнования прошли хорошо.

Играли в шахматы по радио со станцией о-ва Диксона, Матшаром, о-вами „Комсомольской правды“ и клубом харьковских пионеров—юных исследователей Арктики. Весь коллектив ревностно следил за этой игрой и чествовал победителей, если они оказывались членами нашей станции. Мы сыграли две шахматных партии с Диксоном, и обе партии были выиграны зимовщиками нашей станции—т.т. Либиным и Проховым. Остальные партии не были закончены, так как наступила экспедиционная страда. Участники игр уходили в экспедиции.

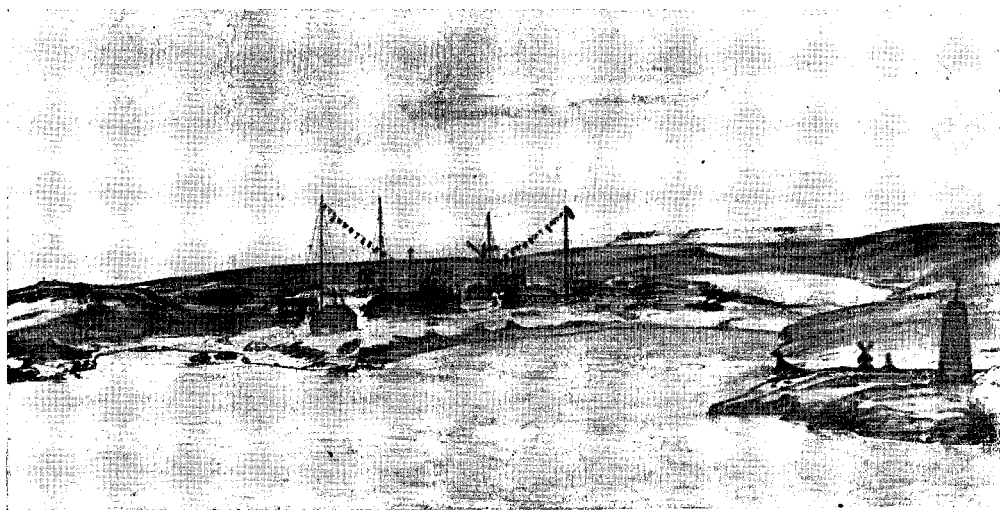
IV

Вся массовая работа и вообще вся жизнь на станции протекала в прекрасных бытовых условиях.

Зимовщики были размещены по два и по одному человеку в комнате размером 14—16 кв. м. Столовая и красный уголок были прекрасно оборудованы. Огромная работа,

Ветряк

Общий вид полярной станции мыса Челюскина

Рисунок механика В. Сторожко

проделанная коллективом с осени, окупилась сторицей на протяжении всего года.

Мы всего этого добились благодаря методам соцсоревнования. Таких тт., как Зуев, Лебедев, Больдин (плотник станции), которые не считались ни с временем, ни с силами, а работали над тем, чтобы условия работы и жизни на станции не были плохими, — мы премировали.

Повар станции т. Курбатов, служитель Пурменцов, которые обслуживали весь коллектив, были также неоднократно премированы. Много других товарищей также честно работали, не покладая рук, — партийцы Мельников, Ходеев, комсомольцы Сторожко, Либин, Литыгин, Федоров и ряд других научных работников, механиков и радистов — Герасименко, специалист по атмосферному электричеству, Шоломоун — старший механик станции и другие. Все они показали подлинно большевистские образцы работы на станции.

Большую роль в организации работы и жизни станции сыграла стенная газета „Штурмуем Север“. За весь период зимовки вышло семь номеров газеты и четыре бюллетеня. Газета была оперативным органом. Она сколачивала коллектив в единую, крепко сплоченную семью, борясь беспощадно со всеми недостатками в работе и жизни, кри-

тиковала живых носителей зла. Газета боролась за социалистические методы работы за партийность, за хорошую, крепко спаянную зимовку.

Газета показывала лучших своих ударников. Наконец, к активному участию в газете был привлечен почти весь коллектив. Может, два-три человека найдутся, которые ни разу не писали в газету.

Большой работе, проведенной на станции, мы обязаны сплоченностью и спаянностью, какие были на зимовке. Огромную роль в этом сыграли партийная, комсомольская и профсоюзная организации. Но нельзя недооценить той роли, которую во всем этом сыграл наш начальник т. Папанин. Его опыт, умение организовать всех, а самое главное — быть всегда во всякой работе впереди всех — много способствовали повышению и количества и качества работы.

Мы на зимовке шли всегда в ногу со всей общественностью нашей великой родины. Мы провели подписку на заем третьего года второй пятилетки и другие кампании.

Однако, можно было сделать много больше и лучше, если бы мы имели хорошую связь с Политуправлением. Мы иногда получали директивы, но не было материалов для проведения в жизнь этих директив.

А. В. СВЕТАКОВ

Бывш. начальник
о-ва ДиксонаНАША ЗИМОВКА¹

I

Погрузив на собственных плечах 1700 тонн грузов в Архангельском порту (Бакарица) на пароход „Томский“, группа зимовщиков Диксона в количестве 120 человек 4 августа 1934 г. покинула Архангельск.

Весь путь занял десять дней и все это время работа на борту судна протекала нормально. Подготавливались и опробовались катера, сортировалось и сверялось с документами имущество, оборудование, спецодежда и продовольствие, велась политико-просветительная беседа. Читались и доклады о задачах, стоявших перед зимовщиками в предстоящей зимовке.

14 августа расцвеченный по-праздничному пароход „Томский“ вошел в бухту Диксона.

Несмотря на проливной дождь, все зимовщики высыпали на палубу. Незабываемые впечатления остались от первого взгляда на о-в Диксона, особенно в такую ненастную погоду. Холодный ссенний дождь, серое небо, серое море, мрачные черные скалистые берега, прорезанные белыми жилами вечного снега, и зеленые лужайки низменных мест — распадинок острова, по которым журчат прозрачные ключи снеговой воды.

Старые зимовщики Диксона и прибывшие туда раньше начальник строительства радиостанции т. Ходов и начальник строительства порта т. Громыхалов с группой новых зимовщиков встретили нас при входе в бухту криками „ура!“

Подвели к борту „Томского“ баржи и начали разгрузку. Прибывших раньше нас строителей Севенстроа, уже начавших постройку гражданских сооружений на Но-

вом Диксоне и в порту, решено было не снимать на выгрузку, а проводить ее силами одних зимовщиков и команды парохода. И действительно, весь груз был выгружен в течение семи суток.

До 1934 г. максимальное количество зимовщиков на Диксоне не превышало 16 человек, мы же приехали сразу зимовкой в 145 человек. О размещении всех зимовщиков по квартирам поэтому не могло быть и речи, нужно было сначала построить дома, склады, технические здания, а уже потом размещаться самим. Зимовщики Старого Диксона еще кое-как были расселены

в домах, но в порту и на Новом Диксоне было голое место, тундра и скалы. На этих пунктах зимовщики были поэтому расселены частично в наскоро сколоченных досчатых будках, частично — в рубках барж, а то и просто в палатках.

Такое положение с жильем продолжалось в течение августа, сентября и даже части октября. Тем временем уже наступила аним. 15 сентября выпал снег, и температура воздуха падала с каждым днем, достигая в конце сентября — 20°. Но мы продолжали работать.

II

Перед коллективом Диксона стояли три большие задачи: **построить радиозузел, построить первый причал морского порта и провести полностью программу научных работ.** Устройством жилья и, как у нас было принято выражаться, устройством личных дел люди могли заниматься только в свободное время, но этого свободного времени ни у кого не было, ибо жесткие сроки окончания строительства требовали от зимовщиков максимального напряжения и энергии.

Я приведу несколько декадных сводок, из коих будет видно, какими темпами двигалась работа.

¹ Помещая статью тов. Светакова, редакция отмечает, что эта статья лишена элементов самокритики, особенно в отношении строительства причалов.

Вот сводка № 1, на 1 сентября 1934 г.: „На 1 сентября закончена разгрузка оборудования, материалов, продовольствия с барж на берег на Новом и Старом Диксоне, также — на угольной базе. На Старом Диксоне закончен дом, склад, на Новом Диксоне закончено два склада для горючего и материалов, жилой дом — на 40%, силовая — на 50%, проложена узкоколейка в 750 м. На угольной базе закончен склад для взрывчатки, сарай для скота, приступлено к сборке барака на 45 человек. Всего на Диксоне вместе с сезонниками и иждивенцами: Новый Диксон — 105, Старый — 90, угольная база — 60, всего 255 человек. Полярная станция старой смены принята полностью. Изыскания порта идут к концу, на днях будет принято решение о месте постройки порта“.

И через два с половиной месяца напряженной работы в Главсевморпуть была послана сводка № 8 (на 20 ноября):

„На Новом Диксоне установлены вторая, третья мачты по 35 м, подготовлена четвертая; первый дизель, динамо работают исправно, установлен второй дизель в 50 HP, монтаж передатчиков сделан на 90%, мачты оснащены реями, подвешена одна антенна между 65- и 35-метровыми мачтами, идет установка аккумуляторов; ветродвигатель дал полторы тысячи киловатт-часов. Пурги тормозят установку последней мачты, фидеров. На Старом Диксоне — строится помещение для собак, за прошедшие месяцы научная работа выполнена на 100%. На угольной базе на Конусе установлена компрессорная, рубленый дом, устанавливаются двигатель компрессоры и динамо. Взорвано, отвезено на площадку 300 кубометров камня. Закончена стройкой силовая. Пурги, морозы 30 градусов, полярная ночь влияют отрицательно на ход работы, однако, при всех трудностях бригады соревнуются успешно“.

Так работали диксоновцы, несмотря на то, что уже стояла суровая полярная ночь. Полярная ночь на Диксоне продолжается с 15 октября по 1 февраля.

Это интересное явление природы несет с собою много новых ощущений для зимовщиков. Неподдающиеся описанию сполхи северного сияния заливают почти дневным светом безмолвные ледяные просторы моря, безбрежную белую равнину тундры и превращают все окружающие вас предметы в какие-то необыкновенные, фантастические. Вот с севера появились блестящие полоски тоненьких световых облаков, полоски соединились друг с другом и отсвечивают всеми цветами радуги, разрастаясь по всему горизонту. Вдруг из ровной светящейся полосы каскадами чуть не до самой земли опустились цветные драпир, загорелись стороженные зубцами, и весь этот небесный занавес приходит в движение, цвета меняются с кинематографической быстротой, и в довершение картины — вдруг во все небо

развернется колоссальная световая спираль. То усиливаясь в цветах, то постепенно ослабевая, эта световая спираль превосходит миллионы фейерверков и рекламных огней празднично-убранного города. Можно часами стоять, несмотря на жгучий мороз, и любоваться этой красотой природы далекого Севера, этим сказочным явлением, компенсирующим людей за лишение их в Арктике жарких солнечных дней, зеленых лугов и лесов, яркого, так необходимого людям солнца.

Но сплошная ночь в течение трех с лишним месяцев действует отрицательно на психику людей. Слабые и нервные натуры теряют равновесие, становятся раздражительными, болезненно придирчивыми или уединяются. Если коллектив осторожно, бережно, но настойчиво проявляет повседневное внимание к таким людям, привлекает их к деятельности и к обществу, загружает интересной работой, то человек, начавший „психовать“, преобразается, делается снова подвижным, веселым и жизнерадостным, т. е. приходит в нормальное состояние.

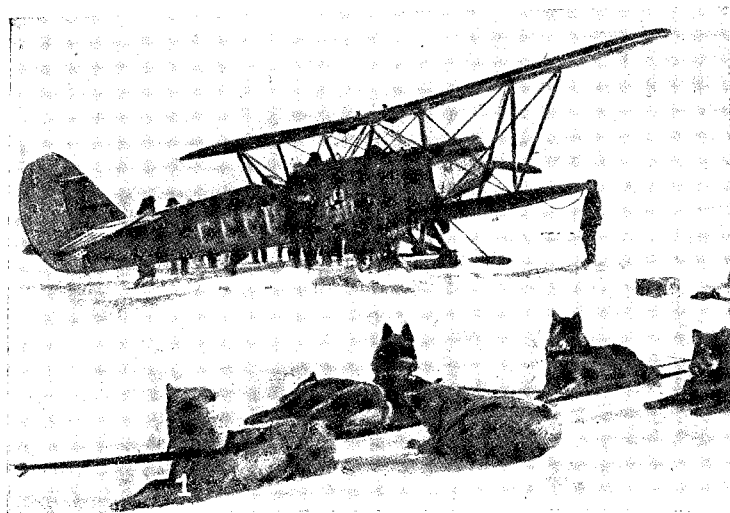
На Диксоне полярная ночь не внесла ни уныния, ни упадочничества, и „психов“ не оказалось, ибо перед зимовщиками стояли оошьние производственные задачи, и их надо было срочно выполнить. Ночью, как и днем, как в помещениях, так и на территории всех трех населенных пунктов велась напряженная работа.

Лампы прожекторов ярко освещали территорию стройки. Настольные лампы с зелеными абажурами в комнатах создавали уют и нормальную обстановку для работы и отдыха.

В самую темную ночь, 19 декабря, диксоновцы одержали первую большую победу: окончили монтаж радиозула и опробовали в эфире мощные передатчики. Поеда воодушевила. Люди знали, что в прорыве еще один крупный участок Диксона — причалы: нужно было переключить всю энергию зимовщиков для того, чтобы у пурги, мороза и северных ветров взять с боя и этот участок.

В январе перфораторы вгрызались в вековые скалы острова Конус, и строители начали всерьез штурмовать дикий остров. Все транспортные средства — трактор, вездеход, лошади и собаки — были брошены на этот труднейший участок. Аммоном взрывался лед 3—4-метровой толщины, и на специально сделанных громадных саянах он отвозился от майн. Арктика грозно отстояла свои твердыни. Пургами неузнаваемо заравнивались все труды человека. Требовалось 2—3 дня усилий всех строителей порта, чтобы снова раскопать твердый как камень снег и снова очистить майны для продолжения работы. Но новая пурга снова и снова заносила снегом все, что было очищено с такими большими трудностями.

Острѳ

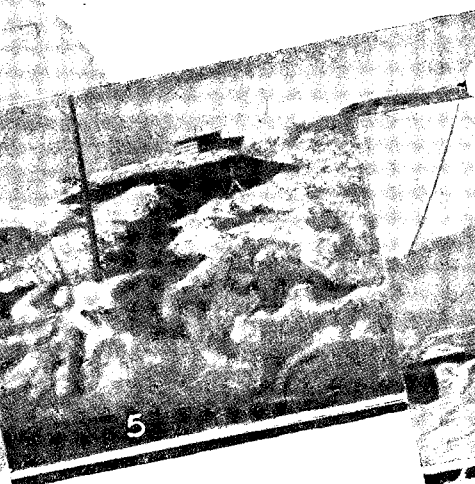
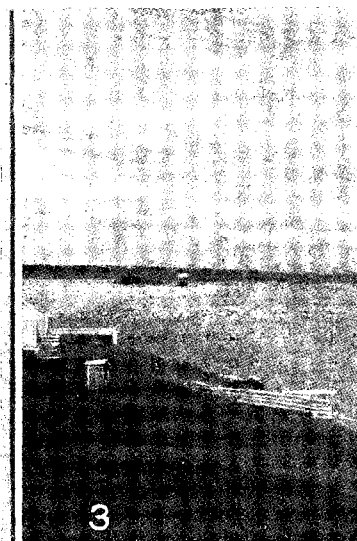

1. Прилет Молокова

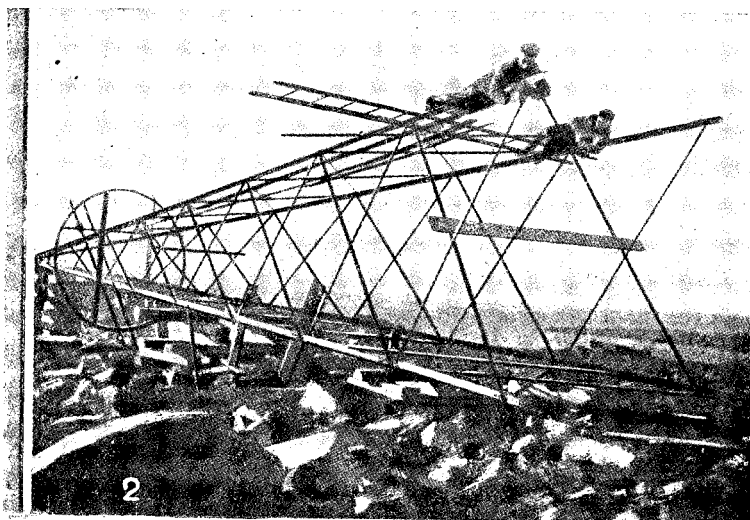
2. Постройка ветродвигателя

3. Бухта Диксона

4. Охота на нерпу

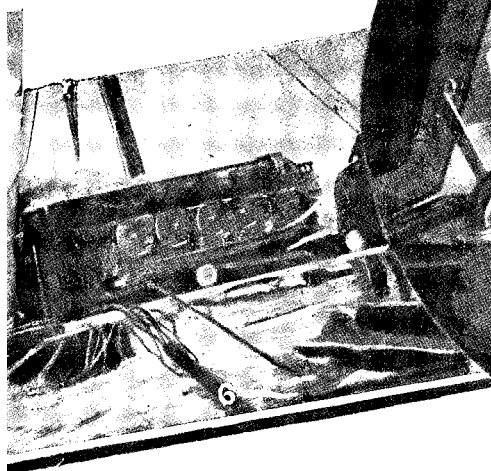
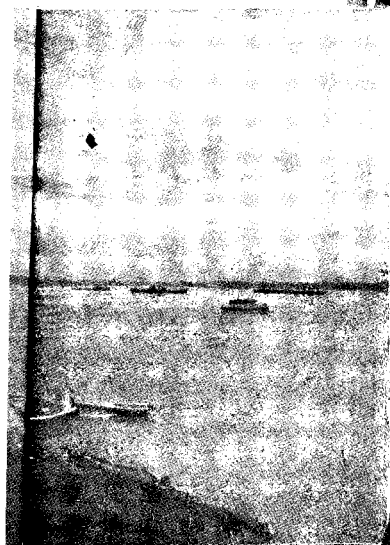
Ді
іксона

5. Остров Конус

6. Машина с шхуны „Белушатник“

7. Тов. Светаков у патефона

Наступил долгожданный день, выглянуло на несколько минут и трусливо спряталось за горизонт яркое, но холодное солнце. Коллектив понял, что до весны остались считанные месяцы, и строители порта сплотились, сжались в один могучий кулак для нанесения решительного удара на этом участке. Десятичасовой рабочий день, отказ от выходных дней и повышение производительности труда на 125⁰/₀ в апреле и 150⁰/₀ в мае.

14 мая 1935 г. зимовщики Диксона одержали новую крупную победу, спустив первый ряж, завершив тем самым тяжелую девятимесячную борьбу с природой.

III

Быт зимовщиков Диксона был организован и уложен в определенные нормальные рамки. Распорядок дня предусматривал как время отдыха, так и время культурных развлечений даже в самые горячие дни. Всю зиму работали во всех трех пунктах кружки по истории партии. Занятия кружков один раз в пятидневку были регламентированы двухчасовым сроком, но часто они затягивались на 3—4 часа. Как правило, занятия на кружках проходили оживленно и при полном составе занимающихся. Помимо политкружков, на строительстве порта всю зиму работали кружок ликбеза и кружок повышения общего образования. Эти кружки состояли исключительно из рабочих стройки.

Увлекались зимовщики шахматами и домино. Домино, пожалуй, являлось популярнейшей и, как ни странно, «азартнейшей» игрой.

Был сыгран по радио шахматный матч Диксон — мыс Челюскина, в котором Диксон, увы, потерпел поражение. В конце года был начат матч между Диксоном и Москвой на пяти досках, но закончить его не удалось.

Лыжный спорт и стрелковые соревнования особенное развитие получили только с наступлением светлого времени. Стрелковый спорт приобрел жгучий интерес, потому что в это время появилось много морского зверя (нерпы, морского зайца) и белых медведей. Весною, когда в тундре появились дикие олени и в изобилии прилетели гуси, стрелковый спорт целиком перенесся на практическую почву — на охоту.

Зимовщиками убито около 400 штук нерп, несколько морских зайцев, 36 диких оленей, 13 белых медведей и очень много диких прекрасных жирных гусей. Летом в бухте артелью зимовщиков поймано 37 белух одной лишь сетью. Охота была настолько большим событием в жизни зимовки, что об этом говорили на всех перекрестках, ибо мясо белого медведя и оленьей давало прекрасный питательный стол; печенка нерпы и морского зайца не усту-

пает по вкусу хорошо приготовленной телушки печенке. Жир нерпы и белухи кроме того составлял доходную статью зимовщиков, и многие заработали на этом деле по 400—600 рублей за сравнительно короткий период. Достаточно указать, что трудочас на ловле белухи дал по 16 руб. 50 коп.

На всех трех точках выходили стенные газеты под названием «Полярная стройка», «За полярную связь» и «Портостроитель». На страницах газет была широко развернута самокритика, не взирая на лица. Там же обсуждались вопросы стройки, быта, промышленности.

Местные художники рисовали карикатуры на зарвавшихся товарищей, на лодырей и отстающих. Газета обычно имела большой успех, ее читали все зимовщики.

Специальный корреспондент «Правды» т. Горбатов организовал издание диксоновского «Крокодила» — юмористической газеты «Подзатыльник», едко, сатирически подмечавшей ряд недостатков в жизни острова. И, наконец, т. Горбатовым издавался ежедневный бюллетень под названием «Движение льдов и движение людей».

IV

Большим событием для диксоновцев был **прилет героя Советского Союза В. С. Молокова**. Легко представить себе радость и подъем настроения всех зимовщиков. Весть о том, что в феврале прилетит Василий Сергеевич, молнией облетела все население Диксона, десятки телеграмм посыпались на Большую землю с напоминаниями о письмах.

Добрая сотня людей, вооруженных лопатами, палками, вышла в середине февраля на бухту подготавливать «аэродром». Был разбит аккуратно отмеренный, ровный четырехугольник 800 × 800 м. В середине «аэродрома» был облит красной краской круг, углы обозначены вешками с установленными вокруг них пустыми бочками.

Два дня зимовщики равняли и чистили «аэродром», срывая твердые как лед снежные заструги, утаптывая и разламывая комья снега. Вездеход также был привлечен на помощь людям. Делая круги по «аэродрому», вездеход своими гусеницами взрыхлял слежавшийся снег, создавая мягкую перину для посадки самолета. На «аэродроме» была установлена фанерная будка, в будку за целый километр были подведены два провода — телефон и микрофон, готовилась радиопередача прилета Молокова в Арктику.

Но из-за пурги и невероятной силы ветров прилет все оттягивался. Не раз и не два «аэродром», так старательно выровненный зимовщиками, возвращался к своему первобытному состоянию, и снова

зимовщики терпеливо и старательно вскапывали твердые снежные заструги. 12 марта Молоков вылетел из Усть-Порта и взял курс на Диксон. Диксон связался по радио с самолетом. Оставалось час — полтора до прилета, все население Диксона высыпало на „аэродром“, вся Арктика с напряжением ждала своего родного Молокова. Около десятка собачьих упряжек привезли промышленников с периферии.

Но в этот день Молокову не удалось преодолеть густой туман и пургу, окутавшие район Диксон-бухта широкой непроходимой пеленой. Не долетев 200 километров до Диксона, Молоков вынужден был повернуть обратно и опуститься на полярной станции Гольчиха, где в ожидании летной погоды вынужден был просидеть вблизи от цели целых семь дней.

Но вот 19 марта установилась летная погода. Василий Сергеевич стартовал из Гольчихи и через два с половиной часа приземлился на аэродроме Диксона.

Сколько радости и восторга привез этот человек с собой для зимовщиков! Горы писем, посылки, журналы, газеты.

Новые пластинки для патефона, привезенные Молоковым, прослушивались коллективно, и потом отдельные зимовщики навистывали себе под нос обретенные вновь мотивы песенок из „Под крышами Парижа“.

Долго еще — после окончательного отлета Василия Сергеевича — зимовщики с восторгом вспоминали этот геройский перелет, эти незабвенные радостные, праздничные дни.

На острове жизнь между тем текла своим чередом. Полярная ночь сменялась полярным днем, и мрачная арктическая природа преобразилась. До боли в глазах сверкала снежная равнина под лучами яркого арктического солнца. Зимовщики вооружились синими и желтыми очками. А солнце раскалялось все сильнее.

V

Еще осенью 1934 г. за 250 км от острова Диксона у острова Сибирякова (Кузькин) потерпела аварию шхуна Таймыртреста „Белушатник“. Много раз толковали на Диксоне о том, что „Белушатник“ надо спасти, да все или не хватало времени и рабочих рук, или не осмеливались идти на это рискованное предприятие. Но вот приближалась весна. Таймыртрест не принимал никаких мер к спасению, если не всего судна, то хотя бы машины Бонкеллер, стоящей несколько тысяч золотых рублей.

Откладывать больше было невозможно. Лучшие ударники Диксона были отобраны в экспедицию по спасению „Белушатника“.

После тщательной подготовки трактор „Сталинец“ ЧТЗ, прицепив на буксир грузовые сани с горючим и оборудованием и построенной для девяти членов экспедиции избушкой, в сопровождении одной упряжки

собак на „всякий случай“, 17 мая вышел с Диксона в продолжительное и необычное для него путешествие по ледяным торосам, по непроторенным дорогам Енисейского залива. Экспедиция была снабжена всем необходимым, вплоть до походной радиостанции.

Время на экспедицию было дано 13 дней. „1 июня, — гласил приказ, — экспедиция должна быть дома, на Диксоне, закончив операцию по спасению шхуны“.

Лучшие ударники Диксона еще раз оправдали свое звание, закончив всю операцию по спасению машины Бонкеллер, с переходами туда и обратно, в десять дней. Шхуна „Белушатник“ находилась по палубу под водой, а сверху, почти до мачт была занесена снегом. Со всеми этими трудностями группа в девять человек справилась блестяще.

Водолазы под водой провели работу по снятию машины с фундамента и, застропив ее тросами через блоки, при помощи того же трактора извлекли машину наверх.

27 мая экспедиция благополучно вернулась на Диксон, привеза с собою трофеи своих побед. Машина была разобрана по частям, промыта, смазана и упакована в ящики.

VI

Пролетели в горячей работе июнь и июль, и наступило „жаркое“ в текущем году полярное лето. Температура воздуха в полдень доходила до $+15^{\circ}\text{C}$.

Пароходы быстро со всех сторон, с Мурманска и Архангельска, из Владивостока и Ленинграда, из Якутска, Красноярска и Тобольска, повели наступление на Арктику. Приятные дни ожидания пароходов и забота во что бы то ни стало закончить в срок строительство первого причала.

27 июля в густом как молоко тумане раздался гудок теплохода „Красноярский рабочий“, первым пришедшего в текущем году на Диксон. Но туман был настолько густой, что увидеть что-либо в море даже на расстоянии 15 м было невозможно.

Пришлось волноваться, переждать на берегу, когда рассеется туман. Наконец, туман начал подниматься, и человек тридцать зимовщиков на катерах и шлюпках ринулись навстречу гудящему теплоходу.

Громким „ура!“ обменивались зимовщики с первым судном, пришедшим к ним с Большой земли. Среди пассажиров теплохода оказалось 13 ударников, приехавших из Днепропетровска, — подарок шефа, пролетариев Днепропетровщины, Диксону. И небывалое для Арктики явление — приехал заполярный театр артистов-профессионалов, театр, организованный Политуправлением Главсевморпути.

А 28 июля, необычно рано в текущем году, прибыла и первая группа морских парохо-

дов с лидером Ленско-Карской экспедиции — ледоколом „Ермак“ во главе.

На пароходе „Крестьянин“ прибыла и новая смена зимовщиков острова Диксона.

Заполярный театр 30 июля дал первую постановку пьесы Мольера „Тартюф“. Коллектив театра оказался прекрасно подготовленным, с хорошо подобранным составом. Театр посещался не только зимовщиками старой и новой смены, но и командами пароходов и ледоколов, стоящих в гавани Диксон. Помимо спектаклей и концертов на острове, театр дал концерт на ледоколе „Ермак“ для экипажей нескольких судов, стоявших по соседству с „Ермаком“.

Началась страдная пора. Сдача-приемка островного хозяйства, ознакомление новых зимовщиков с процессом работ. Для преемственности старые диксоновцы оставили 14 человек разных специальностей в повторную зимовку на полярной станции и 15 человек на строительстве причалов. Кроме того, 16 человек — радисты, механики и маттовики — оставлены до конца навигации для работы на полярной станции, и лучшие ударники строительства порта — в количестве 30 человек — также остались на работе до конца навигации.

С сожалением покинула группа зимовщиков Диксона свой родной обжитый остров. Многие из них, безусловно, снова вернутся в Арктику, обязательно вернутся.

★

Из опыта прошедшей зимовки, естественно, напрашивается ряд практических выводов. Во-первых, такие крупные зимовки, как Диксон, Нордвик и Тикси, уже не просто зимовки, а стали **заполярными поселками**, где могут и должны оседать постоянные жители. **Из местного населения и, главным образом, из националов должны подготавливаться квалифицированные кадры.** Мотористы, слесари, метеорологи, гидрологи и другие специальности, не требующие длительного обучения, не говоря уже о плотниках, бурильщиков и чернорабочих, могут и должны быть подготовлены на месте.

Во-вторых, в новых заполярных поселках должна быть **развернута нормальная советская торговля.** Без нее исключается возможность приезда семейных людей и оседание их на долговременное пребывание в заполярных поселениях. Завоз же холостяков на год и даже на два года консервирует

все ту же текучесть личного состава и неполноценность его работы.

В-третьих, в заполярных поселках должны сразу же ставиться на ноги **народное образование**, школы-интернаты, как первый этап, и школы нормального типа, как второй этап.

В 1934 г. к Ленинским дням на мысе Быкове (бухта Тикси) в якутском поселке была установлена электростанция и в каждую избу провели лампочку „Ильича“. Нельзя представить себе, какой переворот произвело это явление в жизни и психологии народов Севера, вступивших уже на путь ликвидации своей отсталости.

Они (якуты) радовались как дети, удивлялись, что огонь горит, а лампочки холодные. Целыми вечерами семьи просиживали вокруг электрической лампочки, и только глава семьи имел право доступа к выключателю. Таким образом, внедрение культуры в отдаленнейших уголках Советского севера приобретает не на словах, а на деле целые народности к социалистической жизни.

В-четвертых, такая, казалось бы на первый взгляд, мелочь, как сапожная мастерская или починочная — насущное предприятие заполярного поселка. Приходящая в негодность обувь и одежда из-за небольших дефектов выходит из строя, и починить некому и нечем. Даже больше: добываемые на месте шкуры морзверя и оленя — прекрасное сырье для изготовления полярной и рабочей обуви и одежды, что частично практиковалось на Диксоне. Однако, это пока не имеет широкой практики из-за отсутствия починочных и сапожно-пошивочных мастерских.

В-пятых, необходимо в крупных заполярных поселках иметь почту и другие учреждения, превращая тем самым „зимовки“ в обычные населенные пункты, одинаковые со всеми населенными пунктами страны.

Эти культурные очаги, избавляя государство от расходов по завозу и вывозу рабочей силы, будут способствовать оседанию туземцев на оседлую жизнь и лягут в основу быстрого роста новых заполярных центров.

Превращение уже существующих крупных заполярных поселков в районные центры для всего населения — внесет новую „деталь“ в практику освоения Севера, приблизит и приобщит все туземное население к освоению богатств Арктики.

СДЕЛАТЬ УСТОЙЧИВЫМ ПЕСЦОВЫЙ ПРОМЫСЕЛ

I

Колебания численности песка, так называемые „урожаи“ и „неурожаи“, хорошо известны охотникам-промышленникам, пушникам-заготовителям и неоднократно отмечались в специальной зоологической и охотничьей литературе. Причина этого явления до настоящего времени еще не изучена, но, повидимому, решающим фактором является „урожай“ или „неурожай“ лемминга (пеструшки) — основного корма песка в голодное зимнее время.

Таким образом возможно, что причины колебания численности песка упираются в колебания численности лемминга и смогут быть решены только при выявлении причин, вызывающих „урожаи“ и „неурожаи“ лемминга.

Колебания численности песка происходят периодически, подчас довольно точно, но эта периодичность, неоднократно отмеченная в литературе, также еще не изучена. Периодика колебаний численности песка неодинакова для всей обширной территории тундровой зоны нашего Союза. В различных районах амплитуды колебания различны. Эти различия в периодике колебаний численности песка дают основание утверждать, что поголовье песка в нашем Союзе не представляет собой чего-то цельного и нераздельного, а состоит из отдельных стад, или, как их называют, популяций, живущих самостоятельной жизнью, отличной от жизни соседней популяции, и имеющих свой самостоятельный ритм колебаний численности.

Таких самостоятельных песцовых стад в пределах нашего Союза намечается двенадцать: 1) **мурманское** — в пределах Кольского полуострова, 2) **северное** — в пределах Северного края, 3) **новоземельское** — в пределах обоих островов Новой Земли, 4) **ямальское** — в пределах между Уральским хребтом и рекой Обью, а также, повидимому, и полуостров Малый Ямал (между Обской и Тазовской губами), 5) **гыдымское** — в пределах между Обской и Тазовской губами и рекой Енисеем, 6) **таймырское** — в пределах между реками Енисей и Хатанга, 7) **западноякутское** — в пределах между реками Хатанга и Лена, 8) **янское** — в пределах между реками Леной и Индигиркой, 9) **колымское** — в пределах между рекой Индигиркой и верховьями правых притоков реки Колымы, 10) **чукотское** — в пределах Чукотского полуострова между побережьем Чукотского моря и Становым хребтом, 11) **анадырское** — в пределах бассейна реки Анадырь, северной части Камчатки и западного побережья Охотского моря, 12) **командорское** — в пределах Командорских островов.

Поголовья песцов на островах Северного Ледовитого океана, по-видимому, не являются самостоятельными популяциями, а входят в соответственные материковые популяции. Исключение представляют новоземельское и командорское стада, а также и поголовье песцов Земли Франца-Иосифа, которые вместе с поголовьем песка на островах Шпицберген составляют, по-видимому, самостоятельное **шпицбергенское стадо**.

Намеченное деление поголовья песка на отдельные стада, произведенное на основе отрывочных и лоскутных литературных данных и ведомственных материалов, конечно, не окончательно и в дальнейшем будет уточнено, а быть может и изменено. Кроме того, каждое стадо, кроме островных, не представляет собой чего-то замкнутого и совершенно обособленного. Между отдельными стадами нет резких границ, и в районах соприкосновения двух стад ритм колебания численности может совпадать то с одним, то с другим из смежных стад.

Для того чтобы проследить периодику колебаний численности, приходится прибегнуть к **материалам заготовок**, так как эти материалы являются единственными, отражающими периодику „урожайности“ песка. Но эти данные не дают возможности достаточно детально проследить периодику колебаний, так как выход песцовых шкурок зависит не только от имеющегося поголовья, но также и от **степени интенсивности промысла и организованности** пушных заготовок.

Кроме того, имеющиеся данные заготовок пушнины и, в частности, песцовых шкурок приурочены к крупным административным единицам: краям, областям, республикам. Эти данные объединяют несколько стад, а в иных случаях разрезают одно стадо на две части. Периоды колебания численности, выведенные на основании данных пушных заготовок, показывают поэтому периодику колебания численности не отдельного песцового стада, а среднюю периодику нескольких стад, обитающих в пределах рассматриваемой административной единицы. Эта средняя периодика, благодаря несовпадению ритмов колебания численности у отдельных стад, более сглажена, но все же достаточно заметна. Даже в целом по Союзу наблюдается определенная периодичность в „урожае“ песка. Это видно из следующих данных:

Заготовки песка в штуках в целом по СССР:

1925 г.	58 805 шт.	1930 г.	111 171 шт.
1926 г.	71 232 „	1931 г.	50 629 „
1927 г.	103 165 „	1932 г.	81 919 „
1928 г.	78 708 „	1933 г.	115 723 „
1929 г.	52 694 „	1934 г.	62 483 „

Из этих данных следует, что по Союзу наблюдается **трехлетняя цикличность**, когда после „урожая“ следует резкое снижение, потом некоторое повышение, затем опять наступает год „урожая“. Годы песцовых „урожаев“ по Союзу падают на годы: 1927, 1930, 1933, т. е. на годы, кратные трем. Урожайным годом должен быть предстоящий 1936 год.

II

По отдельным районам наблюдается такая же цикличность в колебаниях численности песка. К их рассмотрению мы сейчас и перейдем.

Мурманский округ. В заготовки песцовых шкурок по Мурманскому округу попадают шкурки песцов Мурманского стада и лишь в незначительном количестве шкурки песцов из других стад, случайно попавших через

Мурманский порт. Таким образом, по Мурманскому округу заготовки пушнины отражают периодичку колебания численности песка мурманского стада.

Выход песцовых шкурок по Мурманскому округу по годам составляет:

1925 г.	449 шт.	1930 г.	133 шт.
1926 г.	267 „	1931 г.	70 „
1927 г.	223 „	1932 г.	135 „
1928 г.	252 „	1933 г.	394 „
1929 г.	279 „	1934 г.	218 „

По Мурманскому округу наблюдается четырехлетняя периодика колебаний численности и притом несколько иного характера, чем в целом по Союзу. После года максимума идут два года постепенного снижения, потом два года постепенного подъема, опять два года снижения и т. д. Таким образом между годами максимального „урожая“ песка получаются не два „неурожайных“ года, а три; „урожайными“ годами являлись 1925, 1929 и 1933 г.

Северный край.— В заготовки песка по Северному краю попадают шкурки песцов северного и новоземельского стада, и поэтому кривая колебания численности получается несколько сглаженная, так как ритм колебаний численности песцовых стад северного и новоземельского, хотя и совпадает, но новоземельский песец попадает в заготовку с годичной задержкой и потому, по данным заготовок, получается годичное смещение „урожаев“. В виду того, что количество шкурок песка северного стада значительно больше, чем количество шкурок песка новоземельского стада, то данные заготовок по Северному краю в общем характеризуют колебания численности северного песцового стада.

По Северному краю наблюдается трехлетний цикл с резким снижением заготовок после „урожайного“ года. Максимальный выход песка падает на годы 1927, 1930 и 1933, т. е. на годы, кратные трем.

По новоземельскому стаду наблюдается подобная же цикличность, но годы максимума падают на годы 1928, 1931 и 1934, что объясняется исключительно лишь тем, что заготовки отражают добычу предыдущего года. Так, в 1933 г. добыто 2500 песцов, отраженных в заготовках 1934 года.

Омская область. Заготовки песка по Омской области отражают колебания численности ямальского и гыдыямского стада. Так как шкурки песцов гыдыямского стада попадают в заготовку и Омской области и Красноярского края и в заготовках по Омской области шкурки песцов ямальского стада значительно превалируют над шкурками песцов гыдыямского стада, то динамика заготовок песцовых шкурок по Омской области отражает периодичку колебаний численности ямальского песцового стада.

Выход песцовых шкурок по Омской области по годам составляет:

1925 г.	9 014 шт.	1930 г.	29 398 шт.
1926 г.	18 000 „	1931 г.	12 935 „
1927 г.	24 178 „	1932 г.	15 761 „
1928 г.	8 954 „	1933 г.	34 819 „
1929 г.	11 658 „	1934 г.	14 995 „

По Омской области наблюдается **трехлетняя цикличность**, с резким падением выхода песка после года максимума. „Урожайные“ годы падают на годы 1927, 1930, 1933, т. е. на годы, кратные трем.

Красноярский край. В пушные заготовки Красноярского края попадают песцы частью из гыдымского стада, полностью из Таймырского стада и частично также из западноякутского стада. Такой пестрый состав песцов из различных стад в пушных заготовках Красноярского края нарушает четкость вычислений колебаний численности.

Максимальный выход песцовых шкурок падает на 1925, 1928, 1930, 1932 и 1933 годы. Таким образом, в целом по Красноярскому краю в виду обширности его территории и наличия в его пределах нескольких песцовых стад, установить периодичу колебания численности песка не представляется возможным.

Якутская АССР. В заготовки Якутской АССР поступают песцы западноякутского, янского и колымского стад, а потому картина получается не менее пестрая, чем по Красноярскому краю.

Годами максимальной заготовки шкурок по Якутской АССР являются 1927, 1930 и 1932.

Дальневосточный край. В пушные заготовки Дальневосточного края попадают песцы чукотского, анадырского и командорского стад, а также частично и колымского стада. В виду такой пестроты в составе песцов, попадающих в пушные заготовки Дальнего Востока, установить периодичу колебаний численности не представляется возможным.

Максимальные заготовки песцовых шкурок по Дальнему Востоку падают на 1928, 1930 и 1933 гг.

III

Подводя итоги краткому обзору периодичности колебаний численности песка, мы должны отметить, что наше предварительное установление цикличности по отдельным районам не имеет в виду узаконивать „неурожайные“ годы, относиться к ним, как к неизбежному объективному злу. Отмечая колебания „урожаев“, являющиеся результатом стихийного развития песцовых стад, мы ставим себе целью мобилизовать местных работников на активное вмешательство в этот процесс.

Ведь колебания численности песка обуславливаются недостатком кормов, применение же искусственной подкормки может значительно уменьшить эти колебания. При широком развитии подкормки оно могло бы держать поголовье песка все годы — и в „неурожайные“ — на уровне современных „урожайных“ лет и выше. Во всяком случае, применение искусственной подкормки в значительной мере нивелирует колебания численности, создаст устойчивость песцового промысла и подымет общее поголовье песка. Одной из первоочередных задач охотничьего хозяйства на Крайнем севере является поэтому организация подкормки песка отходами зверобойного и рыболовного промыслов.

ПРИКАЗ № 203
ПО ПОЛИТУПРАВЛЕНИЮ ГЛАВСЕВМОРПУТИ ПРИ
СНК СССР

Гор. Москва

16 декабря 1935 г.

В соответствии с директивным письмом ЦК ВЛКСМ об отчетно-перевыборной кампании руководящих комсомольских органов и подготовке к X съезду ВЛКСМ, приказываю политотделам провести следующие мероприятия:

1. Обеспечить во всех первичных комсомольских и партийных организациях системы Главсевморпути широкое и серьезное обсуждение письма ЦК ВЛКСМ. Провести во всех организациях **специальные** партийные собрания, на которых заслушать доклады комсомольских комитетов и комсогов о работе, особенно в части политического воспитания молодежи.

Кроме этого, провести **кустовые** комсомольские собрания с отчетами пом. нач. политотделов по комсомолу об их работе в гг. Ленинграде, Архангельске, Мурманске, Тобольске, Игарке, Красноярске, Якутске, Анадыре и в Придивинской верфи.

2. Кустовые собрания и отчеты на них должны пройти под знаком серьезной критики работы, сосредоточивая основное внимание на вопросах: **политической бдительности, дисциплины, политического образования, помощи первичным организациям и отдельным работникам.** Под этим углом кустовые собрания в своих решениях должны будут дать оценку работе помощников нач. политотделов по комсомолу.

3. Политотделы совместно с территориальными организациями устанавливают конкретный план перевыборов первичных комсомольских организаций и нормы посылки делегатов на районные, окружные и прочие конференции в районах деятельности политотделов.

Первичные организации полярных станций проводят на общих закрытых комсомольских собраниях отчеты и перевыборы комсогов и секретарей комитетов без посылки делегатов на районные и областные конференции.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГЛАВСЕВМОРПУТИ

ЛЕНИНГРАД, ПРОСПЕКТ 25 ОКТЯБРЯ, 7/9, IV ЭТАЖ. ТЕЛ. 229—18

В августе 1935 г. начал выходить ежемесячный политико-экономический иллюстрированный журнал Главного управления и Политуправления Северного морского пути при СНК СССР

Советская Арктика

„СОВЕТСКАЯ АРКТИКА“ ставит своей задачей освещение основных вопросов социалистического освоения Севера, вопросов народного хозяйства—горно-рудного дела, судостроения, пушного, зверобойного и рыбного промыслов, животноводства и земледелия; вопросов связи и транспорта дорожного, водного и воздушного; вопросов кадров и культурного строительства; вопросов научного исследования.

„СОВЕТСКАЯ АРКТИКА“ знакомит широкие круги читателей с работой наших экспедиций, полярных станций, зимовок, разведочных партий; славных летчиков, искусных мореплавателей, зимовщиков и радистов, ученых и научных работников, оленеводов, писателей и художников, борющихся за строительство социализма на дальнем Севере.

„СОВЕТСКАЯ АРКТИКА“ знакомит читателя с морями, реками и озерами, флорой и фауной, огромными лесными массивами и горными богатствами северной территории.

„СОВЕТСКАЯ АРКТИКА“ освещает деятельность политотдельцев, коммунистов и комсомольцев, работающих на Севере, и помогает им обмениваться опытом.

В 1935 г. выйдет 5 номеров, подписная плата 7 р. 50 к.

В 1936 г. выйдет 12 номеров, подписная плата 18 руб.

Цена отдельного номера 1 р. 50 к.

Запросы и подписную плату направлять в адрес Издательства.

ПРИКАЗ № 203

ПО ПОЛИТУПРАВЛЕНИЮ ГЛАВСЕВМОРПУТИ ПРИ СНК СССР

Гор. Москва

16 декабря 1935 г.

В соответствии с директивным письмом ЦК ВЛКСМ об отчетно-перевыборной кампании руководящих комсомольских органов и подготовке к X съезду ВЛКСМ, приказываю политотделам провести следующие мероприятия:

1. Обеспечить во всех первичных комсомольских и партийных организациях системы Главсевморпути широкое и серьезное обсуждение письма ЦК ВЛКСМ. Провести во всех организациях **специальные** партийные собрания, на которых заслушать доклады комсомольских комитетов и комсоров о работе, особенно в части политического воспитания молодежи.

Кроме этого, провести **кустовые** комсомольские собрания с отчетами пом. нач. политотделов по комсомолу об их работе в гг. Ленинграде, Архангельске, Мурманске, Тобольске, Игарке, Красноярске, Якутске, Анадыре и в Придивинской верфи.

2. Кустовые собрания и отчеты на них должны пройти под знаком серьезной критики работы, сосредоточивая основное внимание на вопросах: **политической бдительности, дисциплины, политического образования, помощи первичным организациям и отдельным работникам.** Под этим углом кустовые собрания в своих решениях должны будут дать оценку работе помощников нач. политотделов по комсомолу.

3. Политотделы совместно с территориальными организациями устанавливают конкретный план перевыборов первичных комсомольских организаций и нормы посылки делегатов на районные, окружные и прочие конференции в районах деятельности политотделов.

Первичные организации полярных станций проводят на общих закрытых комсомольских собраниях отчеты и перевыборы комсоров и секретарей комитетов без посылки делегатов на районные и областные конференции.

4. Начальникам политотделов, совместно с пом. по комсомольской работе, обеспечить на всех отчетно-перевыборных собраниях первичных организаций участие представителей политотделов. В помощь политотделам по перевыборам комсомольских организаций командировать инструкторов Политуправления: Мурманск — т. Степанова, Игарка—т. Берестецкого, Тобольск, Омск—т. Лагунова, Архангельск—т. Богаченко, Красноярск — т. Табелева.

5. Политотдельским газетам-многотиражкам организовать систематическое освещение хода отчетно-перевыборной кампании КСМ организаций.

6. Начальникам политотделов прислать мне специальное политдонесение об итогах обсуждения письма ЦК ВЛКСМ и о выполнении этого приказа в следующие сроки:

Ленинградский политотдел	— 20 января
Архангельский	— 20 января
Мурманский	— 25 января
Обдорский	— 1 февраля
Красноярский	— 1 февраля
Игарский	— 10 февраля
Владивостокский	— 10 февраля
Анадырский	— 1 марта
Якутский	— 20 февраля

Помощники начальников политотделов по комсомольской работе высылают сводку о ходе перевыборов: первую к 5 января и итоговую к 20 января 1936 г.

7. Установить книгу Политуправления „Имени X съезда ВЛКСМ“, в которую заносить рапорта о наиболее ярких успехах комсомольской работы и подготовке комсомольских организаций к X съезду.

Занесение в эту книгу рапортов первичных организаций и отдельных комсомольцев решается начальниками политотделов совместно с пом. нач. по комсомолу.

8. Политуправление уверено, что комсомольские организации системы Главсевморпути в подготовке к X съезду ВЛКСМ на основе важнейшего письма ЦК ВЛКСМ подымут новую волну творческой активности молодежи.

Эта творческая активность должна прежде всего выразиться в выполнении указания т. Сталина о коммунистическом воспитании молодежи и детей, в массовом овладении стахановскими методами в производстве, в научно-исследовательской работе, выдвигая к руководству передовых, лучших комсомольцев и комсомолок. Без этого немыслима успешная работа комсомола и молодежи за дальнейшее социалистическое развитие Советской Арктики.

Нач. политуправления Главсевморпути при СНК СССР С. БЕРГАВИНОВ.

Пом. Нач. политуправления по комсомольской работе А. БАСС.

БЕЛЫЙ МЕДВЕДЬ

(Остров Врангеля)

I

Белый медведь в бюджете промышленника острова Врангеля имеет второе по важности значение. Это значение медведь имеет лишь в настоящее время, — оно будет значительно уменьшено с началом товарных заготовок моржа.

Количество белого медведя на острове довольно велико. При том количестве промышленников, которое у нас было, в среднем промышлялось в год до 70 взрослых медведей.

Охота на медведя проводится не только весной. Медведя бьют в любое время, но летний и осенний убой медведя количественно незначителен. Если за лето удавалось убить двух-трех медведей, — это много. Осенью бьют медведей несколько больше, но убитые осенью медведи занимают в промысле максимум 10%. Медведя убивают главным образом весной. Во льдах вдали от острова медведь почти совершенно не добывается, если не считать убитых после погони по следу за ушедшим с острова на лед.

Медведь, собственно, не живет на острове постоянно, он бродит во льдах и только для некоторых надобностей выходит на остров. Это — типичный жигель полярного льда.

Осенью, обычно в сентябре, реже в начале августа или начале октября, на остров идут оплодотворенные самки. Время выхода самок на остров определяется состоянием льда. Если лед стоит в непосредственной близости от берега, то самки идут с начала сентября в течение всего месяца. Но иногда в сентябре льда у берега не бывает, — его далеко угнали течения и ветры, — тогда медведи запаздывают с выходом на землю до тех пор, пока лед не подождется к берегу или не образуется молодой лед, достаточно крепкий, чтобы выдержать тяжесть животного.

Матухи некоторое время бродят по острову, высматривают укромные места и залегают. Обычно берлога устраивается по склонам гор в распадках обрывистых берегов или просто под сравнительно невысоким берегом реки. Место выбирается с таким расчетом, чтобы его зимой как можно больше заносило снегом. Крутизна склона не отпугивает зверя, и иногда отверстие берлоги виднеется сверху почти отвесной стеной. В этих случаях охотник должен вырубать в снегу ступени, чтобы подняться к берлоге.

Судя по местам расположения берлог, медведица с осени выкапывает в прошлогоднем снегу нору и залегает в ней. Од-

нажды, в первых числах сентября 1930 г., мы обнаружили и убили медведицу в только-что вырытой берлоге, причем у норы были видны все признаки строительства. Но весной того же года, работая в русле реки Клер, мы встретили медведицу и только-что покинутую берлогу в таком месте, где не должно было бы после таяния остаться толщи снега, достаточной для устройства норы. Туземцы утверждают, что самки часто ложатся в заносных местах, — если дело происходит в пургу, то их заносит снегом. Так, вероятно, оразовалась и эта берлога, хотя возможно, что самка запозднилась и вырыла нору уже в свежем снегу. Мне не случилось наблюдать использования самками старых берлог, но туземцы утверждают, что если медведица находит неразрушенную таянием берлогу, то она обычно ее использует и не строит новой.

На морском льду медведь берлогу не устраивает. За пять лет пребывания на острове мы ни разу не находили на льду берлог. Туземцы утверждают, что они не только не знают таких случаев, но и не слышали, чтобы кто-либо наблюдал берлоги на льду. Правда, однажды осенью эскимос Таяна нашел на льду две лежухи, напоминавшие берлоги, но он говорил, что их, как видно, устроили для отдыха застигнутые пургой медведи, но, как только пурга кончилась, они ушли и больше туда не возвращались.

Осенние пурги плотно покрывают снегом медвежьи норы, наметая над ними потолок иногда во много метров. От внутренней теплоты животного снег постепенно обтаивает и обмерзает. Внешне берлога снежная, внутри же она как будто оштукатурена толстым слоем крупно-зернистого, голубовато-блестящего льда.

Мы все время говорили о самках, а что же — самец ложится в берлогу или нет? С. И. Огнев утверждает, что самец тоже ложится. Он говорит, что «обыкновенно самка лежит в берлоге до весеннего равноденствия, а самец встает уже в феврале...»¹

Несмотря на большое количество медведей, убиваемых ежегодно весной, за все пять лет у нас не было убито ни одного самца в берлоге. Больше того, я расспрашивал, были ли убиты самцы в берлогах за первые три года хозяйственного строительства на острове (в бытность на острове т. Ушакова), но и за это время не было такого случая. Таким образом, за восемь

¹ С. И. Огнев, Млекопитающие Северо-восточной Сибири. — Изд. «Книжное дело», Владивосток 1926 г., стр. 35.

лет усиленного промысла медведя не было убито в берлоге ни одного самца; больше того, нам неизвестны случаи убийства самца на земле в весеннее время, т. е. во время открытия берлог. Не следует ли сделать отсюда вывод, что залегание в берлогу для белого медведя не имеет того значения, что для бурого? Поэтому белый медведь ложится не поголовно, а только оплодотворенные самки для надобностей деторождения. Наблюдения подтверждают этот вывод: за все время в берлогах не были добыты яловые самки, а только — сощенятами, а самец и зимой бродяжит во льдах. Хотя зима и для медведя голодно, но, как видно, он находит для себя и в это время достаточное для существования пропитание.

Из сказанного не следует полагать, что медведь не любит земли. Не будь на острове человека, они, вероятно, заходили бы на остров гостевать почаще, особенно летом, когда у берегов много и нерпы, и лахтак. Летом 1927 г. промышленник С. А. Скурихин отправился на мыс Блоссом и обнаружил на косе восемь спящих медведей почти в куче. Большая часть их была убита.

Во второй половине февраля самки шенятся. До середины марта медведица кормит медвежат, не выходя из берлоги на промысел. Все это время — и в период спячки, и откармливая медвежат — она живет за счет запасов, накопленных прошлым летом.

Но вот солнце поднялось высоко, оно уже привлекает, на взлобках бугров из-под снега начинают появляться кустики травы, обнажаются отдельные камни. Ясно чувствуется дыхание весны. Медвежата к этому времени уже достаточно подросли, они уже самостоятельно передвигаются по берлоге. Медведица проламывает в наиболее тонком месте потолок берлоги для выхода на чистый воздух.

Открыв берлогу, медведица не сразу уходит из нее: некоторое время она еще остается в берлоге, если ее ничто не спугнет. Несколько раз она выходит. Первоначально выходит одна, иногда удаляясь на большие расстояния от берлоги. Потом она начинает выводить с собой медвежат и опять возвращается в берлогу. Это продолжается до тех пор, пока медвежата окрепнут настолько, что смогут делать большие переходы. Медведица уходит тогда совершенно из берлоги, но, уйдя из нее, не сразу отправляется во льды. В течение одного-двух дней она вместе с медвежатами бродит по острову, выкапывает из-под снега мох, который и поедается этой „медвежьей артелью“.

У медведей и медвежат, убитых в это время, желудки наполнены мхом разных видов; попадают и сухие стебли травы.

Двигается медведица в это время медленно, часто останавливается отдохнуть и подкормить медвежат. На этих остановках она каждый раз выкапывает неглубокие ямки

для медвежат и для себя. Покормив медвежат и дав им отдохнуть, она пускается в дальнейший путь.

Нам приходилось наблюдать поход такой семьи. Степенно переваливаясь, медведица неторопливо идет впереди, а сзади нее бегут круглые как шары, пушистые медвежата; они снуют из стороны в стороны, затаиваются между собой драки, потчуют друг друга увесистыми затрепинами, катаются по снегу, обгоняют медведицу, путаются у нее в ногах. Если же медвежата отстают немного, заинтересовавшись чем-либо, — медведица поворачивается и урчанием подзывает их к себе, а если они не слушают ее, — она возвращается и легким шлепком направляет их вперед.

Побродив по острову, покормив медвежат мхом и придя, как видно, к заключению, что они уже достаточно окрепли для путешествия во льдах, — медведица покидает остров, и больше с медвежатами этого помета она на остров уже не возвращается.

Как долго продолжается период пестования, — трудно сказать, но, по некоторым данным, медведица этим летом не гуляет. Нам ни одного раза не случилось наблюдать медведиц, лежащих в берлоге с прошлогодними медвежатами, а с другой стороны, мы убивали медведиц, пришедших на остров ранней весной с прошлогодним щенком, причем рассмотрение матки такой медведицы показывало, что она была яловой. Из этого можно заключить, что период пестования проходит на протяжении всего лета, осени и зимы, и только весной медвежата, достигая половозрелого состояния, покидают родительницу, и она начинает новый цикл воспроизводства.

Какое количество медвежат бывает обычно в одном помете? Наиболее часто медведица рождает двух медвежат, причем они почти одинакового роста и веса: трудно определить, какой из них первый, какой второй. Менее часто медведица приносит одного щенка. Последний обычно значительно крупнее щенят двойного помета. Так же часто, как и по одному, медведица приносит и по три щенка. В этом случае в росте медвежат замечается большая разница: два медвежонка обычно одинакового роста, довольно крупные, а третий — совсем маленький. Очень редко медведица приносит четырех медвежат. Такого случая за все пять лет у нас не было, но туземцы утверждают, что это случается; в таком случае медвежата очень мелкие и почти одинакового роста.

Молодые медвежата, взятые из берлоги, быстро привыкают к человеку. У нас с т. Власовой¹ было много медвежат. Мы заготавливали их для зоологического сада. К приходу „Совета“ в 1932 г. нами было

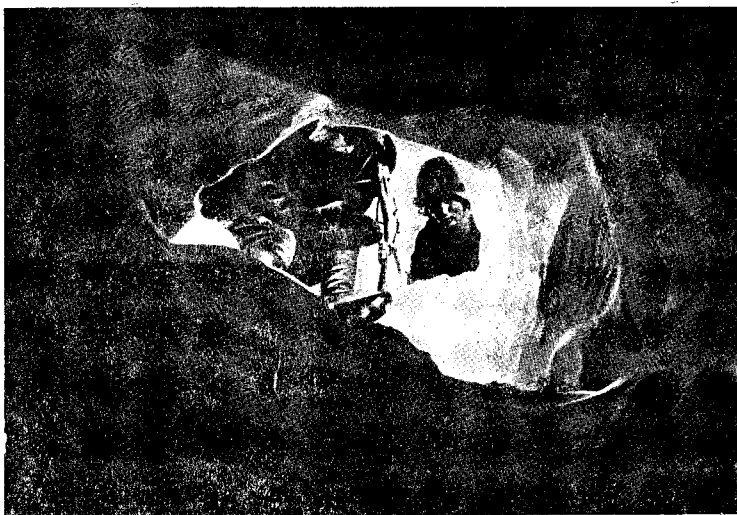
¹ В. Ф. Власова — жена т. Минеева и научный сотрудник зимовки.

заготовлено 13 живых медвежат. Большинство из этих медвежат очень скоро привыкло к людям, особенно к т. Власовой, которая постоянно с ними возилась, кормила их, ухаживала за ними и даже лечила.

Среди медвежат попадаются особи, которые с первого же знакомства с человеком чувствуют к нему особенное расположение. Был у нас медвежонок, которого мы звали „Дочкой“. Как только т. Власова в первый раз вошла в клетку к ней, он бросился к т. Власовой и не хотел ее отпускать, и каждый раз когда т. Власова уходила, „Дочка“ долго редела. Стоило же т. Власовой возвратиться, — она прекращала рев.

выделялся своими размерами, но это был добродушный увалень, никогда не проявлявший агрессивности по отношению к нам. Другой самец „Приятель“, живший у нас почти два года и достигший размеров взрослого медведя, также был добродушен. Несколько раз он сам уходил из клетки или мы его выпускали, и, хотя случалось поколачивать его, он не проявлял никакой злобности.

Возясь с медвежатами и имея их помногу, нам удалось отметить следующее: некоторые медвежата отличались удлинённым строением головы и морды, а у других морда была короче и череп почти круглый.

В медвежьей берлоге

(Фото Н. Штерцер)

Если в этот момент к т. Власовой пытался подойти какой-нибудь другой медвежонок, то „Дочка“ остервенело бросалась на него и отгоняла прочь.

Но попадались нам и такие медвежата, которые, несмотря ни на что, были враждебны человеку. Было у нас два брата, взятые из одной берлоги. Так как их привез нам эскимос Тагью, которого все на острове звали Алексеем, то и медвежат этих мы называли „Алексеевскими“. Это были свирепые звери. Их свирепость направлялась не только на людей, но и на медвежат, бывших в этом же медвежатнике. Некоторых из них, наиболее слабых, они основательно драли. Нам пришлось их посадить в клетках же на цепь, иначе всегда можно было ждать нападения. Несмотря на эти предосторожности, т. Власова часто приходила из медвежатника искушенная и испаранная.

Пол медвежат в данном случае значения не имел. У нас был самец „Кувинтя“. Он

Эти различия были столь велики, что резко бросались в глаза. Мы так и говорили „длинноголовый“ и „круглоголовый“. „Длинноголовые“ были злобнее „круглоголовых“ и труднее привязывались и привыкали, хотя и среди „круглоголовых“ попадались злобные особи, но значительно реже. (Длинноголовые медвежата вообще реже круглоголовых.) Было у нас два длинноголовых — „Стервяй“ и „Фыркала“; даже тогда, когда они привыкли и были совершенно безопасны, они все же пытались неожиданно нападать, хотя вреда в таких случаях не причиняли.

II

Весной, когда медведицы открывают берлогу, обычно во второй половине марта, начинается главный бой медведей. Все промысловики собираются в дальнюю дорогу, берут с собой продуктов на несколько дней,

Освеженный медведь
(Фото Н. Штерцер)

керосин, примус и отправляются по острову отыскивать берлоги. Они везут с собой палатку, ставят ее где-нибудь в распадке гор и в течение нескольких дней от палатки, как от базы, ездят в разные стороны в поисках берлог.

Открытую берлогу найти не трудно: обычно берлоги расположены на совершенно белых склонах и отверстие берлоги чернеет, как будто кто-то из озорства разлил тушь на белом листе бумаги.

Некоторая опытность все же нужна для этого дела. Неопытный может десяток раз проехать мимо берлоги и не заметить ее. Нужно знать форму отверстия берлоги, признаки, по которым можно определить на далеком расстоянии — дыра это берлоги или тень от заструги, или камень. При поисках берлог большое значение имеет бинокль; имея бинокль, возможно определить истинную природу темного пятна на большом расстоянии и тем самым сберечь много труда и времени.

Обнаружив берлогу, промышленник пускает собаку. Та подходит к берлоге и обнюхивает ее. Если берлога пустая, медведь ее уже покинул, — собака возвращается обратно, промышленник запрягает ее и дви-

гается дальше. Но если „хозяйка“ в берлоге, собака поднимает отчаянный лай. Если промышленник в одиночку не решается бить медведя, то неподалеку от берлоги он ставит палку и на эту палку надевает камлейку или еще что-нибудь (чаще всего промышленники возят с собой небольшие красные флаги и их оставляют у берлоги), сам же он отправляется за помощью.

Когда человек, забрав собаку, уйдет, — медведица высунется из берлоги оглядится, заметит в непосредственной близости какой-то незнакомый предмет странной формы (а если есть ветерок, то предмет живет, движется) и опять уходит в берлогу и ждет, время от времени осматриваясь. А за это время промышленник находит себе помощь, возвращается обратно и добывает медведя. Если промышленник не может возвратиться к берлоге в тот же день, а только на следующий или даже на третий день, то в большинстве случаев медведица сидит в берлоге. Реже медведица тут же уходит, как только уйдет человек, не обращая внимания на оставленную камлейку или флаг.

Бить медведя в берлоге — дело не трудное и не так опасное. Во всяком случае охота на бурого медведя значительно опаснее. Это не потому, что бурый медведь свирепее или сильнее, а потому, что с бурым медведем имеешь дело обычно в лесу, в кустарнике или в зарослях травы, где нет горизонта, — если ударил медведя из винтовки и он упал, то, не видя его, трудно решить, что с медведем: не то он издох, не то готовится прыгнуть на тебя.

Совсем другое дело, когда бьешь медведя в берлоге на острове Врангеля. Горизонт ничем не закрыт, все великолепно видно, под ногами твердый снег. Правда, в большинстве случаев почва крутопокатая, но охотник делает для себя ступеньки. Кроме того, всегда рядом с ним имеется одна или несколько собак.

Суетясь около берлоги, собака лает в нее, а некоторые собаки, особенно приспособленные к охоте на медведя, просто входят в берлогу и там лают на медведицу. Желая прогнать непрошенного гостя, самка бросается на собаку. Та выскакивает из берлоги и продолжает лаять сверху. Быстрым броском медведица высовывается из берлоги на поверхность, фыркает на собаку, а в это время рядом стоящий промышленник с винтовкой на изготовку — стреляет.

В большинстве случаев зверь бывает убит наповал, но иногда все же бывает, что медведь не убит, а только ранен. В таких случаях раненая медведица уходит в берлогу, ревет там от злости и боли, но показываться на поверхность больше не хочет. В таких случаях эскимосы, когда они охотятся вдвоем или втроем, раскапывают берлогу, постепенно приближаясь к самому логову зверя. Обычно один человек копает, а другой (а если их трое, — то двое) стоит рядом

с винтовкой на изготовку с таким расчетом, что как только зверь покажется, — он его убьет.

Несмотря на то, что промышленник копает берлогу под охраной охотника, все равно это дело чрезвычайно неприятное. Когда спрашиваешь промышленника, что он чувствовал, когда копал, он обычно отвечает, что „ручка у лопаты становится короткая, и чем ближе к медведю, тем лопата короче“.

За восемь лет строительства на острове не было ни одного случая, чтобы такой способ охоты окончился несчастьем. Бывало, правда, что медведь бросался на охотников, но последние не зевали, и зверь бывал убит раньше, чем он мог добраться до копающего.

Так охотятся все эскимосы. Но у нас на острове было несколько случаев и другого типа охоты; этот тип неоднократно практиковал наш метеоролог Званцев. Весной 1932 г. он получил возможность поехать на медвежью охоту. Так вот, когда Званцеву случилось не убить медведя, а только поранить его, — он откапыванием берлоги не занимался: он считал, что можно разделаться со зверем быстрее.

Когда у него бывал плохой выстрел, раненый медведь уходил в берлогу и больше не желал показываться на поверхность, — Званцев извлекал из кобуры Кольт, ставил его в боевую готовность и головой вперед лез в берлогу к раненому остервенелому зверю в гости. А медведица, надо добавить, мало того, что бывала ранена, она еще защищала медвежат и потому вдвойне была опасна.

Тов. Званцев с Кольтом в руке ползком добирался в синем полумраке берлоги к самому зверю и, когда медведица, не видя никакого выхода, бросалась на него, — стрелял в упор. Так он убил не меньше десятка медведей.

Туземец и жаловались мне на Званцева, на его манеру бить медведя. Им, конечно, не жаль было медведей, они боялись несчастного случая; они мне говорили: „Начальник, зачем Званцев бьет так медведей? Вот его медведь задавит, а ты будешь думать, что мы ему что-нибудь сделали“. Зная туземцев, зная, как они относятся к нашим людям, если бы и произошел несчастный случай, я, разумеется, не подумал бы, что это сделали эскимосы. Но я сам опасался несчастного случая, и поэтому, когда т. Званцев возвратился с охоты, я с ним говорил по этому поводу, указывал на бессмысленное его ухарство и предлагал ему больше этого не повторять.

III

Не всех медведиц бьют охотники в берлогах. Часть бьют на воле, когда медведица уже вышла с медвежатами и бродит по

Подвеска медвежьей шкуры

острову. Иногда охотник замечает медведицу, а иногда он видит только ее след. Но если даже этот след вчерашний, — а опытный промышленник по следу может довольно точно определить, когда прошел медведь, — он пускается за ним в погоню, и так как обремененная медвежатами медведица движается медленно, то ее легко догнать.

В таких случаях промышленник пускает одну или двух собак; собаки бегут по следу, а промышленник на нарте следует за ними. Настигая медведицу, собаки задерживают ее. Промышленник подъезжает близко к медведице, оставляет и укрепляет нарту, подходит на сотню метров и стреляет.

Мне пришлось столкнуться с медведем в марте 1930 г. Я снимал нижнее течение реки Клер. Руслом, далеко вперед ехал Павлов.¹ Небо плотно укрылось облаками. Рассеянный свет скрадывал расстояние, и перед взором возникали обманчивые предметы. Горизонт исчез. Пространство как бы растворилось в белом хаосе. Тем-

¹ Один из зимовщиков на острове Врангеля.

ные очки на глазах почти не помогали, глаза слезились, устав от чрезмерного обилия белого сияния.

Нарта, шедшая впереди, остановилась, и Павлов призывно махал рукою; вскоре я стоял с ним рядом.

— Что случилось?

— Вот за этим мысом сидит матуха с медвежатами.

Собаки залаяли и скулили от нетерпения, стремясь вперед.

Как следует укрепив нарты, мы отпустили по несколько собак.

Выйдя из-за мыса, я увидел медведицу, сидевшую на выступе скалы над руслом реки. По сторонам ее в такой же точно позе сидели два малюсеньких ососка. На темном фоне скалы медвежья семейка рельефно выделялась. Хотя расстояние скрадывало размеры, все же чувствовалось, что зверь велик и силен.

Между тем собаки неслись к медведю. Мы с Павловым также бежали к нему. Некоторое время матуха и ее потомство не замечали ни нас, ни собак и как изваянная группа были неподвижны. Но вот группа зашевелилась, семейка ловко спустилась со скалы и быстро пошла к берлогу. Ососки не могли двигаться так же быстро, как мать, и поэтому она или ожидала, или, уйдя вперед, возвращалась и носом и лапами подталкивала их вперед.

Медведица была уже у самой берлоги, когда собаки настигли ее. Надо было торопиться, в берлоге труднее добывать зверя, чем на воле.

Собаки метались около громадного зверя, как лилипуты вокруг Гулливера. Первоначально их было три или четыре, а потом нашлись среди упрямек доброхоты, перегрызшие потяги и также ринувшиеся в бой.

Как только самка, расшвыряв собак, пукалась наутек, собаки хватились за медвежат. Истошный крик ососков заставлял матуху возвращаться, чтобы отогнать собак, но через мгновение повторялось то же самое. Медведь в „баталии“ с собаками показал несвойственные ему, казалось бы, подвижность и гибкость.

Стрелять было опасно: мешали собаки. Все же после нескольких выстрелов с матухой было покончено, а медвежата собаки растаскивали в разные стороны. Медвежата вопили как свиньи. Отогнав собак от ососков, одного пристрелили, — он был сильно подран, а другого мы взяли живым.

Спасаясь от собак, ососок выбирал, видно, из двух зол меньшее: бросался от собак под ноги человеку. Обняв мою ногу, медвежонок прижимался к ней, но стоило собакам уйти в сторону — и звереныш обращал всю злобу на меня. Собаки снова бросались к нему, и он быстро уходил под мои ноги.

Медведь — это крупное, мощное животное, на первый взгляд тяжелое и непово-

ротливое, а на самом деле он очень ловок, чрезвычайно подвижен и может покрывать, совершенно не утомляясь, громадные пространства, причем нет такого пути, по которому медведь не мог бы пройти. Там, где не может пройти человек, где собака отступает и даже песец не в силах итти, медведь проходит легко, независимо от того, крутой ли это склон или скалистая, почти отвесная стена, изборозженная трещинами, вздыбленный горами торосистый лед, — ему везде дорога, везде путь.

Легкость и подвижность медведя обратно пропорциональны его возрасту и размерам. Чем крупнее медведь, тем медленнее он двигается. Молодого, половозрелого и некрупных размеров медведя собаки часто не могут догнать, тогда как среднего медведя собаки догоняют без особого труда, а старые, крупные экземпляры столь малоподвижны, что даже пеший человек может догнать их без особенного напряжения.

Когда медведь попадает в трудное положение и, казалось бы, для него нет выхода, он все же выход находит, хотя и по-медвежьи. Осенью 1931 г. промышленник Тагью поселился в устье реки Клер, на восточном побережье. Его прельщали медведи, так как осенью в этом месте со льда выходит большое количество медведей. Однажды он объезжал участок тундры у скалы Большевик и повстречался с зверем. Он стрелял в него, ранил, но медведь не потерял способности двигаться. Медведь уходил. Тагью пустил собак и стал догонять его. Зверь шел к берегу. Когда медведь подошел к обрыву недалеко от Большевика и, окруженный собаками, заметался из стороны в сторону, Тагью торжествовал, считая, что теперь он уже на верное возьмет медведя. Подъехав ближе, он сошел с нарты и начал стрелять.

Совершенно неожиданно для Тагью зверь отступил немного от края, а потом бросился вниз. В том месте скала возвышается над морем метров на 50–60, причем внизу была не вода, а толстый лед. Тагью был доволен, осталось только посмотреть, где медведь ляжет, затем добраться до этого места и снять шкуру. Он подошел к краю обрыва и взглянул вниз, но, как он ни всматривался, внизу медведя не обнаружил. Он не знал, как объяснить исчезновение медведя: лед был цел, все было видно, а медведя тем не менее не было. Озадаченный, он поднял голову и рассеянно взглянул на лед; тут он вдалеке увидел уходящего в лед медведя, прихрамывающего на одну лапу.

Силой медведь обладает прямо невероятной. Когда принимаешь на склад медвежьи шкуры, просто не верится, что в такой сравнительно небольшой оболочке может быть заключена такая громадная мышечная сила. Там, где нас трудилось 6–7 человек, медведь справлялся легко в одиночку.

Приемка медвежьих шкур факторией

Однажды нам нужно было километрах в шести от бухты Роджерс извлечь на песчаную косу моржа килограммов в 320—400. Мы не могли его волоком вытащить на песок, хотя нас было шесть или семь человек. Мы выкатили его при помощи ремней за линию прибоа и, вспоров ему брюхо, оставили. Через неделю несколько товарищей отправились туда разделать моржа на куски, и велико же было их удивление, когда, придя на место, они его не обнаружили; только широкая полоса, видневшаяся на песке, указывала, куда был утащен морж. Поднявшись на гребень косы, они увидели, что от моржа остались только кожа да кости, а все остальное Миша съел. По следам можно было заключить, что тут хозяйничал всего один медведь. При помощи одних зубов и лап медведь утащил моржа метров на 50 по вязкому песчаному грунту, причем ему пришлось поднять этого моржа по песчаному склону метра на $2\frac{1}{2}$ вверх.

Сила лап белого медведя также чрезвычайно велика. Лапа медведя вооружена чрезвычайно крепкими когтями. Одного

удара лапой по голове лахтакса бывает достаточно, чтобы убить этого большого и сильного зверя, достигающего 320 кг. Только морж, закованный в дюймовую броню шкуры и вооруженный мощными бивнями, недосыгаем для медведя; обычно медведь на взрослого моржа не нападает. Мы не имели случая не только наблюдать такое единоборство, но нам никогда не попадались и остатки убитого и съеденного медведями моржа, за исключением описанного выше случая. Если к сказанному добавить, что, защищенный толстым слоем жира и плотным мехом, медведь совершенно не страдает от холода (самая свирепая пурга, когда все живое стремится запрятаться поглубже, на него не оказывает влияния, даже в самые свирепые морозы он бесстрашно лезет в воду за добычей), то станет понятным, сколь приспособлен медведь к жизни в суровых условиях полярных льдов.

Летом медведь на острове не встречается совершенно. В это благодатное для всех животных время он находит достаточно съедобного во льдах.

Летом медведи сбрасывают с себя длинную шерсть. Мех становится редким, так что кожа виднеется, и к тому же шерсть коротка. Такая шкура крайне низко ценится. Бить летнего медведя на шкуру нет смысла, это по существу почти бесполезное истребление животного.

IV

За пять лет на острове не было случая, чтобы промышленник пострадал от медведя; все же были моменты, когда промышленники находились на краю гибели. Обычно медведь уходит от человека, особенно если животное уже встречалось с ним и испытало от встречи неприятности в виде начинки из свинца. В таких случаях медведь, испытывая панический ужас перед ним, уходит быстро. Эскимосы рассказали несколько случаев подобного бегства. Приведу один из них.

Эскимос Таяна, самый опытный и бесстрашный охотник на медведей, осенью 1931 г. бродил по льду у северного берега острова. Нашел след только-что прошедшего медведя и пустил по следу двух собак. Те быстро настигли зверя. Громкий лай псов говорил о том, что они крутятся на одном месте и не дают ходу медведю. Но когда Таяна выехал из-за торосов, — медведь его увидел и пустился бежать, несмотря на то, что на „штанах“ его висели два здоровенных пса. Не успел охотник опомниться, как медведь с собаками исчез в торосах. Медведя Таяна так и не догнал. Поздно ночью усталые собаки вернулись к палатке, — видимо, далеконок упер с ними резвый зверь.

Очень редко, но все же бывает, что зверь заведомо охотится на людей и нападает на жилище.

Особенно опасна встреча с голодным медведем, не обремененным толстым слоем жира, „сухим“, как говорят эскимосы. Такой медведь, при крайней его подвижности, обычно крайне нагл и свиреп. Промышленник Скурихин ехал с мыса Блоссом на Роджерс, дорога была хорошая, и он, сидя на нарте, подремывал. Вдруг он обернулся и увидел за спиной громадного матерого медведя. Мгновенно выстрелив, Скурихин убил его наповал, и медведь грохнулся на нарту.

Было несколько случаев нападения на жилище, причем всегда в одиночку. На косе бухты Предательской стоит одинокая юрта. Там в течение ряда охотничьих сезонов жил русский промышленник С. П. Старцев со своей женой-эскимоской и ребятами. Зимой каждый день он ездил проверять капканы. Из одной поездки Старцев долго не возвращался. Услышав в синем тамбуре лай привязанных собак, Синими обрадовалась, полагая, что приехал муж. Открыла дверь, чтобы выйти помочь рас-

прятать собак, но в сумерках тамбура она заметила тушу медведя. В испуге захлопнув дверь, чем можно было ее укрепила и ждала, когда медведь пожалует в юрту. Собаки, находившиеся в тамбуре, энергично атаковали медведя, он, как видно, был не особенно голоден и поэтому предпочел за благо удалиться. Недалеко от юрты находился склад моржового мяса — запасы Старцева. Медведь набрел на склад и стал пожирать мясо. В это время приехал Старцев, увидел незваного гостя и парой выстрелов уложил его.

К нашей фактории также неоднократно приходили медведи и нападали на наши запасы мяса. В одну из бурных пуржливых ночей медведь долго крутился у здания радиостанции, он истоптал вокруг много снега. Поболтавшись некоторое время здесь, он ушел в юговосточном направлении, к морю, пройдя мимо мяса.

Но и на самой охоте не раз случалось, что охотники были в буквальном смысле слова на волосок от смерти. Медведи нападали на охотников, спавших в палатках, и только присутствие духа и молниеносная быстрота действий спасали их от верной гибели. Был случай, когда охотник был в зубах медведя в буквальном смысле слова и только благодаря счастливому стечению обстоятельств остался жив. Весной 1933 г. промышленник Паля со своим племянником Пинехаком — подростком лет 16 — отправился на охоту в район мыса Уэринга. В одном из распадков они поставили палатку и каждое утро разъезжались в разные стороны в поисках медвежьих берлог. Однажды утром, поив чаю, запрягли собак и разъехались. Паля поехала вглубь острова, в горы, а Пинехак перебрался на лед и следовал параллельно берегу. Выехав за один из мысков, Пинехак увидел впереди медведицу, неторопливо шествовавшую с медвежатами. Собаки также заметили медведицу и бросились к ней. Нарта шла по крепкому бесснежному льду, и он заостолить ее не мог. Собаки почти нагнали медведицу. Не доезжая немного, Пинехак выпрыгнул из нарты и начал второпях расстреливать самку. После первых пуль, полученных ею, она оглянулась, заметила его и бросилась к нему. Он стрелял в нее, но не причинил ей таких ранений, которые не позволили бы ей дальше бежать. Она уже подбегала к нему вплотную, а у него в магазине винтовки не осталось больше патронов. Пинехак бросился тогда на лед лицом вниз и закрыл голову руками. Медведица подбежала к нему, схватила его зубами за спину у поясицы и подняла на воздух. Собаки тем временем добрались до медвежат и трепали их артедью, а те верещали как поросята. Не вытерпело, как видно, материнское сердце: медведица кивком головы отбросила Пинехака, так что тот долго катился на животе по льду, и бросилась выручать медвежат. Разбросав

собак во все стороны, медведица неторопливо удалилась в торосы. Собаки во время потасовки с медвежатами так перепутались в упряжи, что потеряли возможность двигаться.

Пинехак лежал некоторое время, поднял голову, осмотрелся. Увидев, что медведицы нет, зарядил Винчестер, поднялся и пошел к собакам. Скоро он вернулся домой. И только четыре дыры на его кулянке свидетельствовали о том, что он побывал в зубах у смерти.

Обычно матуха защищает щенят до последнего издыхания, но иногда после непродолжительной „баталии“ с собаками она уходит, пользуясь случаем, что собаки занялись медвежатами. Некоторые промышленники пришли к заключению, что не надо пускать за медведицей с осясками больше одной собаки. В таких случаях пес, не обращая внимания на медвежат, держит взрослого медведя.

Но случается и обратное: пока собака занята матухой, промышленник также, — медвежата уходит. Особенно это случается при охоте в торосах. Медвежата, уходя далеко от этого места, бродят в поисках матери и чего-либо съедобного, пока не натолкнутся на промышленника и тот их не уничтожит. Мне кажется, что оставшиеся от родительницы малыши, сами не могущие промыслить, должны неизбежно погибнуть от голода, если не попадут на человека. Но туземцы уверяли меня, что медвежата не погибают, что их подбирают другие медведицы и они ходят с ними на правах кровных щенят. Может быть, это и так, но мне не случалось самому наблюдать такое явление, да и поверить этому трудно.

V

Для туземцев период охоты на медведя является как бы праздничным периодом. В это время они бросают все дела, как бы они ни были важны, и идут промыслить. Доходность медведя при сдаче в склад только одной шкуры — меньше песка, хотя шкуру медведя расценивают несколько выше шкурки песка, но самая добыча медведя сопряжена со многими трудами и подчас бывает опасна. Кроме того, добытый медведь отнимает больше времени и труда. В большом стремлении охотиться на медведя сказывается спортивное чувство. Охотник, убивший медведя, чувствует себя героем. Промышленник, хорошо и успешно промысляющий медведя, считается лучшим охотником и пользуется большим уважением. Когда промышленник упускает медведя, он готов плакать, так как он теряет часть уважения.

Помнится мне один случай. Летом 1931 г. наш врач Синадский увидел в зрительную трубу невдалеке от берега медведя, стоящего неподвижно близ воды: медведь, как

видно, караулил нерпу. Будучи страстным охотником, Синадский возгорелся желанием убить медведя. Взяв с собой двух или трех эскимосов, бывших на фактории, он пошел на вельботе в лед. Синадский и его спутники сблизись с пути и не могли найти медведя. Несмотря на то, что на вельботе были значительно более опытные охотники, чем Синадский, тем не менее все негодование его жены эскимоски Пувзак было обращено исключительно на него, так как он увидел медведя и пригласил на охоту. Она неотрывно смотрела в трубу за движением посудинки. Долго толклись они во льдах в поисках медведя, несколько раз выходили на вершины высоких торосов, но медведя не видели. Наконец, признав тщетность своих попыток, вельбот повернул обратно. Когда Пувзак убедилась, что муж ее отказался от мысли добыть медведя, она громко сказала: „Какый такой охотник? Все равно — баба“, и, оскорбленная, ушла, не дожидаясь приезда мужа. В ее сознании он действительно оскорбил и осрамил ее в глазах других женщин — жен охотников.

Охота на медведя на острове и на всем побережье Чукотского полуострова регулируется неписаным законом, которому строго подчиняются все охотники. Закон этот прост: „Медведь принадлежит тому, кто его первым увидел“. Неважно, принимал ли увидевший участие в охоте или нет. Если медведя увидел ребенок, — он принадлежит ребенку.

В то время, когда шкура медведя не имела товарной ценности, — она не являлась большим приобретением; кроме того, сила и свирепость животного при несовершенстве оружия неизбежно требовали участия коллектива охотников для убийства зверя. Натуральные формы хозяйства не могли породить в условиях Севера другого обычая. Когда же шкура приобрела товарную ценность, то медведь стал столь редок, что этот обычай уже не мешал и поэтому сохранился до сих пор.

На Врангеле этот обычай тоже живет, но обилие зверя, с одной стороны, довольно крупная товарная ценность, с другой, постепенно размывает обычай. Разрушение обычая идет по пути учащающихся отказов участвовать в убийстве „чужих“ медведей. Пока это случается только в моменты весеннего хода медведя, когда потеря времени на добычу „чужого“ медведя грозит уменьшением собственного промысла. Тогда „хозяин“ медведя заинтересовывает приглашаемых в помощники участием в стоимости шкуры. Такие явления еще не часты, но если в начале нашего пребывания на острове они почти отсутствовали, то в последующие годы они появились и стали учащаться.

В связи с большим количеством медведей, мы наблюдали постепенное исчезновение и другого обычая, связанного с промыслом медведя.

Убийство медведя сопровождается иногда суеверным обрядом — пережитком прошлого. Как только шкура снята и разделывается туша, — а она разделывается сейчас же, так как замерзшую тушу разделить при помощи ножа невозможно, — извлекается сердце, тут же оно разрезается на куски и по куску бросается через плечо, за себя; этим они „умиляют“ духа медведя в виде предварительного „аванса“. Снимая шкуру, они оставляют череп в шкуре. Приехав домой и отдохнув, они устраивают „праздник“. Шкура вносится в юрту, расплывается на полу, голову немного поднимают, и раздвигают челюсти. Начинается угощение медведя. Ставят перед

цать медведей; тут уж не до праздников...

Не обошлось тут, разумеется, и без нашего влияния. В нашем присутствии большинство туземцев стеснялось откровенно кормить духа, а тем более устраивать праздник.

VI

Мясо медведя вполне съедобно, только жир медведя сильно отдает ворванью. Туземцы охотно потребляют и то и другое, причем и в свежем и в вареном виде. Жир медведя, помимо запаха ворвани, других особенностей не имеет. Мясо, потребляемое с жиром, значительно вкуснее, конечно.

Вешала с медвежьими шкурами

головой посуду с едой, горячим чаем, хозяин раскуривает трубку и предлагает медведю курить. После угощения, а иногда в процессах угощения хозяин развлекает медведя, играет в бубен и поет, часто семья подтягивает хозяину и поет хором под звуки бубна. Только после этого череп вылушивается из шкуры. Шкура идет в обработку, а голову относят подальше за становище и укладывают мордой в определенном направлении.

Этот обычай также начинает исчезать. В последнее время все реже устраиваются „праздники“ кормления медведя. Убив одного медведя, легко соблюсти обычай, тем более, что он не причиняет неприятных ощущений, но когда за весну промышленник упрямилит два-три десятка медведей, то на кормление их всех просто не хватит времени. Иногда промышленнику случалось убивать в день три-четыре зверя, а однажды эскимос Нюко убил сразу даже одиннадцат-

если только запах ворвани не раздражает. Но если мясо освободить от жира, то оно совершенно не пахнет ворванью, или, как говорят, „рыбой“, оно тогда очень вкусно и не влечет за собою никаких желудочных осложнений. Особенно вкусны ососки-медвежата. Жир медвежат совершенно не отдает ворванью, поэтому медвежата могут удовлетворить даже изощренный вкус гурмана.

У медведя все части туши съедобны, кроме печени, обладающей какими-то ядовитыми свойствами. Мне не пришлось пробовать печень медведя, но т. Званцев, когда убил первого медведя, нажарил себе печени и наелся вволю. Печенка ему показалась очень вкусной. Поздно вечером он угощался, а утром с большим трудом встал к семичасовому отсчету. Утром же, когда он пришел ко мне, лицо его отекло, было воспалено и приобрело кирпично-красный цвет с каким-то странным мертвенным оттенком,

глаза он полностью открыть не мог. Его физиономия производила впечатление лица человека, свирепо ископанного пчелами. Отекло все тело, и руки и ноги. Годова, по его словам, чудовищно болела, а в ушах стоял неслыханный звон и какой-то шум. В течение трех дней он чувствовал себя разбитым, потом отеки, головные боли и другие неприятные явления прошли, и он чувствовал себя так же здорово, как и раньше.

Туземцы же не потребляют печени не только медведя, но и других зверей: печень они относят к частям несъедобным, и только под нашим влиянием они начали потреблять печень морского зверя.

сти; этим занимаются, как правило, мужчины. Шкуру необходимо отмыть от крови, попавшей из ран, и снять насколько возможно жир. Моется шкура чаще всего на дворе, прямо на снегу горячей водой с мылом.

Поздней весной и летом, когда на море есть уже вода, после мытья шкуры полощут в соленой воде. Зимой же и ранней весной вымытую шкуру чистят и обезживают снегом. Сухой снег прекрасно впитывает в себя влагу, к тому же механически забирает остатки жира и грязи.

Очищенные и вымытые шкуры вывешиваются на вешала для просушки. Особенно хорошо проходит процесс сушки зимой.

Переноска медвежьих шкур

Шкура убитого медведя привозится в становища с толстым слоем жира на ней. Так как жир у нас не имел товарного значения, то в процессе снятия шкуры промышленник стремился оставить на шкуре как можно меньше его, но по недостатку времени на шкуре все же остается много жира. Из шкуры выдвигаются кости ног, кроме последних фаланг пальцев, на которых держатся когти. Если голова извлекается из шкуры на месте убоя, то хрящи ушей и носовые хрящи остаются в шкуре больше, чем следует. На лапах совершенно удаляются пяточные затвердения.

Освобождением шкуры от жира заняты исключительно женщины. Для этого употребляются тяжелые ножи особой формы, но если их нет, то они делают это мастерски любым ножом. Но, по их заявлению, работать простым ножом не так удобно.

После того как шкура совершенно освобождена от жира, ее моют со стороны шер-

Вымороженная шкура в отличие от высушенной имеет красивый чистый вид.

VII

Белый медведь два-три десятка лет тому назад на нашем Крайнем северо-востоке был распространенным зверем и спускался довольно далеко на юг. Теперь же медведь на побережье материка встречается крайне редко. Это животное не любит находиться там, где обитает человек. Это касается не только посещения медведем земли для отдыха и промысла, это он может делать с таким же успехом и на льду; но главное — залегания беременных самок на зиму для деторождения. Эту налобность самка может осуществлять только на земле. В свое время на склонах материкового берега и в ближайших распадках часто находили берлоги с медведицами и ососками, об этом напоминает ряд авторов, посещавших район

к востоку от устья Колымы, но теперь берлоги не встречаются.

На Врангеле же медведь упорно держится. Ежегодно самки массами выходят на остров и залегают в берлогах, несмотря на то, что каждую весну они изничтожаются там почти по сотне экземпляров, размеры же острова не так велики.

Почему медведицы воспылали любовью к этому клочку земли и, несмотря ни на что, не желают уходить в другое место, где еще нет человека, где они могли бы обезопасить себя и потомство? Правда, Врангель расположен сравнительно южно, но ведь медведи уходили часто значительно севернее. Следовательно, это тоже не может объяснить упорства, проявляемого самками.

Мы полагаем, что это явление можно объяснить отсутствием суши к северу, северо-западу и северо-востоку от Врангеля, во всяком случае на небольшом расстоянии, порядка 200—300 км. Если бы к северу от острова была какая-либо земля, то медведи ушли бы с острова на землю, а на острове встречались бы так же редко, как на материке. Остров Геральд в счет идти не может, так как он очень мал и вместить на своей территории много зверей, конечно, не может. Медведи селятся и на Геральде и очень тесно. В сентябре 1934 г. „Красин“ подошел к Геральду, и люди, высадившиеся для реставрации там флага СССР, как только подошли к берегу на шлюпке, тут же убили самку в берлоге. Потом они поднялись на вершину, а у шлюпки оставили вахтенного; тот поднялся к убитому медведю и на расстоянии метра от себя увидел выглядывавшего из берлоги второго медведя. Немного позже его тоже убили. Так тесно медведь не селится, и уж если поселился, значит, был вынужден крайними обстоятельствами.

За время нашего пребывания на острове туземцы неоднократно рассказывали нам, что видели землю к северу от острова. Все они в один голос утверждали, что земля гористая, с остроконечными вершинами.

Если принять на веру сообщения туземцев, то приходится заключить, что это или группа островов, расположенных к востока на запад, или очень большая земля, или, может быть, крупный остров, находящийся недалеко от Врангеля и потому закрывающий почти всю нордовую четверть горизонта.

Но не всему виденному на Севере надо придавать значение.

Часто в хорошие летние дни с совершенно ясным горизонтом мы видели в зюйд-остовом направлении землю. Далеко за горизонтом поднимались смутные очертания какой-то земли. Наблюденные явления в зрительную трубу еще более усиливали иллюзию. Мы хорошо знали, что в этом направлении никакой земли нет, кроме северозападной оконечности Америки, но последняя

так далека, что видеть ее было нельзя, а мы все же видели землю со всеми особенностями ее и всегда гористую.

Я полагаю, что и земля, виденная неоднократно к северу от Врангеля, имеет ту же самую природу, что и „земля“, виденная часто нами в зюйд-остовом направлении.

★

Остров Врангеля на Крайнем северо-востоке является своеобразным медвежьим питомником. Только здесь, начиная от устья реки Колымы и кончая мысом Дежнева, медведь выходит для размножения в значительных количествах. Изничтожение медведя на Врангеле будет по существу изничтожением его в этом районе Арктики. Процесс изничтожения идет крайне быстро. За восемь лет хозяйственного строительства на острове убито больше тысячи медведей.

Увеличение населения на острове неизбежно повлечет за собой усиление изничтожения медведя. Следует думать, что в ближайшие пять—десять лет медведь на острове будет так же редок, как на материке.

По нашему мнению, необходимо ввести регламентацию убоя белого медведя, чтобы предохранить зверя от полного истребления. Наиболее рационально установить регулярные запуски, разрешая, к примеру, охотиться на самок по весне в берлогах, и на воле, когда они с ососками, только по четным или нечетным годам. Убой осеннего зимнего медведя можно не регламентировать, так как эффективность его не велика. Летний же убой медведя, по нашему убеждению, необходимо совершенно прекратить. Шкура медведя летом качественно крайне низка, шерсть короткая, редкая, с многими проплешинами, а на брюхе и паховых областях настолько редка, что медведи кажутся почти совершенно голыми; кроме того, находясь в периоде линяния, животное теряет шерсть, и шкура производит впечатление подопревшей.

Если летний убой медведя происходит с промыслового судна, в таком случае хоть не пропадает шкура и жир; о мясе мы не говорим, так как на всяком судне найдется достаточно любителей „полярной экзотики“ и оно будет съедено. Убой же медведя с экспедиционных судов производится обычно в порядке спортивной стрельбы. Убить медведя не трудно, да еще находясь на борту судна, но обработать убитого медведя значительно труднее. Снять шкуру, очистить ее от жира, вымыть, а потом высушить, — для этого надо много умения и заботливости. Есть ли смысл бить медведя с плохой шкурой? К тому же и последующая обработка значительно ухудшает ее качество, если не портит совершенно.

Совершенно прав проф. Мантейфель, затронувший на страницах нашей печати вопрос о необходимости сохранения быстро исчезающего белого медведя.

Г. С. ВЛАСЕНКО

АККЛИМАТИЗАЦИЯ ОНДАТРЫ

(На Енисейском севере)

I

Важное значение охотничьей пушной продукции и необходимость удовлетворения неуклонно растущего спроса трудящихся нашей страны на доброкачественный и дешевый мех выдвигают задачу применения различных мероприятий, способствующих скорейшему увеличению наших пушных ресурсов. Одним из таких мероприятий является промышленное разведение зверей и, в частности, **вольное разведение американской мускусной крысы — ондатры.**

За последние годы началось вольное разведение этого грызуна на территории СССР. Уже теперь ондатра входит полноправным членом в состав охотничье-промысловой фауны нашей страны, а в будущем она обещает и должна стать массовым достоянием широких охотничьих масс колхозов, как объект охотпромысла.

Ондатра живет в местах, непригодных для сельского хозяйства, как-то: реки со спокойно текущей водой, старицы, озера, болота и т. д. Благодаря плодovitости этого зверька, нетребовательности в уходе и относительной высокой ценности меха, эти ранее не дававшие дохода уголья при содержании на них ондатры можно превратить в высоко доходные площади. Площадь, занятая болотом, при разведении на ней ондатры приносит большие прибыли, чем такая же площадь, занятая под сельскохозяйственные культуры. В Северной Америке еще не так давно ондатра имела небольшое значение в меховой торговле; в настоящее время она, также как у нас белка, является в этой стране важнейшим объектом пушного промысла и меховой торговли.

Изделия из шкурок ондатр получают сравнительно дешевые, вполне доступные широким слоям населения и в то же время прочные и красивые. В настоящее время, когда мехообрабатывающая промышленность достигла больших результатов в области облагораживания мехов, из шкурок ондатры вырабатывают меха главным образом под вид морского котика. Благодаря этому спрос на мех ондатры из года в год увеличивается. Помимо хорошего качества меха, ондатра имеет экономическое значение и в других направлениях. Из волоса неполноценных шкурок изготавливаются различные фетровые изделия. Кроме того, заключающееся в мускусных железах, **особое** сильно пахучее вещество употребляется в парфюмерном деле.

II

Ондатра относится к отряду грызунов, семейству мышинных, подсемейства полевков. По образу жизни и внешнему виду ондатра во многом сходна с водяной крысой, широко распространенной в Советском Союзе, но по размерам она гораздо крупнее, достигая длины от носа до конца хвоста 56 см, в том числе на хвост около 24 см. Вес взрослого зверя в среднем 1 кг, а отдельные крупные экземпляры достигают и 1½ кг. Шкурка грызуна имеет прочную мездру, густой и сравнительно длинный волосной покров; мех отличается гляцевым оттенком. Шкурка молодой ондатры имеет серый цвет тогда как у взрослых она варьирует от рыжего до темнубурого цвета, в небольших количествах встречаются и черные экземпляры.

Из **органов чувств** у ондатры более развито зрение и слух; менее — обоняние. К находящемуся в неподвижном состоянии человеку зверек может подойти очень близко, но при малейшем движении он моментально скрывается. При шуме ондатра, как и многие другие грызуны, садится на задние лапы, внимательно прислушивается и зорко всматривается в сторону, откуда идет шум.

Селится ондатра, как мы говорили, в речках, старицах, озерах, прудах, болотах и заболоченных лугах и лесах с наличием травяной растительности, пригодной для питания этого зверька. Грызуны не избегают и морей с наличием в береговой части заболоченных участков или находящихся в непосредственной близости от берегов отмелей и островов. Избегает зверек водоемов с каменистыми берегами, быстрым течением, бедной растительностью, а так же больших открытых водных пространств.

Идеальным местом обитания ондатры в условиях Енисейского севера можно считать водоемы, главным образом озера, имеющие относительно высокие и крутые берега с наличием травяной растительности и зарослей тальника, а также наличием заболоченных и кочковатых участков, окаймляющих водоем неширокой лентой. Предполагает селиться ондатра там, где береговая часть обрывается или же круто ниспадает в воду на глубину не меньше полуметра, при наличии поблизости водной растительности на дне водоема.

Жилища ондатра строит двоякого рода. Там, где берега возвышаются над водой, она роет себе земляные норы; в дру-

гих случаях делает на поверхности земли из мелких прутьев и травы домики-хатки, имеющие внешний вид небольшой копны сгнившей травы различной формы. В Туруханском районе ондатра строит земляные норы. Такого типа жилища обычно располагаются в большой кочке под густо растущим мелким кустарником или же на корне поваленного ветром дерева. На характер устройства жилища и его местонахождения, кроме окружающих условий рельефа и микрорельефа, влияют и суровые климатические условия этого района. Кроме постоянных жилищ грызун иногда строит временные гнезда. Постройка таких гнезд вызывается обычно стихийными бедствиями (подъем воды, обвал земляных нор и проч.).

Пищей ондатры служат главным образом травяная растительность, произрастающая в воде или около воды, но при случае ондатра поедает также некоторые полевые и луговые травы. Она поедает далеко не все растения в одинаковой степени. По моим личным наблюдениям и сведениям, полученным от других наблюдателей, в условиях Енисейского севера ондатра предпочитает летом осоки, хвощи и молодые побеги корневищ водной растительности. В это время грызун очень разборчив и съедает обычно только самые вкусные части растения, а остальные выбрасывает. Благодаря этому около кормовых площадок ондатры обыкновенно плавают сплошной травяной ковер значительных размеров. Зимой грызун питается, главным образом, корневищами кубышки, кувшинки и рдестов. В весеннее время — корневищами указанных выше и других водных растений, частично молодыми побегами тальника.

Размножается ондатра, как и многие грызуны, довольно быстро. На Енисейском севере число пометов за сезон по личным наблюдениям, подтвержденным охотничьим техником Назаровым, достигает трех (я имею в виду самку среднего возраста). Детеныши первого помета мною наблюдались чаще в половине июня; второй помет — в конце июня-июля; и третий — в начале сентября. Число детенышей в помете колеблется от 4 до 8 шт., среднее количество детенышей в помете, выживающих до половой зрелости, 5—6 штук.

Не мало ондатры, особенно молодой, гибнет от многочисленных врагов и различных заболеваний. Главными ее врагами являются норка и выдра, затем щука, лисица, куница, ястреб, сова и другие. В практике Елогуйского ондатрового хозяйства (существующего с осени 1932 г.) не было, однако, ни одного случая поедания или разорения жилищ ондатры зверями и хищными птицами. В значительно большей мере наносит вред ондатре человек как путем сознательного браконьерства, так и другими способами: загораживанием заездов (катцов) в местах перекочевок ондатры, подледным

ловом сетями и ставными ловушками в местах концентрации зимних кормов, установкой сетей близко у нор и у кормовых площадок ондатры.

III

Первый выпуск ондатры на территории Енисейского севера был произведен экспедицией в составе ботаника А. К. Лаврова, краеведа И. А. Алексеева и охотоведа Э. И. Шершевского осенью 1929 г. по реке Елогуй в районе ее притоков Алсыс и Ханчес. Затем с целью подыскания пригодных для обитания грызуна участков весной 1932 г. Востсиблущина командировала автора настоящей статьи в составе Игарской землеводоустроительной экспедиции в северную часть Туруханского района. Мною было произведено обследование водоемов, расположенных на территории Баишенского нац. совета, и, в частности, системы озер среднего течения р. В. Банха (правый приток р. Турухан) и ее притоков Латына и Тукавайту.

Обследованный участок имеет следующие географические координаты: на юге 65 и на севере 66 с. ш., на востоке 86 и на западе 84 в. д.

Обследованные мною озера можно разделить на две группы: группу озер, отличающихся более богатой растительностью, как водной, так и береговой, и группу, бедную водной и береговой растительностью. Привожу средний запас кормовой растительности для ондатры этих двух различных групп водоемов (в центнерах сырой массы с одного гектара): 1-я группа: водная флора — зеленой массы 28,9 ц и корневой — 27,3; 2 группа: водная флора — зеленой массы 5,8 ц и корневой — 10,1; береговая флора: зеленой массы 19,8 ц и корневой — 28,6 ц.¹

Как правило, все озера окружены заболоченным, в той или иной степени, кочковатым кольцом, шириной от 5 до 20 м и травяной растительностью, в основном состоящей из осоки, трифоли, хвоща (топяного и болотного), белокрыльника, лапчатки болотной, вейника Лангдорфа, поручейника ланцетолитного. В некоторых участках отдельных озер почти к самому урезу воды подходят заросли тальника, тогда как в общей массе тальник является как подлесок или же разбросан отдельными представителями по заболоченным участкам. В прибрежной части водоемов на более мелких участках произрастают хвощ и осока, а далее в глубь озера на смену последним появляются стрелолист, ежеголовник ветви-

¹ Средний запас кормовой растительности водной флоры высчитан относительно всей водопокрытой площадки, а не к площади, занятой одной водной растительностью.

стый, рдест курчавый и рдест длиннолистный, кубышка, кувшинка малая, кувшинка белая, пузырчатка средняя, водяная сосенка и другие.

Глубина озер, по летним промерам, колеблется в среднем от 2 до 3 м, максимум 4 м.

Подъем весеннего уровня вод, судя по оставшимся следам прошлых лет и личному наблюдению, у большинства озер колеблется от 1,2—1,5 м. В летнее время от выпадающих осадков колебание уровня вод в озерах — 0,1—0,2 м и осенью — 0,2—0,3 м. За последние годы озера покрываются льдом чаще 14—20 октября, а вскрываются весной 20—27 мая. Таким образом озера скованы льдом в среднем около 220 суток в год и свободны от льда в течение 145 суток. Отсюда уже можно судить, какое огромное значение будут иметь зимние корма и в частности корневища водной растительности на количество содержания особей в том или ином водоеме и на плотность их заселения. Правда, делать вывод о плотности заселения ондатрой того или иного водоема только на основе запасов кормов было бы ошибочно, так как помимо этого на насыщенность индивидуумами определенной единицы угодий влияет ряд биологических и других моментов. Из личных наблюдений и некоторых литературных указаний можно сделать вывод, что ондатра поселяется не колониями, а небольшими группами, семьями, не терпит присутствия вблизи своего гнезда других семей и старается всячески их отогнать. На этой почве нередко происходят ожесточенные драки.

Отсюда сам по себе напрашивается вывод, что какая-то определенная площадь должна быть занята только одним семейством. Точный размер необходимой площади на одну семью ондатры и на одного индивидуума пока не известен и может быть установлен только в результате дальнейших наблюдений. При промерах площади наиболее интенсивной деятельности ондатры в области трех различных по наличию кормовых ресурсов групп водоемов у меня получился следующий средний радиус: в первом случае 20 м, во втором 24 м и в третьем 30 м. Таким образом получается площадь, используемая грызуном наиболее интенсивно: в одной группе водоемов 1600 кв. м ($20 \times 20 \times 4$), в другой — 2304 кв. м ($24 \times 24 \times 4$) и в третьей — 3600 кв. м ($30 \times 30 \times 4$).¹

Приводя эти данные к единице площади в один гектар, мы получим, что в первом случае можно содержать на одном гектаре угодий 6,2 семьи (10 000 : 1600), во втором — 4,8 семьи (10 000 : 2304) и в третьем — 2,8 семьи (10 000 : 3600).

Однако, кроме указанных выше фактов, на плотность заселения ондатрой единицы

угодий влияет и ряд других причин, как-то: состояние береговой линии, общий размер зеркала отдельного водоема и т. д. Вполне понятно, что ондатра в своей жизненной деятельности в основном укладывается в десятках и сотнях метров (не считая перекочевков и отдельных случайных заходов), а поэтому она не в состоянии осваивать водоемы, имеющие ширину в несколько километров, а тем более десятки километров. Промерзаемость озер, по данным местного населения, в среднем 50—60 см, причем в прибрежной части озер лед значительно толще, чем на середине. Из ряда взятых проб у береговой части водоема оказалось, что на глубине 40—50 см вода до дна не промерзает, и дно остается совершенно талым в течение всей зимы. Такая неравномерность промерзания воды в озерах совпадает с обратной пропорциональной мощностью снегового покрова на льду водоема. Снег с открытых участков водоемов, вследствие почти постоянно дующих ветров, уносится в виде снежной пыли к берегам и в этой части образует более толстый и плотный слой снега, чем на середине водоема. Очевидно снеговой покров в значительной степени влияет на неравномерность промерзания воды в водоемах.

В сентябре 1932 г. в указанных выше озерах была выпущена партия ондатр в количестве 100 штук, в равной мере самцы и самки. Несмотря на позднее время выпуска ондатра быстро освоилась на новом месте и за оставшийся промежуток времени до замерзания озер оборудовала себе земляные жилища. Характерно, что ондатра первую зимовку в условиях полярной зимы прекрасно пережила. По подсчетам охотника Борисова, стадо вышло весной в полном составе и в тех водоемах, где оно было выпущено. Весной же, как только озера вскрылись и уровень воды в них принял относительно нормальное положение, ондатра приступила к оборудованию старых и постройке новых земляных жилищ.

В течение этого же летнего периода ондатра освоила еще несколько близлежащих водоемов. В зимнее время (первой зимовки) присутствие ондатры и ее следов на поверхности отмечено не было, и только весной, когда лед у берегов начал подтаивать и уровень воды в озерах несколько поднялся, ондатра стала появляться и на поверхности.

Отношение местного туземного населения к акклиматизации ондатры хорошее. О каждом замеченном новом явлении в жизни ондатры (спаривании, появлении молодняка, встрече в других озерах) население быстро ставит в известность наблюдателя. Население района выпуска ондатры поняло экономическое значение разведения этого зверька. Доказательством могут служить такие факты, как неоднократные обращения ко мне со стороны туземцев ст. Янов-

¹ В этот расчет входит как площадь берегов, так и зеркало водоемов.

стан—обязательно в ближайшее время прийти к ним для обследования озер и выпуска ондатры.

В результате первого сезона размножения, по подсчетам Борисова, стадо ондатры в Баишенском ондатровом хозяйстве количественно выросло до 700 штук. На реке Елогуй ондатра освоила территорию более 60 кв. км, и уже осенью 1933 г., по теоретическим расчетам охотников, на указанном участке насчитывалось 60 тыс. особей. Эта цифра, правда, оспаривается практиками, но не подлежит никакому сомнению, что ондатра на Енисейском севере вполне акклиматизировалась и вступила в стадию естественного массового размножения.

Теперь должен стать во всю ширь вопрос о массовом расселении ондатры

в северных промысловых районах и выборе и превращении подходящих для ее обитания участков в высокодоходные звероводческие базы.

Все необходимые условия для создания крупного ондатроводства на Енисейском севере имеются, и при соответствующей постановке дела ондатроводство может быть развито усиленными темпами и в огромных размерах.

Помимо госорганизации за это дело должны взяться колхозы.

Это создаст возможность более полного и рационального использования рабочей силы в колхозах в период относительно свободного времени (осень и весна) и явится новым доходным источником в колхозном хозяйстве.

А. Г. ТОМИЛИН

Аспирант лаборатории зоологии позвоночных Института зоологии МГУ

КИТЫ И КИТОБОЙНЫЙ ПРОМЫСЕЛ В СССР

I

В прошлые века (XVI—XVII—XVIII вв. и в первую половину XIX в.) запасы китов в русских водах были колоссальны. Однако, в мировом китобойном промысле Россия занимала последнее место, в то время как другие государства (преимущественно Голландия, Англия и Норвегия) беспощадно опустошали китовые стада в Баренцовом море.

Низкий уровень техники самодержавной Российской империи не мог, конечно, поставить ее китобойный промысел в один ряд с промыслами технически развитых стран.

Первые сведения о китах на русском европейском Севере относятся к IX в., когда лопари и финны платили дань князьям помимо прочего и „китовыми кожами“. Добывались тогда киты вручную, случайно. Зачастую пользовались мертвыми животными, выбрасываемыми волной на берег или нечаянно обсковшими на берегу во время отлива.¹

В XVI—XVII в. китовая деятельность существовала на Мурманском берегу с промысловым центром в г. Коле. Там нередко встречались крыши домов, выложенные китовыми костями. Уже тогда русские китобой ездили промысливать в воды Шпицбергена, славившиеся обилием китов.

¹ Случаи выбрасывания и обсыхания китов на берегах нередкое явление. Это подтверждается материалом, собранным автором этой статьи во время китобойной экспедиции на „Алеуте“ в 1934 г.

Плавали они целыми флотилиями, до 17 судов в группе. Ворвань сбывали английским купцам.

В XVII в. Баренцово море заполняли иностранцы, подавляя русский промысел, который и без того впадал в жалкое существование. Обильные китами районы Мурмана и Шпицбергена после ожесточенной борьбы были поделены между разными государствами, главным образом — между Голландией и Англией. В течение XVII—XVIII—XIX вв. в этих районах киты интенсивно истреблялись. Так, например, голландцы с конца XVIII в. до второй половины XIX снарядили на Шпицберген 14 167 китобойных судов (более чем 130 судов в среднем в год) и добыли 57 510 китов!

За период с 1570 по 1778 г. китобойным промыслом, преимущественно в водах Шпицбергена, было занято 2879 иностранных кораблей. Русский китобойный промысел на Шпицбергене в те годы исчезает и ведется только в прибрежных водах Мурмана.

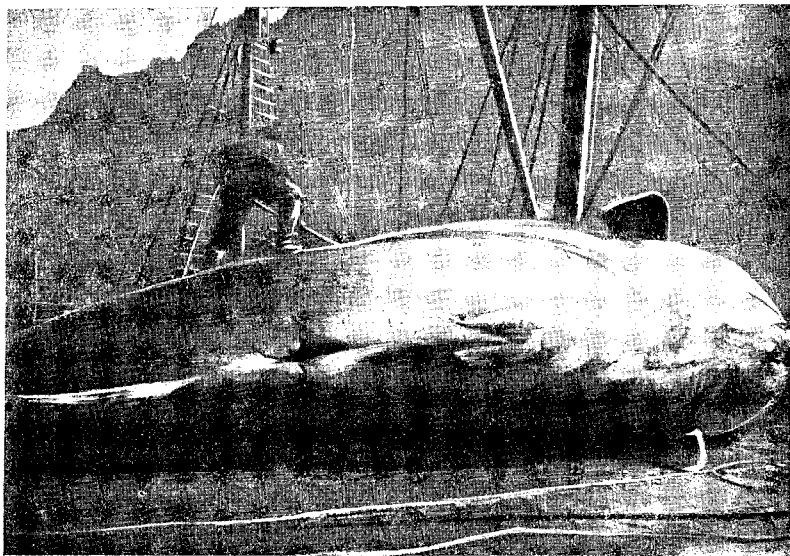
В 1723 г. Петр I пытается организовать промысел: учреждается предприятие, так называемое „Кольское китоловство“ с тремя судами. За 4 года своего существования последним было убито только 4 кита, в то время, как голландцы за такой же период в этих же морях убили 5637 китов. В 1734 г. Анна Иоанновна дарит все зверобойные и китобойные промысла барону Шафирову; после него все это передается барону Шелебегу, затем уже при Екатерине II — Шувалову, но никаких положительных ре-

зультатов от этого не получалось. После объявления промыслов вольными в 1768 г. за китобойное дело взялись купцы, сначала Вешнеков, потом Герасимов.

В конце XVIII в. граф А. Р. Воронцов организует китобойное судно. Если не считать 11 раненых китов, положительных результатов это судно не имело. Отсутствие навыка в этой незнакомой промысловой отрасли привело, подобно предыдущим, и предприятие Воронцова к гибели.

В 1803 г. для развития сельдяного дела была основана Беломорская компания, но ее китобойный корабль в конкурентной борьбе был сожжен англичанами. Наконец, в 1883 г. организуется „Первое Мурманское кито-

ного дела, а добыча на Шпицбергене дала — всего полсотни китов. Баренцево море теперь можно использовать лишь для охоты на мелких китообразных (нарвал — *Monodon monoceros* и касатка — *Orca gladiator*). Надежда на лов в Баренцевом море крупных китов довольно сомнительна. Гренландский кит — *Balaena mysticetus* здесь совершенно уничтожен. Редко удается обнаружить незначительные следы этого вида. Так, в 1928 г. на Мезенский берег был выброшен один кит, судя по опросам — гренландский, и в 1935 г. 23 марта был обнаружен мертвый кит (также *Balaena mysticetus*) у Мурманского побережья тральщиком „Гамарник“.

Разделка кашалота

бойное и иных промыслов товарищество“ во главе с Гебелем, а в 1884 г. — „Товарищество китоловов на Мурмане“. Первое просуществовало до 1890, а второе — до 1889 года.

За период пятилетней деятельности на шести пароходах этими товариществами было убито около 300 китов. Затраты были огромные, промысел дал значительный дефицит, и общества распались. По деятельности своей — это были наиболее крупные китобойные предприятия в Европейской России. После них было еще несколько мелких, но безуспешных попыток, пока, наконец, китобойное дело совершенно не заглохло.

В настоящее время на Европейском Севере запасы китов сильно поредели. Так, в северной Атлантике добыча Норвегии в 1926 г. едва достигала 500 китов в год, несмотря на прекрасную технику китобой-

На Дальнем Востоке данные промысловой деятельности относятся к концу XVIII и началу XIX в. после резкого сокращения китов на Европейском севере.

В 1780 г. организуется русскими купцами объединение, впоследствии названное — Российско-Американская компания, скупавшее за бесценок у туземцев Аляски и Чукотки пушные и зверобойные продукты. В 1818 г. эта организация сдает сроком на 10 лет восточный Север в концессию американцу Пиготу. Сама же компания китобойным делом занимается слабо. В это же время здесь наблюдается большой наплыв иностранных китобойных судов (до 200 единиц). В 1850 г. возникает другая компания — Российско-Финляндская, которая по договору с Российско-Американской ведет охоту на китов. В 1863 г. Российско-Финляндская компания распалась, а вслед за ней в 1865 г. пере-

стает существовать и Российско-Американская компания.

В 1861—1885 гг. русский предприниматель Линдгольм, плававший до этого на судах Российско-Финляндской компании, организует самостоятельно китобойный промысел в Тугурской губе (Охотское море), впоследствии он приобретает пароход и специальную шхуну. Им же с большим успехом вводится в процесс охоты гарпунная пушка С. Фойна. Нажив четверть миллиона дохода, Линдгольм уступил свое место лейтенанту Дыдымову. В 1887—1890 гг. Дыдымовым было убито 73 кита. Во время одного сильного шторма лейтенант пропал без вести у берегов Кореи в Японском море на своем судне „Геннадий Новельский“. Предприятия погибшего, сооруженные им в бухте Гайдамак, были вскоре приобретены графом Кайзерлингом. По сравнению с предшественниками самые крупные масштабы китобойного дела были у Кайзерлинга. За десять лет охоты, с 1895 по 1904 г., в Охотском и Японском морях его компанией было добыто около 1000 китов. В русско-японскую войну флотилия Кайзерлинга, состоявшая к тому времени из девяти судов и одной пловучей базы, была реквизирована японцами. Это положило конец русскому

китобойному делу на Востоке, вплоть до появления советской китобойной флотилии „Алеут“ в 1932 году.

II

За последние годы установлено, что дальневосточные моря достаточно богаты китами. Это позволяет расширить наш только что возродившийся промысел. Так, на Дальнем Востоке (в Японском, Охотском, Беринговом, Камчатском и Чукотском морях и у берегов Японии) в общей сложности обитает до 27 видов китообразных,¹ из которых 11 видов могут быть объектами промысловой охоты с специальных судов.

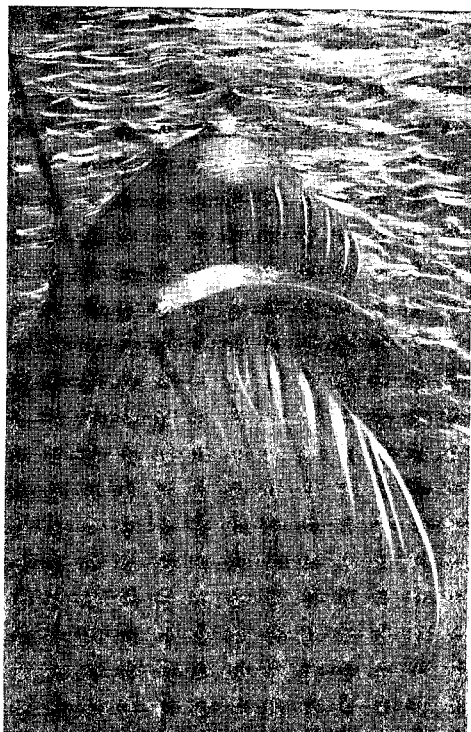
Первые семь нижеуказанных видов принадлежат к подотряду **усатых китов** *Mystacoceti* (зубы отсутствуют, вместо них на верхних челюстях и нёбе имеется гребенчатый ряд роговых пластин, так называемых „усов“), а последние три вида относятся к подотряду **зубастых** — *Odontoceti* (в челюстях имеются зубы).

Из *Mystacoceti* первые 5 видов принадлежат к семейству **полосатиков** — *Balaenopteridae* (характерны продольные складки на брюхе), 6-ой и 11-ый вид — к семейству **гладких** *Balaenidae* (без складчатости на брюхе), а 7-ой — к промежуточной группе между названными семействами — сем. *Rhachianectidae* (имеет всего 2—4 полосы под горлом).

Из зубастых 8-й относится к сем. **кашалотовых** — *Physeteridae* (к роду *Physeter*), а 9-й к семейству *Ziphiidae*. Оба представителя имеют над лобными и челюстными костями черепа особый жир („спермаец“), 10-й вид из семейства дельфиновых — *Delphinidae*.

Перейдем к характеристике отдельных китов.

Финвал — *Balaenoptera physalus* (Linnaeus, 1766). Обычный вид, обитающий в водах советского Дальнего Востока. Он имеет наибольшее промысловое значение благодаря количественному (а по отношению к некоторым и качественному) преобладанию над другими видами. Встречаются особи

Горбач

¹ Виды эти (большая часть из которых встречается в Японском море) следующие: 1) *Balaenoptera swinhoei* (Gray) — из полосатиков, а остальные — из зубастых; 2) *Berardius bairdii* (Stejneger); 3) *Zuphius cavirostris* (Cuvier); 4) *Cogia breviceps* (Blainville); 5) *Delphinapterus leucas* (Pall); 6) *Monodon monoceros* (Lin); 7) *Neomeris phocaenoides* (Cuvier); 8) *Phocaena phocaena* (Lin); 9) *Phocaenoides truei* (Andrews); 10) *Delphinus dussumieri* (Blainford); 11) *Delphinus delphis* (Lin); 12) *Prodelphinus longirostris* (Gray); 13) *Lagenorhynchus obliquidens* (Gill); 14) *Lissodelphis borealis* (Peale); 15) *Globicephala scammoni* (Cope); 16) *Grampus griseus* (Cuvier).

обоего пола и всех возрастов. Средние размеры 19—20 м длиной, но для Антарктики известны рекордные экземпляры длиной до 27,5 м. Жира в среднем дает до семи, а как редкость — до 11 тонн.

Блювал, или синий кит — *Balaenoptera musculus* (Lin.). Самый большой представитель среди морских животных настоящего времени и среди млекопитающих прошлого. Средний размер около 24 м, максимальный до 30. В Антарктике имеются исключительнейшие экземпляры размером до 33 м. У нас блювал редок. Жира дает до 15—16 тонн.

Сейвал, или сайдяной кит — *Balaenoptera borealis* (Lesson). Ближайший родственник финвала, меньших размеров. Средняя длина 13—14 м, рекордная — 17 м. Как и блювал, у Камчатки и севернее редок, тогда как у берегов Японии (в Японском море) он один из наиболее частых китов. Жир дает 2—2,5 тонны.

Горбач, или хумпбэк — *Magaptera nodosa* (Bonp.). Средний размер 12—13 м, в рекордные случаи достигает 17 м. У Камчатки редок, в Чукотском море и Беринговом проливе обычен. Жир дает до 4—5 тонн, а крупные и до 7 т.

Малый или осторылый полосатик — *Balaenoptera acutorostrata* (Lacépède). Длина до 10 м. У Камчатки и севернее редкий вид, более многочислен в Японском море. Дает жир не более 1 тонны.

Гренландский кит — *Balaena mysticetus* (Lin.). Длинной до 20 м. Обитатель Чукотского и Берингова морей. Самый жироносный и ценный кит: дает до 25 и даже 30 тонн жира и до тонны уса, более дорогого, чем у других пород.

Серый или калифорнийский кит — *Rhachianectes glaucus* (Cope). В Чукотском море и северной части Берингова моря приравнивается по количеству к горбачу, но уступает финвалу. Достигает 15 м длины. Жира дает около 4—5 тонн, а крупные экземпляры и до 6 тонн.

Кашалот — *Physeter macrocephalus* (Lin.). Единственный вид из китообразных, который представлен в наших водах только самцами, причем не заходящими севернее мыса Наварин (Коряцкий круг). Самок встречают очень редко, так как они кочуют в тропических водах с молодняком или в „брачных“ группах, обычно состоящих из нескольких самок (до 10 шт.) и одного самца. Самцы могут достигать до 20 и даже 21 м, самки — до 13 м длиной. Жира получают как максимум до 14 тонн и двух тонн сперматозоидов, в нашем промысле максимальная выработка жира достигала 11 тонн.

Боттленос — *Hyperoodon rostratus* (Gray). Подобно кашалоту не заходит в северные воды, являясь у Камчатки, наоборот, обычным видом. Размером достигает до 11 м, жира дает до 2 тонн.

Касатка — *Orca gladiator*. Обычный морской зверь для всех дальневосточных морей.

Разделка финвала

Длинной бывает до 8—9 м. Промыслом еще не затронута, но вполне для этого пригодна и может промышляться, как боттленос и малый полосатик, с маломерных судов.

Промысловый период определяется сезонным пребыванием китов в наших морях. В зависимости от времени года эти животные мигрируют: весной (апрель, май, июнь) из умеренных и теплых вод, где большая часть из них спаривается и плодится, они устремляются в наши северные широты. Летом там имеется богатейшая кормовая база в виде колоссальной массы планктона (главным образом пелагические ракообразные), моллюсков, косячной пелагической рыбы (сельдь, мойва, иваси, песчанка). Это определяет собой летние места нагула — районы скопления китов.

Осенью, с уменьшением кормовой базы (в связи с похолоданием), а также, возможно, вследствие возникающей физиологической потребности размножения, киты откочевывают обратно в южные широты (октябрь, ноябрь, декабрь, причем сроки прихода и отхода китов меняются в зависимости от гидрологических и гидрометеорологических условий).

Основные области китобойной охоты в наших водах: Камчатское море с Коман-

дорскими островами и Берингов пролив с Чукотским морем. Для первой области главными видами являются финвал, кашалот и bottленос, а для второй — финвал, горбач, грейвал и в меньшей степени гренландский кит. Это различие в составе пород областей объясняется тем, что 1) грейвал и горбач приходят на Север, главным образом, придерживаясь не Азиатской, а Американской континентальной ступени; 2) в своем заходе на север кашалот и bottленос ограничиваются зоной мелководья северной части Берингова моря, что, повидимому, связано с распределением их пищи — головоногих моллюсков; 3) гренландский кит не спускается далеко на юг, обитая близ кромки льда.

III

На Дальнем Востоке в 1925 и 1926 гг. промышленная норвежская китобойная компания „Вега“. Советским правительством ей были сданы в концессию водные пространства от мыса Лопатки (южная оконечность Камчатки), до мыса Сердце-Камень (Чукотка) сроком на 10 лет (с 1925 г.). Однако, „Вега“, имевшая один флотинг „Командорен“ с пятью китобойцами, производила охоту всего 2 года (1925 и 1926).

Основные районы охоты „Веги“ располагались в Камчатском и Беринговом морях. Результаты ее двухгодичного промысла: в 1925 г. — 286 китов, а в 1926 г. — 285 китов, из них получено жира — 1582 тонн и 1931 тонна. Ловили главным образом финвалов (149 в 1925 и 232 в 1926 г.).

В 1932 г. Дальморзверпромом была приобретена пловучая база „Алеут“ водоизмещением в 10 000 тонн с тремя китобойцами: „Авангард“, „Энтузиаст“ и „Трудфронт“ по 200 тонн. При перегоне этой флотилии из Ленинграда во Владивосток в тропических и умеренных широтах были убиты первые 22 кита.

В 1933 и 1934 гг. флотилия совершала самостоятельные промысловые рейсы в Камчатское, Берингово и Чукотское моря.

Двухлетний промысел был довольно удачен, особенно в 1934 г. В 1933 г. убито 199 китов, а в 1934 г. — 339, из них финвалов — 105 и 150. Наиболее эффективными месяцами для охоты были август и сентябрь (45 и 52 в 1933 г., 74 и 82 кита в 1934 г.).

В нашей добыче 1934 г. совершенно отсутствует гренландский кит,¹ но чукчи и эскимосы нашего северо-востока примитивными способами с вельботов, с помощью ручных гарпунов и пушек ежегодно добывают до десятка экземпляров этого вида, столь важного в их быте. Прекрасный

китовый жир они употребляют в пищу для топлива и для освещения. Мясо используется как пища для себя и для собак. Костяк употребляют в качестве „стройматериала“.

Охоту туземцы производят в Беринговом проливе во время переходов китов из Берингова в Полярное море и обратно, в весеннее и, главным образом, в осеннее время. Бьют кита в селениях: Сиреники, Чаплино, Интук, Наукан, Уэлен, Истихэт. Из них первое место по убою занимает Сиреники.

Чтобы представить себе размеры нашего возрождающегося промысла китов по сравнению с таковым других стран, достаточно привести ряд цифр: так, мировая добыча в 1930 г. состояла из 38 075 китов. Из них почти половина была добыта в Антарктике (Фалькландские о-ва, Южная Георгия, Ю. Шетландия, Ю. Оркнея, море Росса). Небезынтересна таблица мировой добычи по странам (1929—1930 г.).

Страны	Количество убитых китов	% к мировой добыче	Количество добытого жира в бочках
Норвегия	21 605	56,8	1796 221
Англия	12 204	32	856 797
Аргентина	1 386	3,6	95 451
Чили	250	0,65	12 364
Япония	1 717	4,5	20 000
Дания	258	0,65	8 772
Америка	655	1,8	29 437
Итого	38 075	100	2 819 042

Из таблицы видно, что более половины мировой добычи китов падает на Норвегию (в 1930 г. — 56,8% общего убоа). В одной Антарктике в 1929—1930 г. норвежцами убито 4158 финвалов и 12 001 блювалов, а в 1930—1931 гг. — финвалов — 4783, блювалов — 18 383 шт.

Основными видами, на которых базируется мировой промысел, в настоящее время являются блювал и финвал. Так, из общей суммы зарегистрированной добычи (по данным С. Гармера) 1925—1926 года — из 26 860 китов — финвалы составляли 51% (т. е. немногим больше половины всего количества убитых китов), блювалы — 28% горбачи — 8%, кашалоты — 5%, сейвалы — 4% и 4% — остальные породы.¹

¹ Однако соотношение видов в убое часто меняется, что особенно заметно в Антарктике, где количественный перевес переходит попеременно то к финвалу, то к блювалу.

¹ В 1935 г., согласно данным „Алеута“, в конце весны в Камчатском море был добыт один гренландский кит — *Balaena mysticetus*.

IV

Наш промысел на Дальнем Востоке еще незначителен. Запасы китов в наших водах на много превышают промысловые возможности одной базы с 3 китобойцами. Возникает необходимость построения двух береговых баз с ежегодной ориентировочной добычей по 100 голов на каждой:

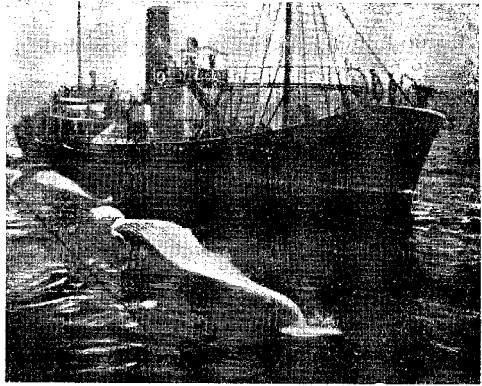
1) одной в бухте Моржовой для эксплуатации полосатиков и кашалотов, кочующих в Камчатском море, а также для использования проходных китов в осеннее и весеннее время;

2) другой в бухте св. Лаврентия, ориентируясь на кочующих и проходных финвалов, грейвалов и горбачей в Беринговом проливе и частично обслуживая южную часть Чукотского моря.

Таким образом мы можем добывать ежегодно около 600 китов — 200 на береговых базах и 400 — флотилией „Алеут“.

В заключение я остановлюсь на самом промысле и на процессе разделки китов. Есть 3 способа китобойной охоты: японский, американский и норвежский. У нас применяется последний, более совершенный: на промысел выходит хорошо оборудованная плавучая база (флотилия) с несколькими китобойцами.

По приходе в район промысла база становится на рейд в хорошо защищенной и удобной в отношении пресной воды

Подвоз китов к борту корабля

бухте, а при ее отсутствии — ложится в дрейф. Такими бухтами у нас являются Моржовая, Глубокая, бухта Провидения и бухта Лаврентия. Целые дни с рассвета до поздних сумерек китобойцы производят в море поиски и охоту на китов. Только в штормовое, да иногда в ночное время, неудобное для охоты, они концентрируются у матки, которая периодически снабжает их углем и пресной водой.

Обнаруживают китов по фонтанам, которые животное производит при выдохе воздуха на поверхности воды. В хорошую видимость фонтаны бывают заметны на расстоянии до 5 миль, причем каждый вид кита имеет свои характерные фонтаны, отличные по форме и величине. Гарпунеры поэтому хорошо ориентируются в объектах охоты даже на расстоянии в несколько миль.

Во время промысла в бочке на мачте китобойца сидит наблюдатель, обыкновенно это боцман, и следит за поверхностью моря, стремясь обнаружить китов. Иногда появление последних может быть предугадано в каком-либо районе по массовому скоплению птицы (в зависимости от косяков сельди, мойвы, сайки) или по коричневому цвету воды от скопления некоторых пелагических ракообразных. Нередко выжидание китобойцев в таких местах дает благоприятные результаты.

После нахождения начинается продолжительная, длящаяся часами погоня за китом, не всегда заканчивающаяся успешно. Регулируя свою скорость под командой и управлением гарпунера, китобоец стремится подойти как можно ближе к киту — на расстояние 10—30 м — и в момент появления животного на поверхность выстрелить в него из гарпунной пушки. Пушка находится на возвышенном носу китобойца и легко вращается на лафете во все стороны. Заряжается пушка железным гарпуном, весящим 80 кг, который соединен с помощью пенькового линия с тросом,

Голова финвала с усовым рядом

длиной около одного километра. Трос помещается в трюме судна и, проходя через 15-тонную лебедку, может ею регулироваться — травиться или выбираться. Загарпунное животное оказывается соединено с помощью троса и линия с судном.

В случае легкого ранения кит вытравляет несколько сот метров троса и легко буксирует китобойца со скоростью до 3 миль в час даже при малом обратном ходе машины (при этом кит иногда дает кровавые фонтаны). В таких случаях раненого подтягивают лебедкой к носу судна и дают второй, а если мало, то третий и четвертый выстрелы, пока кит не будет добит. Кое-когда удается закончить дело с одного, но чаще всего с двух выстрелов, не считая промахов. Ранение причиняется не только гарпуном, но и гранатой, навинченной на конце гарпуна и разрывающейся в теле животного в момент выстрела.

Убитого кита швартуют к борту китобойца и буксируют к базе. База, грузоподъемностью обычно в несколько тысяч тонн, принимает всю доставляемую добычу в течение 6-месячного сезона промысла. Подвешенного кита стропят за корень хвоста и хвостовые лопасти, соединяют шкентелями с 30-тонной лебедкой, а если кит большой, то и с двумя лебедками, и через наклонную тоннель в кормовой части судна, так называемый „слип“, поднимают на кормовую палубу („заднюю площадку“).

Здесь тушу разделявают. Первым долгом резчик фленшерным ножом проводит боковой продольный разрез слоя сала от хвоста до головы. Затем в передней части головы надрезается сало, сюда вставляется клеонт, соединенный шкентелем с 5-тонной лебедкой. Натягивая шкентель, последняя легко сдирает 5—20-сантиметровый слой вместе с рыхлой и относительно тонкой кожей. Во время сдирания сала оно все время подрезается фленшерным ножом в месте соединения с мускулатурой тела. Снятые пласты подвешиваются через стрелы и в висячем положении нарезаются на отдельные небольшие куски. Последние от-

таскиваются крючниками к отверстию квернербрука и опускаются туда для вытопки жира при температуре выше 100° Ц и при 6 атмосферах давления. Отсюда грубоочищенный жир для окончательной очистки методом центрифугирования поступает в сепараторный цех, откуда сливается, наконец, в танки, где и остается до окончания промысла.

Сняв сало от туши, отделяют нижние челюсти и голову, которые оттаскивают на носовую площадку. Здесь у усатых китов срезается ус, а у кашалота из головы „сливается“ особый жир — „спермацет“ — в котел прессбойлера. Затем голова и нижние челюсти подтаскиваются к механической пиле и разрезаются на куски, которые опускаются в котлы прессбойлера для выварки из них жира. Рыхлый костяк китов при выварке дает жиру не меньше, чем кожное сало.

После отделения головы, с туловища снимают при помощи лебедок мясо-хребтовину. Если она принадлежит полосатику, ее направляют в консервный цех для производства консервов. Остальную часть — позвоночник с внутренностями — опять-таки протаскивают с задней на переднюю площадку, где отделяют ребра и извлекают внутренности. Позвоночник пилой разрезается на части и вместе с ребрами поступает в котлы прессбойлера для выварки жира. Внутренности и вываренный костяк у нас до сих пор еще не используются и выбрасываются за борт. Необходимо срочно ликвидировать такое уничтожение ценностей и утилизировать кита полностью.

★

В 1935 г. в конце апреля советская китобойная флотилия снова вышла на промысел в Камчатское, Берингово и Полярное моря. По имеющимся данным, „Алеут“ перевыполнил задание за год на 166% (487 китов.). Этот успех объясняется блестящим освоением техники китобойного дела и большевистской борьбой за выполнение плана.

Убитый финвал на буксире

Вчера и сегодня народов Севера

ОТ РЕДАКЦИИ

В этом разделе, который должен стать одним из основных в нашем журнале, мы попытаемся осветить все то, что касается истории, фольклора, быта, хозяйственной и культурной жизни малых народов Севера.

Лозунг, выдвинутый „Правдой“: „знать прекрасную нашу родину“ в отношении нашего журнала преломляется как задача: глубоко и всесторонне осветить жизнь и быт народов, являющихся основным населением нашего Крайнего севера, жизнь и быт, меняющиеся на наших глазах в сторону социализма.

Это дело сможет быть с успехом выполнено тогда, когда наш актив на местах, когда кадры специалистов-националов, созданные в результате проведения ленинско-сталинской национальной политики, активно включатся в эту необходимую этнографическую работу.

„Прошло уже то время, — писала „Правда“, — когда на краеведческую работу смотрели, как на чудачество. Сейчас почти все понимают, что дело это серьезное, полезное“. „Людям нашей страны одинаково дороги Красная Москва и далекая Ойротия, нефтяной Баку и Новый Комсомольск на Амуре, заполярная Чукотка и субтропическая Абхазия“.

Этот наш новый раздел должен разоблачить всю лживость фашистской расовой теории о якобы „неполноценности“ отсталых народов. Рост материального и культурного уровня северного населения идет невиданными темпами. На 14 языках создана письменность. В сотнях тысяч экземпляров издаются книги на языках северных народов, вырастает своя национальная интеллигенция, растет грамотность, закладываются основы новых культур, национальных по форме, социалистических по содержанию.

„Вчера и сегодня народов Севера“ — так мы называли этот новый раздел.

Вчера — было окутано мраком безграмотности, эксплуатации, бесправия и нищеты. **Вчера** — это тьма, шаман, суеверия, грязь.

Народам Севера, как и другим колониальным народам, буржуазия несла водку, поповский дурман, сифилис, обнищание и вырождение. Общий язык царские слуги находили только с шаманами и местным кулачеством. Если бы не Октябрьская революция, Умка — белый медведь — коренной житель Крайнего севера — остался бы „белым медведем“, отсталым, забитым „инородцем“. Благодаря Великой пролетарской революции, благодаря проведению ленинско-сталинской национальной политики, благодаря братской помощи пролетариев Союза северные народы вовлечены в активную творческую жизнь.

Сегодня северных народов — радость творчества, работа на себя, а не на перекупщиков, спекулянтов, работа, озаренная великими перспективами еще более светлого и радостного завтра.

Н. М.

ГОТОВИМ СПЕЦИАЛИСТОВ-НАЦИОНАЛОВ

(Институт народов Севера им. П. Г. Смидовича)

I

Институт народов Севера ЦИК СССР в Ленинграде — детище первой пятилетки, он возник в 1930 г. Но основная ячейка, из которой вырос институт, была создана много раньше, ровно десять лет тому назад.

Осенью 1925 г. в составе рабочего факультета Ленинградского Государственного университета была образована Северная группа, укомплектованная 26 студентами; из них 19 человек принадлежали к 11 народностям Крайнего севера. Эта маленькая группа и явилась той ячейкой, из которой через ряд этапов к 1930 году и вырос Институт народов Севера (ИНС).

Новизна дела, а равно и культурная отсталость народностей Крайнего севера, являющаяся результатом многовекового политического и экономического угнетения их при царизме, чрезвычайно усложняли работу факультета. На учебу с мест сплошь и рядом направлялись не только малограмотные, но даже безграмотные, почти не владевшие русской разговорной речью. Так как прежде всего необходимо было ликвидировать безграмотность учащихся, то пришлось удлинить срок обучения, создать подготовительный сектор и задерживать студентов-северников на учебе — вместо нормальных четырех лет — на шесть и даже семь лет. Это неизбежно замедляло темпы обучения и тормозило выпуск столь нужных Крайнему северу кадров специалистов-националов.

Но затем положение начало меняться. По мере общего экономического и культурного роста народов Крайнего севера, по мере роста на месте школьной сети, пунктов ликбеза, — Институт народов Севера получил возможность подготовить из народностей Крайнего севера кадры работников различных специальностей, сначала только средней, а затем и высшей квалификации.

В мае 1931 г. был отпразднован, как большое торжество ленинско-сталинской национальной политики, первый выпуск Института народов Севера. Впервые в истории народности Крайнего севера получили 16 подготовленных специалистов для советско-партийной, педагогической и кооперативно-колхозной работы. Все окончившие ИНС были командированы на практическую работу на места, в районы Крайнего севера.

С этого года институт стал ежегодно давать Крайнему северу кадры работников различных специальностей. Так, в 1932 г. ИНС выпустил 18 человек, в 1933 г. — 14 чел., в 1934 г. — 36 чел. и в 1935 г. — 50 чел. При этом, если в первых двух выпусках (1931 и 1932 гг.) было только по одному выпускнику, окончившему вузовскую часть ИНС, а в 1933 г. ни одного, то уже в 1934 г. в составе 36 выпускников было 5 человек с законченным высшим образованием, а в 1935 г. из пятидесяти выпускников было 9 окончивших полный курс Североазиатского семинария (вузовский курс).

Эти специалисты работают в настоящее время на ответственных должностях в различных районах Крайнего севера. Так, например, ненец

(самоед) Евсюгин — секретарь Канинско-Тиманского райкома ВКП(б), эвенки (тунгус) Воронин — заведующий отделом нац. меньшинств Красноярского крайисполкома, ханты (остяк) Доровин — зам. секретаря Остяко-Вогульского окружкома ВЛКСМ и т. д.

Небезынтересны данные, характеризующие национальный состав выпускников ИНС за истекшие годы: эвенки (тунгусы) — 42, ханты (остяки) 13, этели (чуванцы) — 2, унарганы (алеуты) — 2, шорцы — 9, якуты — 2, саамы (лопари) — 6, нанай (гольды) — 11, ненцы (самоеды, юраки) — 13, маньси (вогулы) — 4, одулы (юкагиры) — 2, кеты (енисейские остяки) — 1, нани (ульчи) — 7, нивхи (гиляки) — 1, нымылланы (коряки) — 3, ительмены (камчадалы) — 4, селькупы (остяко-самоеды) — 7, кумандинцы — 1, эвены (ламуы) — 2, элкембейэ (негидальцы) — 1, луораветланы (чукчи) — 1.

Таким образом, за время своего существования ИНС дал Крайнему северу 134 специалиста-национала, причем из них 118 человек со средним и 16 человек с высшим образованием.

Начиная с 1931/32 учебного года при институте в широких масштабах проводятся и курсовые мероприятия по краткосрочной (от 6 месяцев до 1 года) подготовке советских и кооперативно-колхозных работников-националов, а также и работников профорганизаций оленеводческих совхозов. Эти курсовые мероприятия дали Крайнему северу 241 работника, успешно окончивших соответствующие курсы. Из них 145 советских и 71 кооперативно-колхозных работников низового, районного (основная масса) и окружного звена и 25 профработников оленеводческих совхозов.

В практике работы ИНС нередко бывали и бывают случаи, когда местные организации задерживают отправленных на производственную практику или в отпуск студентов института и используют их на ответственной партийной, советской и кооперативно-колхозной работе. Таким порядком „осело“ на местах более сотни студентов ИНС, не получивших, правда, законченного ИНСовского образования, но приехавших на места со значительным культурным багажом. Так, например, один из студентов ИНС — эвенки (тунгус) Салаткин — был задержан на 3 года на работе в качестве председателя Катангского национального райисполкома, другой студент — луораветлан (чукча) Тывлянта — уже второй год задерживается в Чукотском национальном округе, где работает в качестве председателя Окружного исполнительного комитета, третий — студент II курса ИНС, нанай (гольд) по национальности, т. Ходжер — также второй год задерживается в Нанайском национальном районе, где работает в качестве председателя Райисполкома, и т. д.

Теперь нет, кажется, ни одного национального округа или района Крайнего севера, где бы на ответственных постах не работали бывшие ИНСовцы; нет, кроме того, ни одной жалобы на неудовлетворительность подготовляемых институтом работников.

Приведенные выше цифры, характеризующие количественную „продукцию“ Института народов Севера, на первый взгляд крайне малы. Но это только на первый взгляд. В действительности же эти цифры огромны. Ведь нельзя забывать о том, что студенты ИНС — это представители 26 малых народностей Севера, общая численность которых, по данным демографической переписи 1926 г., определяется всего в 160 тыс. человек. Кроме того, эти народы разбросаны на пространстве почти в 10 млн. кв. км (около 47% всей территории СССР или около 52% всей территории РСФСР — около половины территории находится за полярным кругом). Среди этих 160 тыс. человек грамотных и малограмотных на-

считывалось еще в 1926 г. всего 6,7%, причем у наиболее отдаленных народностей Севера (луораветланы, нганасаны, ямальские ненцы и пр.) число грамотных не достигало и 1%. Из этих 160 тыс. человек северных народностей около 300 человек учатся ныне в Институте народов Севера.

Десятилетний опыт работы Института народов Севера и в особенности его вузовской ячейки — Североазиатского семинария — на практике доказал, что высшую культуру одинаково легко воспринимают как передовые народы, так и отсталые в культурном отношении народности, совсем еще недавно стоявшие на первобытной ступени развития. Словом, и тут блестящее доказательство лживости и классовой сущности всех великодержавных и расовых теорий, проповедуемых буржуазной наукой, твердящей о якобы неспособности северных и вообще культурно-отсталых народностей к восприятию высшей культуры.

II

В настоящее время Институт народов Севера представляет собой мощный учебный и научно-исследовательский комбинат. Учебная деятельность института протекает по линии его основного сектора (техникума), Североазиатского семинария (вузовской части института) и различного рода курсовых мероприятий.

Основной сектор института имеет три отделения: 1) советско-партийное, 2) педагогическое и 3) экономическое. Целевое назначение основного сектора, являющегося национальным комплексным техникумом повышенного типа, — подготовка из представителей малых народов Севера работников районного и окружного звеньев. Педагогическое отделение готовит культпросветработников и педагогов северной национальной начальной школы. В соответствии с этими установками также вырабатываются учебные планы.

Учебные планы института (а равно и учебные программы отдельных дисциплин) в должной мере северизированы. При их разработке учтен комплексный и в основном промысловый характер северного хозяйства, отведено солидное место русскому языку, уделено несравненно большее внимание общеобразовательным дисциплинам. В учебные планы введено преподавание северных национальных языков, а также ряда промысловых дисциплин (северное оленеводство, охотоведение, рыболовство и т. д.). Овладеть этими предметами для будущих работников социалистического переустройства Крайнего севера совершенно необходимо.

Вузовская ячейка института — Североазиатский семинарий — готовит из представителей народов Севера кадры педагогических работников для северной национальной средней школы и национальных техникумов по северным национальным языкам, русскому языку и литературе. Часть из них готовится также и для редакционно-издательской работы в северной национальной печати.

Состав студенчества института, по данным на 1 января 1935 г., характеризуется следующими цифрами: общее количество студентов — 300 человек, из них 53 чел. на подготовительном секторе, 229 — на основном и 18 — на Североазиатском семинарии. Из общего количества студентов — 218 мужчин (72,7%) и 82 женщины (27,3%). В 1926/27 учебном году женщины составляли всего 8%, в 1928/29 уч. году только 14%. Рост количества женщин в ИНС характерен не только для его подготовительного и основного секторов, но и для Североазиатского семинария, где в 1934/35 уч. году на 14 мужчин было 4 женщины.

По сравнению с предыдущими годами, 1934/35 уч. год дал довольно заметное снижение возраста студентов института. Так, если в прошлом, в результате унаследованной от царизма почти поголовной неграмотности народностей Севера и ничтожной школьной сети на Крайнем севере, в составе студентов, в особенности старших курсов, едва ли не большинство были в возрасте 25 лет и выше, то в 1934/35 уч. году в итоге огромной работы, проделанной по культурному подъему народов Севера и, в частности, по расширению и укреплению школьной сети, в составе студентов только явное меньшинство имеет возраст в 25 лет и выше.

По национальным признакам студенчество, по данным на 1 января 1935 г., делилось следующим образом:

Национальность	Количество	В % к общ. колич.	Национальность	Количество	В % к общ. колич.
1. Эвенки (тунгусы)	84	28,0	14. Луораветланы (чукчи) .	5	1,7
2. Ханты (остяки)	52	10,7	15. Удэ	4	1,3
3. Ненцы (самоеды, юраки) .	28	9,3	16. Саха (долганы)	4	1,3
4. Нанай (гольды)	25	8,4	17. Элкмейэ (негидальцы) .	3	1,0
5. Маньси (вогулы)	19	6,3	18. Туба (сойоты)	3	1,0
6. Нани (ульчи)	13	4,3	19. Этели (чуванцы)	3	1,0
7. Ительмены (камчадалы) .	12	4,0	20. Нани (орочи)	3	1,0
8. Селькупы (осяко-самоеды)	11	3,7	21. Одулы (юкагиры)	3	1,0
9. Нивхи (гиляки)	9	3,0	22. Шорцы	3	1,0
10. Саамы (лопары)	9	3,0	23. Буряты	2	0,7
11. Якуты	8	2,7	24. Юнты (эскимосы)	2	0,7
12. Нымылланы (коряки) . .	7	2,3	25. Унарганы (алеуты) . . .	1	0,3
13. Эвены (ламуты)	6	2,0	26. Алтайцы	1	0,3
				300	100,0

Эти 300 студентов по секторам распределяются так: на подготовительном—53, на основном—229 и в Североазиатском семинарии—18.

По социальному происхождению большинство студентов из бедняков—колхозников и единоличников. Партийная принадлежность студенчества выражается в таких цифрах: партийцы—9%, комсомольцы—57,7%.

В заключение следует указать, что в 1934/35 уч. году при институте функционировали Центральные курсы советского строительства (образованные еще в 1932/33 уч. году по постановлению Президиума ВЦИК), со сроком обучения в 10 месяцев. В 1935/36 уч. году уже развернуты Центральные курсы советского строительства, а также Центральные курсы по переподготовке работников интегральной кооперации.

В этой статье не затрагивается научно-исследовательская деятельность Института народов Севера.

Мы только кратко остановимся на работе по подготовке новых кадров научных работников-североведов различных специальностей. Аспирантура в институте возникла с 1931/32 уч. года. За истекшее время состоялось уже два выпуска аспирантов, давших около 20 высококвалифицированных научных сотрудников. Многие из них уже успели защитить кандидатские диссертации. Окончившие аспирантуру использованы как для пополнения аппарата НИА (Научно-исследовательская ассоциация), так и для научно-исследовательской работы непосредственно в учреждениях Крайнего севера. Фактом огромного политического значения является вовлечение в число аспирантов представителей народов Севера, причем число их из года в год растет, а один из них, одул (юкагир) по национальности, уже окончил курс аспирантуры и защитил диссертацию на ученую степень кандидата экономических наук.

В. Ф. ВЛАСОВА

ЭСКИМОСЫ ОСТРОВА ВРАНГЕЛЯ¹

I

В 1926 г. экспедиционной партией Г. А. Ушакова были завезены на остров Врангеля из бухты Провидения и мыса Уэлен одиннадцать эскимосских семейств.

Высаживаясь в 1929 г. на берег острова, мы — вторая смена зимовщиков на острове — с понятным интересом присматривались к тем, с кем нам предстояло прожить долгие годы — к ставшим аборигенами острова эскимосам. Внешне они нам показались „все на одно лицо“. Этому впечатлению безусловно способствовало единообразие цвета и фасона их меховой одежды и обуви. Все одинаково темноволосые, темноглазые, широкоскулые, они на первый взгляд казались одноликими. Но через непродолжительное время мы стали отчетливо различать характерные внешние физические и духовные черты, отличающие одного эскимоса от другого, и впоследствии было как-то странно вспоминать, что все они нам казались одинаковыми.

Эскимосы — довольно высокого роста, крепкого телосложения, обладают большой физической силой и выносливостью. У многих из них почти правильные, приятные черты лица. Среди девушек много милостивых. Эскимосы талантливы и восприимчивы. Они подвижны, любят пошутить и подшутить, но это прodelывается ими беззлобно, без желания причинить неприятность своему ближнему. У всех большое сознание своего человеческого достоинства. Несмотря на свойственную им вспыльчивость, они добродушны и незлобивы. В их языке нет той грязной ругани, которая бытует в европейских языках. Самое сильное ругательство, которое эскимос к тому же редко употребляет, это — „ты не умеешь жить“. Эскимосы правдивы, и их слову можно верить.

Но обобщая их положительные свойства, нельзя при этом забывать о вредном влиянии на них капиталистической „цивилизации“

¹ Автор настоящего очерка ограничил свою задачу описанием жизни и быта эскимосов, обитающих на о-ве Врангеля. Эскимосы в СССР живут на Чукотке. Большинство же эскимосов живет на севере Северной Америки. Общая численность эскимосского народа — около 30000 человек. Несмотря на небольшое количество эскимосов, живущих в пределах СССР (около 1300 человек), они, как и другие малые народы Севера, получили возможность развития как самостоятельная национальность (тузоветы, школы, рост материального уровня и т. д.).

Редакция

в лице проникавших раньше на Чукотку русских и американских купцов. Эта „цивилизация“ привила им ряд отрицательных сторон. Под влиянием этой же „цивилизации“ патриархально-родовой строй эскимосов дал основательную трещину со всеми вытекающими отсюда последствиями: классовое расслоение, если не резко выражено, то все же достаточно заметно.

Представителями кулацко-хищнических элементов среди эскимосов являлись шаманы, использовавшие в своих целях суеверность своих сородичей, и владельцы главного средства производства приморских чукчей — вельбота. Иногда владелец вельбота и шаман объединялись в одном лице. Среди эскимосов также был развит тип перекупщика. Американские купцы распространяли свое влияние на приморских чукчей, вглубь же материка к оленным чукчам они, как правило, не проникали. И проводниками их товаров, главным образом мануфактуры, табака, железных изделий, к оленным чукчам являлись наиболее ловкие, изворотливые из приморских чукчей. Американские товары у оленных чукчей обменивались на оленьи шкуры, мясо, а это в свою очередь продавалось приморским чукчам.

С советизацией Чукотки был положен конец эксплуатации туземного населения как русскими, так и американскими купцами, а так же — эксплуатации внутренней, туземной. Правда, „внутренний“ эксплуататор пытался существовать подпольно и при советской власти, но развитие советской торговли и коллективизация вышибают последние возможности у этих хищников.

На о-ве Врангеля мы встретили представителей всех этих хищнических тенденций — правда, сильно ослабленных. Ко времени нашего приезда на остров шаман еще пользовался авторитетом у эскимосов. И время от времени, особенно перед начинающейся медвежьей или какой-либо другой охотой, в становище, где жил шаман, направлялись нарты, нагруженные различными приношениями. Наследие капитализма — суеверие и религиозные обряды крепки еще были тогда в их обиходе, и много пришлось нам поработать над тем, чтобы ослабить власть шамана. Я не скажу, чтобы эскимосы в результате нашей агитации полностью освободились от его власти и от своих суеверий. Но к концу нашего пребывания на острове все реже и реже шли к шаману нарты, все меньше и меньше становилось приношений. Освобождение из-под власти шамана и различных суеверий особенно резко было заметно у молодого поколения, о чем ниже расскажу.

Религией эскимосов является **анимизм** (одушевление и обожествление природы), по которому весь мир населен божествами — и добрыми, и злыми. Злое божество они считают необходимым умилостивлять, или, как они говорили, кормить. Во время моржовой или медвежьей охоты после убоия зверя обычно разбрасывают в разные стороны небольшие куски мяса.

Основным местом пребывания злого божества считалась северная сторона, медвежью голову они поэтому обычно выставляли по направлению к северу. С северной части света эскимос всегда ждет неприятностей. Оттуда главным образом идет холод, ветер, пурга, следовательно там живет и злой дух. Олицетворяет этого злого духа полярный ворон — „серг“ (чорт), как они его называли по-русски.

Обожествляется эскимосами и белый медведь — человек, хозяин. После убийства медведя эскимос, прежде чем подойти к зверю и снять с него шкуру, заверяет, что не он его убил, а кусочек свинца, заключенный в винтовке. Но теперь это продельвают только наиболее суеверные, так как этого зверя упрямывается на острове многои, если начать каждого убитого медведя заверять в своей невинности, то на это уйдет очень много времени. Охотнику это невыгодно. Медвежий промысел дает ему не только мясо и деньги за сданную шкуру, но и славу „большого охотника“. К этой же славе эскимос весьма неравнодушен. На этой же почве отмирает и праздник в честь медведя.

Также почитается священной и голова только что убитого моржа.

У пойманных песцов, с которых уже снята шкурка, эскимосы обрезают головы, собирают их, а потом уносят подальше от становища и бросают. Они верят, что в них войдет душа и они опять станут песцами. Исчезает, правда, и этот обычай. В последнее время эскимосы-колонисты приносили нам для кормления сов песцовые тушки с неотрезанными головами.

У каждой эскимосской семьи имеется свой **тотем**. Иногда какой-нибудь тотем является общим для нескольких семей. Однажды мы попросили эскимоса Палю убить редкую на острове птицу — большую белоклювую гагару. Палю, смутившись, сказал: „Я, насыльник, не могу ее убить. Это мой все равно отец. Если я его убью, мне будет плохо“. Но другой эскимос, чьим тотемом гагара не являлась, мог ее убить, не ожидая для себя каких-либо неприятностей.

Большинство эскимосов было в свое время крещено попами. Но православие оставило после себя только православные имена, и то редко или совсем не употреблявшиеся, а на религиозные верования эскимосов не оказало никакого влияния. Эскимосы с хитрой улыбкой рассказывали

нам, как они шли креститься к русскому шаману с целью получить подарки — чай, сахар, водку, табак. Находились среди них и такие хитрецы, которые с той же целью крестились по несколько раз.

Интересен у эскимосов **обряд похорон**. Как обычное правило, после смерти человека считается необходимым его обмыть. Одевают покойника в меховую одежду, соответственно его полу. Одежду стараются одеть похуже, постарее. Вдоль тела привязывается палка, которая всегда длиннее тела, и все тело крепко увязывается нерпичьим ремнем. В некоторых случаях, когда для эскимоса не совсем ясна причина смерти, покойника „вешают“, т. е. берут за привязанную к телу палку, поднимают вверх и в это время задают вопросы, отчего умер покойник — от дурного глаза, от болезни, от плохого человека и т. д. Если при одном из заданных вопросов покойник становится легким, значит и причиной смерти являлась указанная в вопросе причина. При неясных случаях смерти эскимосы иногда вскрывают покойника. Однажды при невыяснении причин смерти отец умершей молодой девушки попросил нашего врача вскрыть труп.

Если смерть произошла зимой, то покойника кладут на нарту, если же летом, — то его несут на руках. Покойника относят километра за два от жилья. Там его раздевают, одежду разрезают на части и придают камнями. Нарту, чайники или миски ломают. Убивают любимую собаку покойника, и тут же кладут продукты — чай, сахар, табак. Тело не зарывают, а оставляют лежать на земле. Птицы, песцы и медведи впоследствии заканчивают похороны.

Впереди уходящих с места похорон идет кто-нибудь из старших. Идет он не прямо, а старается запутать следы, чтобы покойник не нашел дороги к жилью, а за ним идут все остальные. Никаких поминок не устраивается. Нельзя в течение нескольких дней шить в юрте, иначе покойника можно „пришить“ — он придет в юрту. В течение года нельзя упоминать имя покойника и называть новорожденных его именем.

II

Живут эскимосы на о-ве Врангеля в **юртах**, построенных из плавника, прокопанных мхом. Если это сооружение на вид чрезвычайно неказисто, то внутри оно еще более неприятно. Потолок очень низкий, так что в юрте можно ходить только согнувшись. Пол иногда деревянный, иногда застланный моржовой шкурой. Если юрта находится в районе, богатом плавником, то в ней есть небольшая железная печка, в противном случае — горят свечильни на нерпичьем или моржовом жире. В юрте имеется небольшое окно, в большинстве своем затянутое желудком моржа. В потолке

прорезывается отверстие для проветривания, но на „сверхтяжелый“ воздух юрты оно почти не оказывает влияния. Жилье разделено на две части: холодную — сени — и теплую — жилую, которая отделена от холодной меховым пологом. Теснота и жирное, провонявшее моржовое мясо превращают юрту в чрезвычайно антисанитарное жилье.

К чести многих эскимосских женщин нужно сказать, что они прилагают много усилий, чтобы сделать свою юрту опрятней. И иногда нам после долгих странствований по холодной замерзшей тундре или многодневного пребывания в палатке эта грязная, но теплая юрта казалась чуть ли не дворцом, и мы мечтали о ней, как о чем-то очень приятном и уютном.

Насколько неприглядна юрта, настолько цветиста и ярка одежда эскимосов, особенно женщин. Меховую одежду — кухлянки и кохливыки — они стараются шить не из одинакового меха, а вшивают туда очень мастерски куски белого меха. Низ кухлянки обшивается упованом, тоже красивым. Но особенно ярки камлейки у женщин. В большинстве случаев они ярко красные, обшитые белыми, синими и другими цветными полосками материи. Эскимосские женщины вообще любят себя украшать всем, чем придется, будь это доскуток яркой материи, блестящая пуговица, бисер. Мне кажется, что эта любовь к ярким пестрым цветам объясняется однообразной северной природой. В последние годы зимовки и у меня появилось желание скрасить нашу комнату и свой костюм.

Меховую одежду эскимосы, как правило, носят на голое тело, иногда мехом внутрь, иногда мехом наружу. Женщины в юрте или сбрасывают до половины свои кохливыки (меховая комбинация) или снимают его совсем и остаются в набедренной повязке.

Нами было завезено много хороших и дешевых мужских костюмов, но совершенно не было женских платьев. Я решила возместить этот пробел. Взяла на складе материи, сшила простенькие платья и раздавала их женщинам. Это доставило им столько радости, у них при этом так блестели глаза и розовели щеки, что я ни разу не пожалела ни потраченного времени, ни труда. Подарок я сопровождала напутствием о том, что его нужно стирать.

Через некоторое время женщины по моим образцам стали сами шить и не только платья, но и рубашки и другие принадлежности туалета. Многие женщины привыкали стирать свое белье.

Однажды приехал к нам эскимос Кмо. Пригласив его обедать, я заметила, что он не снимает своей меховой рубашки. В кухне было тепло, и я ему сказала, чтобы

он снял ее. Он мне ответил: „там ничего нет, там голый, нулиха (жена) стирает“. Мне оставалось только радоваться.

Сшили платишки и костюмчики для малышей, а потом матери стали сами мастерить эти вещи. Грудников эскимосы держат голыми в меховых мешках, напоминающих наши конверты из материи. Нежное тело ребенка в таких мешках парится, раздражается и покрывается сыпью. Я решила приучить их к пеленкам и распашонкам. Зная, у кого есть грудники или кто собирается родить, я заранее шила распашонки и пеленки. А потом объясняла или женщине или ее мужу, как все это нужно применять. И детское приданое стало входить в быт.

Питание эскимосов в основном состоит из моржового мяса. Едят они его сырым, вяленным, сквашенным и вареным. Приправой к мясу служат сквашенный нунивок (северное растение) или листья ивы, а также приобретаемый ими на складе фактории чеснок или сухой лук. Вместо хлеба они употребляют пресные лепешки, сваренные в жире.

Стол эскимосов однообразен, и не потому, что они не могут приобрести продукты, потребляемые русскими, различия в снабжении у нас не было, а потому, что они просто не знали, что нужно делать с этими продуктами, — проще говоря, они не умеют готовить. Когда из своих становищ они приезжали на факторию, то обычно питались у нас, и наши кушанья им неизменно нравились, разве только за исключением грибов (сухих), которые они называли „чортовы уши“ и ели их неохотно или совсем не употребляли. И у нас на кухне открылись своеобразные курсы кулинарии. Мы использовали всякую возможность, всякий приезд эскимосов, чтобы научить их готовить такие вещи, как суп, кашу, картошку, макароны. Мы прекрасно понимали вред для здоровья эскимосов почти исключительно мясной пищи и старались им это втолковать.

Беседы и практический показ готовки не пропали даром. Суп, каша, кисель, компот — теперь нередкое кушанье в меню эскимоса на Врангеле. Особенно усердно мы старались научить матерей готовить удобоваримую пищу для маленьких ребят. До этого основной пищей ребятишек, начиная с самого нежного их возраста, тоже являлось моржовое мясо, иногда весьма недоброкачественное. Подобное питание портит здоровье детей.

Очень привилось потребление ребятихами рыбьего жира. Подростающее поколение на острове было здоровым. Смертности среди нарождавшихся на о-ве Врангеля за все пять лет совершенно не было. Рождаемость значительно превышала смертность. Родилось за пять лет 22 человека, умерло 9 человек.

Эскимосская семья

III

Эскимосы большие детолюбцы, но **любовь к детям** у них чрезвычайно своеобразна, и частенько их любовь приносила ребенку только вред. Трудно что-либо говорить о воспитании эскимосских детей, потому что этого воспитания нет, или почти нет. Маленькие дети в эскимосской семье „главенствуют“. Они проделывают все, что им придет на ум. Если ребенок захочет поиграть такими вещами, как бинокль, светильник, нож, винтовка или какой-либо инструмент, то ему это не возбраняется, хотя в большинстве случаев игра, уже не говоря о неизбежной порче ценных вещей, приводит к трагическому концу — ожоги, порезы, ушибы и т. п.

Но баловнем ребенок бывает в семье только до известного возраста — 9—11 лет. А потом начинается его эксплуатация старшими. Недаром эскимосы говорят европейцам: „у вас деньги, а у нас дети“ — и поясняют: „Вот вам надо что-нибудь сделать или куда-нибудь послать, вы за

это платите деньги, а мы заставляем работать и посылаем с поручениями детей“.

Для одного парнишки лет 15, Махлюхтая, такая „посылка“ с поручением оказалась роковой. Дело было поздней осенью. Бухта в море уже покрылась льдом, но лед еще не был крепок. Папаша Махлюхтая отличался презрительной ленцой, и потому, когда ему понадобилось что-то передать живущему от него на расстоянии 15—20 км охотнику Таяну, он послал к нему свои „живые деньги“ — сына Махлюхтая. На обратном пути Махлюхтай, проходя бухтой, провалился под лед.

Благодаря еще сохранившейся у эскимосов власти старших, ребят эксплуатирует всяк, кто по возрасту старше их. Иногда можно было наблюдать, когда девушка лет 14—15 тащит тяжелую банку с водой или мясом или зимой заготавливает снег, в то время как папаша с мамашей или старшие брат и сестра сидят в теплой юрте и попивают чаек. Мы резко восставали против эксплуатации детей и особенно пользовавшихся случаем, когда родители привозили к

нам такого подростка с просьбой полечить его. Причиной же болезни нередко была именно эта непосильная работа подростка. Указывая на эту причину родителям, мы убеждали их не перегружать ребят непосильной работой. В некоторых случаях наши уговоры подействовали.

Плохо на острове обстоит дело с учебной подрастающего поколения. Эскимосские становища разбросаны по всему острову, и без наличия интерната нечего и думать о какой-либо серьезной учебе. Среди взрослых эскимосов было несколько человек сносно грамотных, некоторые из них брали книги в нашей библиотеке, но больше всего они любили смотреть иллюстрированные журналы. Большинство взрослых в состоянии подписать только свое имя.

Эскимос предан своей семье и по-своему любит свою жену, дочь, сестру, но считает ниже своего достоинства проявлять заботливость о них, облегчить их тяжелый труд.

Даже песен о жене не складывает мужчина. Он поет об охоте, о собаках, о чем угодно, но только не о женщине.

Он — повелитель, женщина — раба. Так было с давних пор, так было в недавнем прошлом, но так уже перестает быть. Патриархальность быта дала трещину, которая в недалеком будущем приведет к полной ликвидации неравноправного положения женщины-эскимоски.

Тяжел труд эскимоса. Иногда в мороз, в пургу, шторм приходится ему добывать средства к жизни. Но несравненно тяжелее труд женщины-эскимоски. Ведь она должна выносить, выкормить ребенка, она чистит шкурки песца, медведя, нерпы. Она колет дрова, носит снег для воды, кормит собак, отделяет от оленей шкуры и шьет из них одежду и обувь для всей семьи.

В беседах с эскимосами об их жизни они как-то насторожились и давали или скудные ответы или говорили: „ся“ — „не знаю“.

Ездовые собаки находились, как правило, в распоряжении охотника. Если женщине нужно было привезти дров, снега, мяса, она сама впрягалась в нарту. И они были удивлены, когда я завела свою упряжку и стала на ней самостоятельно ездить.

— Кей, Агнохак один едет на собаках. Кей, Агнохак охотится песец... — (Кей — возглас удивления, Агнохак — так они звали меня.) Женщины видели, что „умилек“ (тов. Минеев — начальник, муж Агнохак) помогает ей в тяжелой работе, и что-то новое начинало проникать в сознание женщины-эскимоски.

Сначала робко и неполностью открывая свои горести, они стали приходить к нам и жаловаться на своих повелителей, восставать против тех оков, которые накладывали на них родственные и родовые связи.

Вот Нанехак — молодая девушка, сирота. Она жила у своей замужней сестры как работница. Муж сестры пытался сделать ее

своей второй женой. Сестра не возражала — ведь в хозяйстве будет постоянная работница. Раньше Нанехак не посмела бы перечить старшим и покорилась бы. Теперь же она идет против семьи и власти старших, идет к представителю советской власти с просьбой освободить ее от этого гнета.

Мы взяли Нанехак от ее сестры. Одно время она жила у нас. Потом она вышла замуж за молодого парня — сына шамана. Шаман плохо к ней относился: заставлял непосильно работать, бил. И она опять пришла к нам с просьбой облегчить ее судьбу.

Нанехак — первая женщина, которая не стала татуироваться. Мы сумели доказать ненужность татуировки, и сейчас много молодых девушек не татуируется.

Вот Санега — пожилая эскимоска. Муж ее погиб на Чукотке. На о-в Врангеля она приехала с родственниками. Родственники и Санега и ее трех детей держали в черном теле. Были они вечно голодные.

Долгое время она молчала, и если мы, догадываясь о ее тяжелом положении, спрашивали, как она живет, она отвечала — „пинехта“ (хорошо), большего добиться от нее нельзя было, так крепко „авторитеты“ господствовали над ней. Но как только она почувствовала доверие к нам и поняла, что мы можем помочь ей и ее детям, она пришла к нам, не боясь уже нарушить законы семьи.

У Иткак много детей. Живут бедно, муж — плохой работник и кроме того любит выпить. (Одно время эскимосы даже варили из сахара брагу.) Выведенная из терпения таким отношением мужа к семье, Иткак пригрозила ему пожаловаться начальнику.

Больше и больше разрушается глухая стена недоверия к русским, от которых раньше, при царизме, эскимосы ничего хорошего не видели и ничего хорошего не ожидали.

Всяческие колонизаторские попытки со стороны отдельных зимовщиков-русских пресекались сразу же. И эскимосы на практике начинали понимать разницу между новым и старым.

Женщина-эскимоска старается ныне стать на равную ногу с мужчиной. Она не хочет быть только домохозяйкой, она хочет быть и охотником. В этом деле сделали почин Таслекак и Агекак — они охотились на медведей.

IV

Эскимосы любят повеселиться. Помимо праздников в честь медведя ими устраиваются „семейные“ празднества — это нечто вроде наших именин. В таких случаях к зажиточному эскимосу съезжались почти все колонисты с женами и детьми. Менее зажиточные справляли эти праздники более скромно. К этому дню приготавлилось много мяса, пекся в большом количестве хаустек (лепешки из муки), покупались сласти и

выпрашивалась у начальника одна, две бутылки „кукора“ (легкого вина).

Гости приезжали со своими музыкальными инструментами — барабанами. После пириества начиналось „художественное отделение“.

Барабан — это деревянный обруч, обтянутый выделанным моржовым желудком. К обручу приделана деревянная ручка. При игре ударяют по барабану бамбуковой палочкой. Игра на барабане сопровождается пением или одного, исполняющего какой-либо мотив, или всех присутствующих. На барабане играют как мужчины, так и женщины. Женщины, правда, играют реже. Характер игры не одинаков, некоторые играют с большой экспрессией, сопровождая игру различными телодвижениями; некоторые играют с закрытыми глазами в минорном тоне.

В музыкальном отношении напевы несложны и однообразны. Содержанием песен служат охота, различные приключения, с ней связанные, природа, собаки и т. д. Некоторые эскимосы заимствуют мотивы у европейской музыки, но мотивы эти, как правило, не сложны. Последнее время на острове была распространена наша русская песня „куделька“.

Классическую музыку, оперу эскимосы не понимают. Опера „Борис Годунов“ в исполнении Шалыпина, слышанная ими в граммофонной передаче, вызвала только смех. Им, наоборот, нравились джаз и фокстроты. Под эту музыку они любили плясать.

Эскимосы несомненно обладают музыкальным слухом и способностями, но довольно примитивными, не обработанными. Иногда они поют коллективно песни без слов, получается недурно. Песни складываются мужчинами. Я спрашивал, есть ли песни, сочиненные женщинами. Мне сказали, что есть, но без слов. Такою же любовью, как песни и игра на барабане, пользуются и пляски.

Пляски так же примитивны, как и песни и музыка. Пляшут они в большинстве случаев сидя или пригнувшись. Причиной этого является низкий потолок юрты. Теснота юрты также отражается и на „па“ танцев. Они сводятся к немногим движениям корпуса и рук. Во время пляски иногда на руки одеваются расшитые нитками и материей перчатки. Есть специальный женский танец. „Па“ его схожи с общими, но во время пляски женщины издают какой-то странный горловой звук.

В темные вечера долгой полярной зимы эскимосы любят слушать сказки. Женщины шьют или чистят песцовые шкурки и монотонно рассказывают о „седой старине“, а слушатели, и старые и малые, сидят тихо. Сказка — это устная история эскимосов. Правда, в течение поколений к этой истории налипло много фантастики, но при

внимательном к ним отношении, при изучении этих сказок можно заглянуть в действительное прошлое эскимосского народа.

Игры эскимосов различны в разных сезонах: летом большой популярностью пользуется игра в мяч. Мяч обыкновенно делается из тряпок. Мы им роздали футбольные мячи. Играют в мяч не только молодежь, но и взрослые, как женщины, так и мужчины. Летом же играют в прятки, в догонялки и многие другие игры. Зимой распространено катание с гор на маленьких санках.

Устраивают различные головоломки из специально сделанных кусочков дерева, которые при складывании должны дать какую-нибудь фигуру, также — головоломки с запутыванием и распутыванием веревочных петель.

В культурно-просветительной работе среди эскимосов **исключительную роль играет личный пример**. Если кто-нибудь из русских старался убеждать их в необходимости умываться, стирать белье, а сам в то же время оставался неряхой, то он кроме смеха ничего не встречал. Когда на фабрику приезжали эскимосы и мы их кормили у себя, то каждый раз перед едой мы требовали, чтобы все они мыли руки. У нас было мало посуды, и после обеда одной части зимовщиков надо было мыть посуду для других обедающих. В таких случаях эскимосы говорили: „Насяльник, Власова, не надо мыть, мы так будем кушать“. Но мы мыли посуду и кормили их из чистой посуды. Зато, когда мы приезжали в становище, нам первым делом подавали чистую теплую воду для умывания и чистую посуду. В комнатах у нас не разрешалось бросать окурки и плевать на пол. Первое время приходилось напоминать об этом, а потом это крепко вошло в их привычки. Прежде чем эскимос войдет в комнату, он предварительно постучит.

Эскимоса обманывать нельзя. Если кто-либо из зимовщиков в чем-нибудь обманул эскимоса, то он получал краткое, но довольно вразумительное прозвище — „врательница“. С таким человеком эскимос будет шутить, смеяться, но в серьезных вещах верить ему не будет. Не пользовались уважением также и „хвостисты“. Это те зимовщики, которые по некоторым своим соображениям старались „опроститься“ и, вместо того чтобы поднимать культурный уровень эскимосов, спускались к их уровню, а иногда и ниже. В таких случаях эскимосы, как-то безнадежно махнув рукой, говорили: „все равно чукча“. Это будет понятней, если принять во внимание, что эскимос хочет жить — „все равно как русский“. И если пока у русских взято ими много из внешней культуры, то недалеко то время, когда наша советская культура во всем ее богатстве и многообразии войдет в их кровь и плоть.

В. В. СЕНКЕВИЧ

ФОЛЬКЛОР ОБСКОГО СЕВЕРА

Пусть откроет каждый сердце.
Пусть откроет каждый душу
И прислушается к песне...

(Плотников, Янгал Маа, стр. 54).

I

По зеркальной поверхности полноводной Оби скользит первобытный челнок „айхоп“. В нем сидит молодой рыбак и поет тихую песню. Он поет о родной реке, о тайге и о халевах — белых чайках Севера. В поэтических образах, достойных пера великого художника, воспекает он свою прекрасную, суровую родину.

Но этот поэт — никому, кроме своих юрт, неизвестный рыбак — не умеет записать свое творчество, и, нигде не зафиксированное, кроме слабой человеческой памяти его друзей, оно пропадает для человечества. И сколько таких безымянных поэтов Севера умерло в неизвестности, унес с собой в могилу прекрасные образцы устного народного творчества!

Раньше никто не занимался поэзией малых народов Севера. — Да и могут ли дать что-либо ценное для всемирной сокровищницы искусств „отсталые расы“? Так думали этнографы царской России, а вместе с ними и западноевропейские „ученые“, сторонники расовой теории.

Вот, например, как определяет Доннер-Кай ненецкий фольклор:

„Кастрен утверждает, что южные самодеды, а тем более северные, любят пение, сказки и легенды, но надо иметь в виду, что в большинстве случаев эти сказки не оригинальны, а являются позаимствованием“.

„В продолжение моего пребывания среди остяко-самоедов на Оби и ее притоках Тyme и Васьюгане я пришел к тому же заключению. Я записал большое количество героических поэм и саг, но все они заимствованы у татар. Случайно попадают песни, которые можно назвать местными, но они лишены всякого значения, так как поются и составляются под влиянием опьянения и содержат лишь выражения вроде следующих: „Я благодарю тебя, мой благородный брат. Ты дал мне водки, ты напоил меня. Я преклоняюсь пред тобой. Я — ничтожество“ (Доннер-Кай, Самоедский эпос. „Journal de la Société“).

Подобная клевета и подтасовка научных фактов ярко вскрывают перед нами великодержавное классовое лицо буржуазной науки, но она ни в какой мере не может характеризовать исключительно богатый по жанрам и содержанию ненецкий фольклор.

Если археологические раскопки показали миру изобразительное творчество доисторического человека, то они почти ничего не дали в области поэзии и музыки. Изучение поэтического фольклора обусловлено было началом письменности, а музыкального — открытием нотации. Но человечество начало свою поэтическую и музыкальную деятельность значительно раньше изобретения письменности и нотации.

Но как найти древнейшие образцы устного творчества, детство поэтического и музыкального фольклора, как научно ответить на сложный вопрос происхождения этих искусств, как изучить первые этапы развития художественного мышления человечества — устного фольклора?

Ответ на все эти вопросы дает фольклор охотников-оленьеводов северных народностей. Поэтому **северный фольклор можно назвать археологией устного творчества**. Помимо исторической значимости северный фольклор имеет своеобразную эстетическую ценность, являя собой своеобразный стиль искусства охотничьего общества.

Безымянные поэты Севера создали и создают поэмы, образности и реализму языка которых могли бы позавидовать современные квалифицированные поэты и писатели. Описание природы и человеческих чувств в северном фольклоре настолько жизнерадостно, полнокровно и прекрасно в своей художественной простоте, что вполне достойно войти в мировую художественную литературу через творчество северных писателей. Лучший из них — Плотников — на базе многолетнего изучения народной северной поэзии сумел создать „Илжаду Севера“ — поэму „Янгал Маа“, насыщенную богатством северного фольклора.

II

В настоящей статье мы будем говорить о фольклоре трех национальностей: **ненцев, хантэ и манси**. Все эти национальности ведут примитивное охотничье-рыболовное хозяйство и находятся в периоде разложения родового строя. Фольклор их однороден по своему стилю и содержанию. Однородность их фольклора позволяет нам анализировать его не отдельно по каждой национальности, а — по его жанрам.

В творчестве северного охотника до сих пор сохранились наиболее древние формы фольклора: миф и животный и героический эпос.

Миф — это поэтическая форма художественного выражения древнейшей философии.

Пытливый ум первобытного человека, стремясь дать объяснение непонятным для него явлениям в природе и жизни и не умея еще решить их научно, невольно склонялся к фантастике, к мифологии. **Миф** был одной из первых форм и религии и устного поэтического творчества. Первобытный человек особенно интересовался вопросом возникновения бытия и смерти. Вот почему в древности у каждого народа были мифы о сотворении мира. В нашу эпоху в фольклоре народов уже нет мифов, и только у северных народностей еще бытуют подобные жанры фольклора. Привожу широко распространенный у хантэ миф о сотворении земли:

„Сначала всюду была вода. Без травы вода, без земли вода. Везде вода, а кругом ничего не было — ни птиц, ни рыб, ни зверя, ни человека. Одна гагара летала, а Торум¹ в воде плавал. Плавал, плавал — и приставать к земле не надо было. Земли не было.

И велел Торум гагаре глубоко нырнуть. Нырjala, нырjala гагара и принесла в клюве горсточку ила. Взял Торум ил из клюва гагары и сотворил землю и горы на ней, и реки, и лес, и траву, и зверей, и птиц, и человека“.

Поэтому гагара, как виновница сотворения мира, и до сих пор в некоторых юртах почитается святой птицей, и ее запрещено убивать.

Это уважение к гагаре проскальзывает во многих видах хантэского фольклора. В частности мною лично в юртах Сапуслан была записана песня такого содержания:

Прилетела гагара к хантам
Из далеких и теплых стран.
Свила себе теплое гнездышко,
Положила в него пять яиц.
Четырех только малых детенышей
Выпарила она из яиц.
А пятый на свет не вышел
И остался лежать в яйце.
Улетела с детьми гагара,
Тогда пятый вышел из яйца,
Закричал детеныш гагары,
Услыхал его крик медведь,
Ко гнезду он гагары пробрался,
С скорлупою детеныша съел.
А на утро охотники-ханты
В лес пришли и медведя нашли.
И убили того медведя
И разрезали брюхо ему.
Скорлупу гагары нашли там,

Святую птицу он съел.
А гагара медведю сказала:
„Зачем съел ты мое дитя?
За то тебя и убили,
Ты наказан по воле моей“.

Подобные элементы обоготворения гагары встречаются и в ненецком фольклоре; тут неприкосновенность гагары объясняется другими мотивами.

„Гагара, — рассказывают ненцы, — была сначала человеком и за какую-то провинность была обращена Нумом¹ в птицу. Но и теперь у гагары сохранились человеческие привычки. Например, из трех снежных яиц она одно бросает в воду, т. е. приносит в жертву водяному духу, чтобы он разрешил ей ловить рыбу“ (Старцев, Самоеды, 1930 г.)

В фольклоре ненцев имеется много мифов о происхождении диких и домашних животных.

„Заяц, — например, — был раньше очень сильным и смелым зверем. Он посядал даже оленей. Хитрый чорт подговорил его залезть на небо и украсть у Нума одну из его рукавиц. Заяцудалось это сделать незаметно. И он уже возвращался с рукавицей на землю, но вдруг Нум его заметил и ударил рукавицей по голове, с тех пор заяц стал трусом и всегда дрожит“.

„Кукушка, — по ненецкому преданию, — была когда-то красивой молодой женщиной. Однажды она шила и нечаянно проглотила наперсток и попросила детей принести ей пить. В чуме воды не оказалось. Дети побежали за водой, но дорогой заигрались и забыли про мать. А она тем временем обратилась в кукушку и улетела из чума. Потому кукушка не влюбила детей и бросает свои яйца в чужие гнезда“.

Подобные мифы о происхождении животных и птиц широко распространены в северном фольклоре. В них можно найти **тотемистические элементы** — напр., мифологическое подтверждение неприкосновенности тотема.

Мифы о животных легли также в основу **животного эпоса**. К животному эпосу я отношу приведенные выше мифы о происхождении животных, сказки и басни о животных, песни о животных, **песни медвежьего праздника** и охотничьи песни, которые отчасти могут быть названы и производственными песнями. Животный эпос возник на основе первобытной магии. Первобытный человек был прежде всего материалистом по своей природе, и его, измученного непримиримой борьбой с природой, не могло интересовать оторванное от жизни, лишенное конкретной полезности искусство. Поэтому его художественное творчество было тесно связано с магическим ритуалом.

¹ Бог — по-хантэйски.

¹ Нум — бог по-ненцки.

Отсюда возникли изображения животных в первобытной живописи и животный эпос в фольклоре.

Сказки о животных в еще большей степени, чем мифы о них, вскрывают перед нами специфические черты тотемистического мировоззрения, как-то: уважение к животным, идеализация изображения их характеров и умение в момент рассказа сказки мысленно перевоплотиться в своих четвероногих героев.

Привожу для примера хантэйскую сказку (записана в Остяко-Вогульске от хантэ Хорова).

„Большеухий заяц жил в лесу. Он был очень хвастливый и всегда спорил с другими зайцами: „Я вас всех сильнее — уверял их он. — Я всегда сумею еду добыть и накормлю вас всех“. — „Ну, добудь“, — сказали ему зайцы. — „Добуду, и меня никто не съест“, — еще раз похвастал им большеухий заяц.

А пока он так хвастался, к нему подкралась лиса и хотела его съесть. Но заяц вовремя ее заметил, и когда она подошла совсем близко, он вскочил, заревел и захлопал ушами. Лиса испугалась, отскочила назад, ударилась об елку и убилась. Тогда большеухий заяц весело сказал зайцам: „Вот вам и еда“.

Когда съели лису, большеухий заяц опять стал думать, как ему еду добыть. В это время подходит волк. Большеухий заяц как выскочит, да как крикнет, да как хлопнет ушами о снег, — волк испугался, отскочил, ударился о березу и пропал. А большеухий заяц сказал другим зайцам: „Вот я и волка не боюсь. Видите, какой я смелый“. Зайцы и волка съели.

Опять большеухий заяц стал думать, как еду достать. Тут наткнулся на них медведь. Большеухий вперед всех его заметил, разбудил зайцев, и они все крикнули, вскочили, захлопали ушами, даже лес зашумел. Медведь испугался, отскочил, ударился о кедр и умер. А зайцы и медведя съели.

И стали с тех пор они жить хорошо. И не было в лесу зверей их сильнее“.

Морализующий момент ясно выступает в этой сказке: слабые звери объединившись побеждают сильных.

Действующие лица сказки состоят исключительно из животных. Но есть в северном фольклоре смешанные сказки о животных и людях. В таких сказках животные обычно изображены умнее и дельнее человека и часто выступают его руководителями.

Басни о животных не менее типичны, чем сказки, и имеют довольно широкое распространение в ненецком, хантэйском и мансийском фольклоре.

Литературная басня заимствовала у фольклорной басни не только ее форму,

но и содержание, всегда бичующее и революционное по отношению к верхушке общества.

Вот образец подобной басни в ненецком фольклоре:

„Олень жил у горы, а мышь жила около болота. Не трудилась мышь, а жила хорошо; другие на нее работали.

Один раз мимо болота шел олень и повстречался с мышью.

Мышь говорит:

— Здравствуй, олень. Куда ты пошел?

А олень отвечает:

— На работу иду, травы надо поест да воды попить.

— Давай поиграем в прятки, — предложила ему мышь.

Олень согласился.

— А кто вперед будет прятаться? — спросил он.

— Конечно, ты, — сказала мышь.

Олень спрятался, но мышь скоро его отыскала, так как он никак не сумел спрятать в траву свои рога.

— Теперь я спрячусь, — сказала мышь.

И спряталась в густую высокую траву, отыскала в ней толстый стебель, прогрызла в нем дырочку и забралась на самую его верхушку.

Олень долго искал мышь и не нашел. Проголодался и стал есть мох и траву и нечаянно вместе с травой проглотил мышь.

Обрадовалась мышь легкой поживе. Прогрызла брюхо у оленя и выпрыгнула.

Олень упал от боли и умер. А мышь хочет поесть оленьего сала, а шкуры снять с него не умеет, да и лень ей самой с оленем возиться. Крикнула мышь своих работников:

— Эй, ворон! Сними шкуру с оленя. Сала я хочу.

Прилетел ворон и стал клевать оленю глаз.

— Никуда ты негодный работник, — запищала мышь, прогнала ворона и вызвала зверей.

— Эй, звери, работники мои, идите, шкуру с оленя снимите!

Пришли псы и другие звери и стали шкуру снимать.

— Я, — говорит мышь, — буду спать, а вы шкуру снимайте. На то вы и работники. Мне все сало оставьте и самые лучшие куски, а себе остатки возьмите.

Легла мышь и заснула. А когда проснулась, то уже не увидела зверей, а от оленя остались одни рога да копыта.

Рассердилась тут мышь, она и во сне видала, как сало ест, — проснулась, а позавтракать нечем“ (Старцев, Самоеды, стр. 62, 63.)

Социальное лицо автора этой басни ярко выступает из ее фабулы, направленной против кулаков-оленьеводов, эксплуататоров беднейшей массы тундры.

III

От сказок перейдем к песням. Вопросы музыкального фольклора северных народностей еще меньше изучены, чем их поэтическое творчество. Ни в русской, ни в иностранной печати нет хантэйских, мансийских и ненецких песен с нотными записями их мелодий. Поэтому, говоря о музыке песенного животного эпоса, т. е. охотничьих песен, я буду иметь в виду только мной самой записанные мелодии хантэйских охотничьих песен.

Хантэйские охотничьи песни глубоко оригинальны по своему мелодическому, ритмическому и ладовому строению. Они поются по большей части в квартовом ладу. Мелодия их состоит из коротеньких напевов со множеством форшлагов. Исключительно разнообразный асимметричный

медвежьим празднике у хантэ и манси разыгрываются иногда целые охотничьи сцены с пением, криками зверей, лаем собак и танцами.

Связь этого примитивного народного театра с охотничьей магией вполне очевидна, в особенности, если принять во внимание, что в основе их сюжета всегда лежит изображение удачной охоты.

Последний вид животного эпоса — это хантэйские песни медвежьего праздника, называемые „вой ар“ — песни зверя, которые поются непосредственно от лица самого медведя.

„Я медведь большой и старый,
Я в лесу живу.
Много лет и зим провел я
На этой земле.
Мой отец далеко в небе

Хантэйская песня

ритм и выразительность их исполнения искупают собой иногда чересчур однообразный их мотив.

Сюжет охотничьей песни еще более тесно, чем устные виды животного эпоса, связан с первобытной магией.

Магический рисунок можно назвать статическим изображением зверя, а охотничья песня — это портрет промыслового зверя в действии, в динамике. В охотничьей песне часто описывается вся жизнь зверя до его встречи с охотником и его смерть от руки охотника.

„Красивая быстрая белка
В кедровом лесу живет,
Красивая быстрая белка
Орехи и ягоды ест.
Молодой богатырь охотник
Придет и белку убьет,
В город далеко поедет,
Табак и ружье покупать.
Красивая быстрая белка
В кедровом лесу живет,
Молодой богатырь охотник
Пришел и белку убил“.

(Песня записана мной в Войтеховских юртах Березовского района.)

Охотничьи песни часто прерываются изображением крика описанного зверя. На

Весело живет,
Каждый день он там пирует,
Мед и вина пьет.
На земле здесь жизнь другая,
Летом жарко, комары,
А зимою вьюга злая —
Я в берлоге сплю.
Сплю и слышу — едут люди
И меня убьют.
Обдерут с меня всю шкуру,
В деревню свезут.
В юрту шумную положат,
В бусы уберут,
Все вокруг меня запляшут,
Песни запоют“.

В этой песне, кроме оригинального лирического описания медвежьей судьбы, имеется также и указание на его „божественное происхождение“.

Героический эпос особенно хорошо сохранился у манси, он повествует о жизни и героических похождениях полубогов, полулюдей — древних богатырей. По своим сюжетам северная мифология часто аналогична с древнеегипетским и древнегреческим эпосом. Подобное родство тематики объясняется сходством переживаемого этими народами — правда, в разных исторических периодах — разложения родового строя.

Вот образец героического эпоса манси:

„Это было давным давно,
Один Торун помнит это дело.
Вблизи моря жили два „одырт“,¹
Два „одырт“, два смелых брата.
Один из них жену имел,
А другой сестру-девицу.
Вот однажды из-за моря к ним
Гости едут дорогие,
Четыре смелых „одырт“ —
Сватать их сестру-невесту.
Братья взяли богатый калым,
Женщины невесту нарядили
В теплые, пушистые меха,
В дорогую малицу соболью.
Привязали к нартам кошеву,
Нарты те из мамонтовой кости,
Белоснежной снега, глаже льда.
Уж уехали все дорогие гости,
Вдруг открылась юрты дверь,
Сестра стала на пороге
„Сватают сестру, а отдают жену.
Вот какой у вас обычай странный“.
Братья похватили луки и мечи
И помчались догонять невесту
Лживую обманщицу-жену,
И у моря, покрытого льдом
Похитителей братья настигли,
Красной белкой стала жена,
Испугавшись мужнего гнева.
А ее похититель „одырт“
Так сказал оскорбленному мужу:
„Если нарту сломаешь мою,
Кости мамонта белой, как снег,
То начнется большая война“.
Братья кинули в нарту стрелу
И из мамонта нарту сломали.
И открыли большую войну.
Два котла² уже они воевали,
И не может никто победить.
Тогда муж обратился к Торуму:³
„Зачем звал меня смелым одырт?
Если я три котла воюю
И врагов не могу победить.
Вот ударю я саблей об лед
И пробью его толстую спину,
Вода выйдет наверх и зальет
Пусть врагов наших,
В краже повинных“.
Но вода погубила всех —
И виновных, и невинных.
Умирая, обманутый муж
К Владыке морей обратился:
„Вит Хан Эква Ойка,⁴ услышь
Мою просьбу, к тебе обращенную:
Как душа тебе в дар принесет
Мое слабое, брренное тело,
Дай ей силу его оживить,
Вдохнуть в него жизни пламя“.

Владыка его услышал:
Муж проснулся в подводном царстве,
Три русалки качали его
В люльке большой, железной.
Он братьев своих разбудил,
И, в белых гусей обратившись,
Через бурный седой океан
Полетели на родину братья.
Снова стали „одырт“ на земле
И вернулись в юрты родные.
Дома плакала горько жена.
Муж простил ей измену и бегство“.

Весь сюжет этой былины ярко говорит о всемирном единстве мифологических сюжетов. Тут и похищение женщины, и война, и воскресение „одырт“ — аллегорический прообраз возвращения весны.

IV

Все приведенные здесь жанры героического и животного эпоса сочиняются, поются и рассказываются исключительно мужчинами-охотниками. Женщина северных народов имеет свою собственную область творчества — лирическую песнь. В нежных поэтических образах и напевах воспекает она свой домашний очаг. Если мужчине можно назвать творцом эпоса, то женщина подарила миру лирическую песнь любви и печали.

Нигде так ярко не разделены эти две дополняющие друг друга области творчества, как в колыбели искусства — в северном фольклоре.

Когда смелый хантэйский охотник уходит на промысел, его верная подруга тихо поет над малюткой тихую колыбельную песню:

„Спи, мой маленький сын,
Спи, малютка моя.
Желтый месяц, плывет
В синем небе челнок,
И, как рыбы в реке,
Звезды в небе горят.
Спи, мой маленький сын,
Спи, малютка моя.
Быстро лето бежит,
А за летом зима,
Скоро будешь большой,
Как отец промышлять
На охоту пойдешь,
Много зверя убьешь,
По реке поплывешь,
Много рыбы в сетях.
Спи, мой маленький сын,
Спи, малютка моя“.

Если мужчине-охотнику больше удаются крупные поэтические полотна, то его подруга сильнее его в мелодии. Ее песни напевнее и мелодически красивее мужских песен.

¹ Одырт — богатырь.

² Котел — название суток у манси.

³ Торум — бог.

⁴ Титул морского бога.

Женские песни ближе к быту и более чутко реагируют на переживания близких сердцу людей.

Молодой Афоня, бедный парень,
Он невесту сватать едет в Луштемкерт.
Тихо, тихо едет с грустной думой,
Не отдаст невесты богатый отец,
Приехал Афоня, молодой охотник,
А отец смеется: „Где пятьсот рублей,
Где пять ведер водки?
Не тебе, бедняга,
Свататься к богатой дочери моей“.

(Хантэйская песня, записана в Войтеховских юртах)

Печальная песня, как была печальна сама жизнь северной женщины, бесправной, угнетенной рабы семьи.

Однако, северная женщина не всегда была покорной рабой. В ненецком фольклоре сохранилось предание о смелом восстании женщины против семейного гнета:

Жили семь братьев Железных Хореев.
Младшего звали Железный Пояс.
Они победили род Линдыгыл,
Оставили жить двух сестер.
Большую сестру Крутой Лоб прозвали,
Бобровая Паница — младшую.
Большую сестру в жены взял старший брат,
Меньшую — Железный Пояс.
У младшей сестры трудная жизнь, —
Бьет ее муж, не жалеет
Гонит за чумом все время пешком,
На нарту к себе не сажает.
От мужниной палки все плечи у ней
Алою кровью краснеют.
Давно Крутой Лоб следит за сестрой,
Всем сердцем ее жалеет.
Сестра Крутой Лоб родила близнецов,
Родила в пути, на кочевье.
Переехали реку, а меньшая сестра
Далеко позади осталась
Железного Пояса тоже нет.
Сестра Крутой Лоб испугалась:
Железный Пояс вернулся один,
Бобровой Паницы нету.
В тоске Крутой Лоб сварила котел,
Сестру искать побежала.
В лесу, на холме, средь ночной темноты
Крутой Лоб сестру разыскала.
На острой палке сидела она,
Убитая мужем жестоким.
Железный Пояс убил жену,
Насадил на острую палку.
Глаза у мертвой жены проткнул.
Ноздри и рот открыл ей.
Крутой лоб сестру с острой палки сняла,
В чум побежала обратно.
В обе стороны бросила детей - близнецов,
Побежала в лес за луком,

Вздернула лук, гневом полна:
— Воевать выходите, мужчины!
— Женщинам с нами не совладать!
Жена должна покоряться.
— Довольно! Не будем покорны вам, —
Сестра Крутой Лоб отвечала.
Несильных мужчин всех убила она,
Семь Железных Хореев остались.
Потом на небо смотрела она.
И вдруг в облаках появились
Два сильных мужчины — братья сестер
Крутой Лоб и Бобровый Совик.
Как камни на землю пали они
И всех Железных Хореев убили.

(Старцев, Самоеды)

*

Теперь в тундре проснулась новая социалистическая женщина, радостная и уверенная в своем праве на счастье.

И на основе старинных лирических мелодий новая женщина Крайнего севера запела новые бодрые песни о том, как ее милый, работая в тузсовете, „строит новую, красивую жизнь“

Запела северная женщина новые песни, а вместе с ней их запели ее братья, мужья и сыновья — смелые охотники тундры.

Бодро, весело звучат над тундрой новые песни.

Послушайте, как их поет молодой ненецкий охотник, вложивший в древнейшую доисторическую форму охотничьей песни новое социалистическое содержание:

„Я на ходких нартах
Еду на охоту,
Верные собаки
Весело бегут.
Общие собаки
И общая нарта,
И общая тундра —
Родина моя.
Еду я на нартах,
В даль гляжу морскую,
Черною полоской
Светится вода.
Взял хорей я в руки
И поехал дальше,
Хорошо живется
На родной земле.
Вот убью я нерпу
И дадут мне сахар,
Чай дадут и масло для ребят,
Накормлю детей — пошлю их в школу
Ах, как хорошо, на сердце у меня.

(Старцев, Самоеды)

И чем успешнее будет продвигаться на Север социалистическая культура, тем больше будет у северных певцов и поэтов таких жизнерадостных песен.

Ю. А. ВАСИЛЬЕВ

СОБАКИ В ФОЛЬКЛОРЕ И КУЛЬТЕ СЕВЕРНЫХ НАРОДОВ¹

Собрав интересный этнографический материал по вопросу фольклора и культа северных народов, тов. Васильев не дал нам того нового фольклора, который вырастает на основе новых социалистических отношений — результат проведения ленинско-сталинской национальной политики.

Спорен кроме того ряд положений автора. Помещая эту статью, освещающую отсталое прошлое, исчезающее в результате социалистического строительства, редакцией поместит ряд статей по новому фольклору в ближайших номерах журнала.

Редакция

I

Помимо своих непосредственных функций — сторожевых, транспортных, охотничьих, — собаки Севера имели в прошлом и определенное **культовое значение**.

Если приручение всех животных являлось активным процессом со стороны человека, то в отношении domestikации собаки возможно предположение, что не человек приручил ее, а наоборот, она сама приручилась к человеку и этим дала толчок к приручению им других животных. Остроумные слова старого русского зоолога Модеста Богданова о том, что „собака вывела человека в люди“, несомненно, имеют некоторый смысл.

В периоды недостатка корма древние собаки, вероятно, также стремились проникнуть в стойбища первобытного человека, как это делают в настоящее время песцы. Но в то время человеческие запасы сами были чрезвычайно скудны, и единственным съедобным предметом, который вблизи стойбища всегда находили собаки, являлись отбросы.

Человек, вероятно, пользовался доверчивостью этих собак и нередко убивал их при приближении, утилизируя их мех и употребляя их в пищу. Но так как образовавшиеся положительные условные рефлексы продолжали действовать у собак и в более сытое время, то они начали более тесно общаться с человеком, уже не нуждавшимся в этот период в их мехе и мясе. Это могло облегчаться тем, что суки, привыкшие к определенной пожизне на стойбище, туда же должны были приводить своих щенков, и то, что способы выражения удовлетворения и радости у собак тысячи лет тому назад, вероятно, были такими же, как теперь, и должны были привлечь внимание человека.

Смена голодных периодов периодами изобилия, как, например, ходом рыбы или прилетом птиц, или появлением леной птицы, на почве уже имеющегося взаимного знакомства собаки и человека создавала возможность одновременной охоты за рыбой и птицей, сначала несогласованной, а потом и совместной. Точно также нахождение рядом со стойбищем стаи собак, чутко реагирующих на появление своих врагов — волков и медведей, являвшихся одновременно врагами и человека, — конечно, не могло не быть оценено им. **Сторожевая функция собаки**, несомненно, являлась основной и первоначальной, более ранней, чем охотничья.

Обычно не принимается во внимание очень важная часть этой сторожевой функции, а именно — охрана от злых духов и болезней, которую анимистическое мышление первобытного человека приписало собаке. Этому мог способствовать тот, как будто беспричинный лай, который часто подымают собаки, и особенно вой северных собак, производимый ими с поразительной регулярностью и поражающий всех побывавших на Севере.

Туземцы считают, что особенной способностью видеть духов отличаются собаки четырехглазки, т. е. имеющие светлые пятна подпалины в области надбровных дуг. И в настоящее время, по сообщениям студентов Института народов Севера, у эвенков они вызывают к себе двойное отношение: некоторые, благодаря этой способности, их специально выбирают, а другие, наоборот, сразу убивают, „так как из-за своей способности видеть чертей они никогда не дают хозяину покоя и постоянно лают зря“.

Удмурты (вотяки) считают, что злые собаки предохраняют дом от появления болезней. Лай собаки в определенном направлении указывает [у нивхов (гиляков) и у многих других], что в данной стороне кто-то умрет. Вой собаки предвещает появление покойника. По старинному поверью коми (зыряне), собака своим воем вызывает злых духов и просит их повредить своему хозя-

¹ Из монографии „Собаки Севера и мероприятия по их улучшению“, написанной по заказу Всесоюзного научно-исследовательского института пушного и охотничьего хозяйства.

ину за дурное с ней обращение. Собака, убитая своим хозяином, преследует своего убийцу в загробном мире, и кроме того три поколения собак отказываются служить такому злому хозяину.¹

Эта способность предвидения и предсказания, от смерти и до ненастья, по мнению северных народов, также является следствием близости собаки с духами. Нивхи считали, что загробный мир населен собаками.

Чуваши, мари, удмурты и коми остатки поминального обеда обязательно скормили собакам и еще в самом недавнем прошлом по поведению собак при этом судили о том, как чувствуют себя покойники на том свете и довольны ли они предложенным им угощением. Визг и драка их между собой считались наиболее благоприятным признаком. В старину при кормлении собак даже приговаривали: „Кушай, батюшка; кушай, матушка“. Увидев во сне покойного родственника, утром считали необходимым покормить собаку жирным мясом.² Точно также собакам отдается и жертвенный жир, приносящийся нымылланами (коряками) своим нымелгенам, хотя они и говорят про собаку: „Пусть они не думают, что они сами его едят, это ест жир через них нымелген“. Маньси (вогулы) при возвращении с похорон перебрасывали через себя собак,⁴ повидимому, для защиты от духа умершего. На Анадыре покойник, обложенный тонкими кусками вареного оленьего мяса, выносятся в тундру и отдается на съедение собакам, причем чем скорее его съедят, тем это лучше. У якутов волк называется божественной собакой и даже сыном божьим.⁵

Это прежнее почитание собаки и отношение ее с нечистой силой сделало из нее нечистое животное. Одной из причин запретов употребления мяса собаки могло явиться **тотемное значение собаки**, взгляд на нее, как на предка, употребление которого в пищу допустимо только для некоторых групп населения и запрещено для других.

По Передельскому,⁶ „ханте (остяки) не едят лисицы не из-за безгласности, а исключительно вследствие ее сходства с их другом и товарищем собакой“. Интересно, что о нымылланах Крашенинников⁷ также говорит,

что „они едят всех зверей, каких ни промышляют, кроме собак да лисиц“.

В доказательство тотемного значения собаки можно привести сообщение В. Н. Чернецова¹ о том, что в Ясунт-Пауле, маньсийском (вогульском) селении, каждую собаку, как человека, погребают в деревянном срубе и что и в Манья-Пауле и Хангле-Пауле собаки считаются воплощением божества — хозяина вершины реки Ляпина (Сосьвы). Можно также привести указание Витзена,² что на могиле умерших мансов в деревянном домике клали трупы их собак, которые по разрушении домика закрывались в могилу.

Об этом же говорит отрицательное отношение к использованию шкуры собаки, имевшееся у манси, и особенно — к использованию шкур своих старых, долго служивших собак, встречающееся у многих народностей. С таких собак обычно не только не снимают шкуры, но хоронят их, вернее забрасывают хворостом, сбрываясь к ним даже с надгробной речью. Профессор Петри³ так описывает это: „Собаку хорошо кормят на дорогу, выводят на просторное и уединенное место и говорят ей: „Менде — прощай. Не сердись. Ты всегда помогал мне хорошо, выручал меня на промысле и в жизни, ступай теперь в место твое. Менде“. После этого собаку стреляют и оставляют тут же, закрывая ветвями и мхом. С околешими делают то же, т. е. относят на „хорошее“ место и закрывают ветвями, но надгробного слова не говорят.“

По Харузину,⁴ унарганы (производили себя от собаки великого старца. Им же приводится и указание Хангалова об особом почитении, оказываемом бурятами собакам. Убийство собаки покрывало убийцу несмываемым позором, пришесть собаку дверью или ударить ее венником считалось грехом, мертвой собаке вкладывался в рот кусок жира.

Близкие к енцам (тавгийцы) иганассаны в новый год — праздник солнца — приносят в жертву собак, причем одной рассекают грудь, достают пульсирующее сердце и приносящий жертву съедает его. По тому, были у него при этом рвотные движения или нет, — судят о благополучии предстоящего года.⁵

На эту особую связь с собакой указывает легенда, касающаяся озера Ыт, со-

¹ Налимов, Загробный мир по верованиям зырян. „Этнограф. обзор“, № 1—2, 1907 г.

² Емельянов, Курс по этнографии вотяков, вып. 3. Казань, 1921 г.

³ Бауэрман, Следы тотемического родового устройства у паремских коряков. „Советский Север“, № 1, 1934 г.

⁴ Носилов, У вогулов. Очерки и наброски. 1904 г.

⁵ Ксенфонтов, Хрестес. Шаманизм и христианство. Иркутск. 1929 г.

⁶ Лангкафель, Азиатские расы. Пер. с нем. Ред. и примечания Передельского. 1902 г.

⁷ Крашенинников, Описание Земли Камчатки. 1755 г.

¹ Чернецов, Жертвоприношение у вогулов. „Этнограф-исследователь“, № 1, 1927 г.

² Ядринцев, Культ собаки и почетное погребение. „Этнограф. обзор“, № 4, 1894 г.

³ Петри, Промыслы карагас. Извест. Вост.-Сиб. отд. Р. Г. Обш., 53, 1928 г.

⁴ Харузин, Этнография, т. 4. Верования. 1905 г.

⁵ Анисимов, студент ИНСа. Личное сообщение.

общаемая И. М. Рычковым¹ о тех же иганасанах. Переезжая через озеро, они когда-то было застигнуты сильным ветром, который погнал весь обоз-аргиш к полынье. Тогда один из ехавших распорол собаку, вытекшая кровь разлилась и задержала скользящий аргиш. Поэтому на этом озере ежегодно приносят в жертву собак, а самое озеро получило название „Ыт“, т. е. „Собачья“.

II

С собакой был тесно связан ритуал присяги-шерти, существовавший в Сибири в XVII веке. Посредством присяги царские слуги закрепляли за народами Севера обязанность платежа ясака. При этом туземец „пальмою рассекает собаку на полы и раскидывает ее на двое, говоря: пусть его пальма рассечет так же, как он собаку рассек“. Енисейские киргизы также рассекали собаку и сквозь нее проходили.²

Сама эта форма присяги, повидимому, не была изобретена русскими, а явилась распространением существовавшей раньше формы клятвы. О ней говорит Харузин³ в своем исследовании о медвежьей присяге у народов хантэ и манси, как о применяющейся истцом для доказательства справедливости своего иска.

В почтительном отношении к трупам собаки все же трудно видеть подлую аналогию с настоящим тотемом. Тут мы имеем скорее другое явление, — идентификацию животного и человека, комплекс не животного-родителя, а животного-брата. И, конечно, именно собака представляла для подобной идентификации исключительно благоприятный материал.

Ведь не надо забывать, что если „ум“ собаки как-то эволюционировал на протяжении тысячелетий общения ее с человеком, то эта эволюция была неизмеримо меньше, чем эволюция за это же время ума человека. Доисторическая собака мало отличалась от современной, она была поэтому значительно ближе к первобытному человеку, он не чувствовал над нею такого превосходства, и если мы сегодня нередко удивляемся целесообразности поступков собаки, можно себе представить, что должен был испытывать первобытный человек при проявлении собакой действий, напоминающих сложные человеческие психические акты.

Если, повинувшись инстинкту обходить свое логово, собака, ночью с охотником, обходит это место несколько раз в ночь, что должен был подумать первобытный человек, заметив эту ее заботливость по оставленным ею следам? Если, застигнутый пургой и сбившийся с пути, он был спасен собакой, вернувшейся к нему в дом и помогшей его родным, пошедшим по его следу, в их розысках, как он должен был относиться к ней, как не с чувством известного уважения, а может быть и благоговения, которое только потом превратилось в чувство пренебрежения и превосходства. Но это прежнее отношение оставило еще многочисленные следы и сделало собаку могущественным „оберегом“.

К примерам охранительной функции собаки надо еще прибавить, что коми-ижемцы в своем пояском мешочке носили собачьи зубы, что не желающие больше родить роженицы отдавали послед на съедение собакам,¹ что ребенка кладут в колыбель на собачью шкуру (у нивхов), что переставшее правильно и резко стрелять ружье исправляют, стреляя из него через голову собаки, и многое другое.

Наивысшего своего выражения значение собаки, как „оберега“ и заместителя человека, достигает у нивхов (гиляков).² Тут каждому родившемуся ребенку назначается собака, шерстью которой, смешанной с крапивой, перевязывают ему руку, и этим актом собака превращается как бы в ангела-хранителя, своим лаем отгоняющего от него духов. Затем, когда у этого ребенка выпадают молочные зубы, их дают в кусочках пищи съесть этой собаке. Она таким образом хранит в себе те части ребенка, через посредство которых ему, магическими действиями над ними, мог бы быть причинен какой-либо вред. Если ребенок умрет, то эту собаку обязательно убивают, как бы отправляя ее с ним в загробный мир. Если раньше умирает собака, — ему посвящается новая собака. Таких собак он не может ни бить, ни ругать, во избежание несчастия с ним или с его семьей.

При смерти взрослого человека посвященные или „отданные“ собаки не убиваются, а только присутствуют на похоронах привязанными к носилкам, на которых лежит покойник. Других же собак умершего убивают, доставляя ему загробное средство передвижения, для взрослого — целую упряжку, для маленького — двух-трех со-

¹ Рычков, Поездка в северо-восточные тундры Туруханского края, „Землеведение“, т. 21, кн. 4. 1914 г.

² Бахрушин, Ясак в Сибири в XVII веке. Н.-Сибирск., 1927 г.

³ Харузин, Медвежья присяга и тотемические основы культа медведя у остяков и вогулов. 1899 г.

¹ Рычков, Енисейские тунгусы. 1922 г.

² Шренк, Об инородцах Амурского края, т. 2. 1899 г.; Штернберг, Гиляки. Орочи. Гольды. Негидалцы. Айны. Хабаровск, 1933 г.; Крайнович, Собаководство гиляков и его отражение в религиозной идеологии. „Этнография“, № 4, 1930 г.; Крайнович, Рождение и смерть человека по воззрению гиляков. „Этнография“, 1—2, 1930.

бак. После похорон „отданную“ собаку или „прыску“ ведут в юрту, сажают на нары умершего и кормят из его чашки самыми вкусными вещами. Их собака получает во все время поминок, а затем она переводится уже на обычный стол, но в то же время занимает место умершего в течение 3 лет для мужчины и 4 для женщины. Семья покойного также не должна ни бить, ни ругать ее и не может отдать ее или продать в течение всего указанного срока, во избежание несчастия. Затем она отдается посторонним, и те в праве тогда делать с ней все, что угодно.

Идентификация людей и собак идет у нивхов так далеко, что при разрешении кровного спора убивают копьём собаку и на этом спор кончается, так как необходимое возмездие — кровь за кровь — считается полученным. Но для этой цели может служить не каждая собака, а только посвященная. Точно также при убивании составленной посвященной собаки (при соблюдении определенного ритуала душения и убийства самим хозяином — это разрешается) мясо ее запрещается есть сестре того, кому посвящена эта собака (соответственно — брату, если собака посвящена женщине), чтобы не нарушились правовые нормы группового брака. Необходимость его и прямо переносится на собак, в результате чего однопометникам запрещается скрещиваться и, в случае нарушения этого, убиваются оба — кобель и сука, так как это действие между ними считается большим грехом, к тому же не дающим потомства или дающим только плохих щенков. При выдаче замуж или при приходе в дом зятя, также наблюдают за тем, чтобы они не приволили с собой запретных собак, т. е. таких, которые могли бы повязаться со своими однопометниками. В то же время ввязкам между родителями и детьми никто не препятствует.

III

Когда областью этнографии и фольклора со всей своей энергией займются этнографы-националы Севера, вооруженные наукой и марксистско-ленинским методом, — они смогут правильно расшифровать нам пока лишь курьезом являющиеся, но тем не менее по всему Северу распространенные поверья, связанные с собакой. Например, почему-то считается грехом, если собака спит повернувшись брюхом кверху. Это предвещает покойника, и за это их бьют и уж обязательно толкают ногой, заставляя принять нормальное положение. Точно также предвещает нехорошее собака, скрестившая передние лапы. Так как у народов, больше подвергшихся влиянию христианства, — коми, саами, — это же положение ног предвещает удачу, может быть у северных народов мы имеем в неблагоприятии этой приметы своеобразный про-

тест против насильственного введения православия, практиковавшегося миссионерами. Но пока это только предположения, не лишенные вероятия, дальнейшее же исследование может дать им солидное основание. Нуждается в объяснении и такой, как будто естественный момент, как поедание собаками остатков пищи, для чего у луораветланов даже привязывают у яранги „дежурную“ собаку. Просто ли она облегчает труд женщины или совершает еще и магическое действие, не давая ни малейшему кусочку пищи быть выброшенным из дому и тем унести имеющееся изобилие? За справедливость подобного предположения говорит указание Потапова, что тубулары и шорцы (алтайцы) не выбрасывают из котелка остатков пищи, чтобы не выбросить и счастья, но позволяют додать остатки собаке.

Точно также должна найти себе объяснение и каждая деталь „жертвоприношения“ собак у нивхов и других народностей. „Жертвоприношение“ — это просто доставление умершему возможности жить в загробном мире так же, как он жил и раньше. Но и принесение в жертву собак, посвященных духам гор, огня или озера, „жертвоприношение“ во время болезни — тоже в сущности только своеобразная служба связи собак, так как перед убийством им даются для передачи по назначению соответствующие поручения.

Еще более сложен вопрос при „жертвоприношениях“ собак во время медвежьего праздника у нивхов, когда они выполняют роль заместителей медведей, так как их просят вернуться к людям медведем: „Иди к своему хозяину, иди, на самую высокую гору взберись, перемени свою шерсть и на будущий год сюда спустишься, медведем спустись, чтобы я тебя подстрелил. Так сделай, спустись. Прощай, хорошо ходи“. Сложность тут увеличивается тем, что сам медведь в то же время является как бы воплощением человека и, особенно в ободранном виде, с распростертыми лапами, покрытый белым жиром, в полумраке туземного жилища, производит неотразимое впечатление сходства с человеком,¹

В случае отсутствия медведя нивхи и айны довольствуются и собакой; кроме того, в качестве платы за медвежонка дается собака, лучше всего щенная сука. У нанайцев (гольдов), где празднование выражено гораздо слабее, собаки не убиваются, а им надрезается ухо, их кровью смачиваются стружки и вставляются в ноздри медведя. У айнов, наоборот, одинаково с медведями выкармливают и енотовидных собак, устраивая по поводу их убийства праздник, во всем одинаковый с медвежьим.

Во всех этих процедурах, помимо поедания вкусного мяса, заключается и маги-

¹ Штернберг, цит. соч.

ческое действие, ведущее к умножению пищи, увеличению количества медведей. Но так как пригодными в пищу признаются только храбрые медведи, могущие передать свои качества людям, а не трусливые, замаранные своими испражнениями из-за медвежьей болезни, — в задний проход собаке вставляется палка, обмотанная травой, для предупреждения выхода кала во время ее задушения и растягивания в разные стороны за лапы. Интересно, что в честь замаранного калом медведя, называемого у эвенков (тунгусов) уже не амиканом, а амираном, не устраивается праздника, так же не устраивается он нанайцами (гольдами) в честь медведя, убитого из мести за убийство им человека. В таком случае его сердце разрывается на куски и разбирается, а мясо отдается собакам.

Способ задушения и растягивания жертвы практикуется и другими народностями, очень далеко живущими от нивхов, например, алтайцами, при жертвоприношениях лошадям. При убивании же собак нивхами во время похорон и поминок, собаки убиваются ударом палки по голове, причем они должны падать мгновенно, без звука, визг же считается неудачей.

Особенно интересны в этом отношении нымылланы (коряки), которые убивают их в громадном количестве и как будто по самым ничтожным поводам. Чаше всего они убивают собак копьём, предварительно растягивая их на двух арканах спереди и сзади и стараясь попасть прямо в сердце. Каждый праздник, при особой удаче на охоте, при поимке кита, — их убивают десятками, и некоторые остаются совершенно без собак. Обязательными жертвоприношениями сопровождаются и праздники весеннего равноденствия и летнего солнцестояния. При этом в жертву приносятся самые лучшие собаки, так как приношение в жертву плохой собаки, естественно, может только вызвать гнев божества. Особенно это относится к случаям жертвоприношения при болезни хозяина или его семьи, и хотя мы имеем тут не чистую жертву, а посылку вестника, — это не меняет дела и требуемое психологическое действие, конечно, может оказать только убийство хорошей собаки. Плохие собаки при таких условиях имеют больше шансов прожить дольше, и Орлова,¹ например, отмечает, что ламуты не убивают даже покалеченных собак. После убийства нымылланы развешивают собак на кольях, насаживая на кол горлом, вернее — подбодком.

IV

При изучении фольклора каждая мелочь в культуре и быте может явиться основой

¹ Орлова, Хозяйственный быт ламутов. „Северная Азия“, 1928 г., № 5—6.

для больших выводов. Возьмем, например, такую деталь, как трехлетнее кормление собаки-заместителя хозяина и четырехлетнее — заместителя хозяйки. В чем тут дело? Является ли это следствием громадного преобладания мужчин над женщинами у нивхов (134 мужчины на 100 женщин, больше, чем у кого-либо из народов СССР) и иным выражением ценности женщины, или же это осколок прежних социальных отношений, отражение первобытного матриархата?

На тотемическую связь древней собаководческой культуры и женщины имеется целый ряд указаний. Это же подтверждает Капперс по мифологии юитов (эскимосов), у индейских племен, у айну и даже у древних китайцев и аборигенов острова Формозы.

Говоря о связи между собаководческой культурой и матриархатом, надо полагать, что в то время было очень примитивное собаководство, ограничивавшееся только сторожевой функцией собаки, использованием ее меха и мяса и может быть — примитивной тяговой службой, аналогичной употреблению в этом смысле промысловых собак в их незатейливой охотничьей нарте. И в настоящее время обслуживание хозяйственных надобностей — возка дров и воды, а также привоз мяса из лесу на собаках — является обязанностью именно женщин. И, возможно, именно первобытным женщинам, оставшимся на стойбищах больше времени, чем мужчины, и менее агрессивным — принадлежит честь первого контакта с древними собаками и первого их использования. В начале собака в домашнем хозяйстве может быть обслуживала только лишь женщины. Она их охраняла, помогала, ее шкура одевала их. И не поэтому ли большинство платьев Севера имеет собачью опушку и существует легенда, что как раз женщина первая употребила на паницу шкуру собаки?

Собака же до сих пор помогает женщине в уборке ее жилища. Собака чистит посуду, подбедая остатки, убирает за ребятами и вылизывает их самих.

О взаимоотношении собак с женщинами говорит и то, что их кормление дома всегда лежит на обязанности женщин, отчего они, конечно, к женщинам гораздо больше привязаны. И возможно, что это не просто нагрузка, возложенная на женщин мужчиной, а их исконное занятие еще со времени древнего матриархата и женской собаководческой культуры.

Только потом, найдя собаке более совершенное применение в охоте и в быстрой езде на многособачьих упряжках, мужчина в борьбе с матриархатом начал жестоко истязать собак — животных женщин, пренебрежительно к ним относился и уничтожал их массами. И, может быть, отрезанный хвост кобелей у ездовых собак северо-

востока Союза как раз и является одним из выражений победы над матриархатом и подчинения собаки мужчинам. И недаром эти же хвосты идут на опушку капоров кухлянок и воротники.¹ То, что они удобны, так как к ним не прилипает снег, — это лишь одна сторона дела, которая не исключает другую, культовую.

Но и на другом конце Евразийского материка, у ненцев, также вскрывается ритуальная связь между женщиной и собакой. По словам первого председателя Канинского РИКа М. В. Нуровой, при трудных родах женщин обычно убивается-душится сука. Интересно, что в наших европейских тундрах крайне мал процент сук; при выяснении происхождения собак нам часто приходилось сталкиваться с ответом, что мать задавлена. На вопрос, почему задавили, обычно отвечали: „Так, задавили и задавили“.

V

На раскопки необходимо устремить самое пристальное внимание. Ведь в Камско-Уральском крае уже известны одиннадцать доисторических жертвенных мест, относящихся к так называемой гляденовской культуре. И именно для этой культуры, имеющей много сходных черт с культурой, из которой только начинают выходить современные нам манси и ханты, как раз характерными являются изображения собак, „весьма обильные на Гляденовском костыше“. Хотя А. В. Шмидт² считает их аналогичными тем деревянным фигурам собак, которые, по Карьялайнену³ и Островских,⁴ на реке Васьюгане приносятся шайтанам ханты для обеспечения получения хороших охотничьих собак, однако, весьма возможно, что у них было гораздо большее значение и они имели какое-то отношение, быть может уже и отдаленное, к той древней собаководческой культуре, которая и своим божеством считала собаку или, вернее, волка.

Но хотя гляденовская культура далеко уже отошла от этой эпохи, собака все же

должна была в ней играть, если не доминирующую, то несомненно очень существенную роль. Быть может, в том, что есть общего в воззрениях на собак у населяющих Север народностей, мы должны видеть не результат заимствований сегодняшнего дня и не самобытно возникшие, совпадающие представления, а уцелевшие отголоски этой прежней культуры. Ее следы в виде особой формы глиняных сосудов нашел при своих археологических изысканиях на Ямале В. Н. Чернецов.

Именно с кинологической стороны археология Крайнего севера может представить исключительный интерес, и трудно себе даже вообразить, что может обнаружиться при раскопках древнего ненецкого „капища“ на острове Вайгаче, этой якобы древнейшей святыни ненцев, или у Кузьмина Перелеска — важного жертвенного места на Канинском полуострове. Очень мало обращено внимания на раскопки под церквями нашего Севера или на местах их прежнего расположения: они обычно строились на территории древних жертвенных мест. Слишком мало обращено внимания и на петроглифы и древние писаницы, рассеянные на нашем Крайнем севере и в Скандинавии. Особенно много их на Выге, на северном конце нынешнего Беломорско-Балтийского канала, где имеется около 180 различных изображений, и 242 на Онежском озере, среди которых есть и изображения собаки.¹ Но вполне определенно можно говорить о хорошем изображении северной собаки с типичной остроухостью и остромордостью на писанице на реке Лене² в одной версте выше деревни Елани, а в более позднюю эпоху — на Енисее на Сулжском петроглифе.

Но кроме этих прямых археологических изысканий, необходимо вести изыскания в быте и обычаях северных народностей, вскрывая эти общие для всех них реликтовые особенности и привлекая сюда сравнительное языковедение, которое на Севере, при участии националов, сможет открыть нам бесконечно многое.

Такое собирание материалов и их научная разработка заложат основы для серьезных трудов по истории народов Севера.

¹ Аргентов, Описание Николаевского Чаунского прихода. Записки Сиб. Огд. Р. Г. Общ., кн. 3, 1857 г.

² Шмидт, Жертвенные места Камско-Уральского края, Изв. ГАИМК, т. 13, вып. 1—2, 1932 г.

³ Карьялайнен, Религия угров. 1921—27 г. Перевод с финского нет.

⁴ Островских, Современное Васьюганье. „Советский Север“, № 9, 1931 г.

¹ Линневский, К вопросу о петроглифах Карелии. Сборник ЛОИКФУН. 1929 г.

² Ксенофонтов, Изображения на скалах реки Лены в пределах Якутского округа. 1927 г. „Бурятведение“, № 3—4.

М. А. СЕРГЕЕВ

ПОЧЕМУ НЕТ МАССОВОЙ КНИЖКИ?

Громадный культурный рост всех северных народностей Союза — бесспорный факт. Бесправные на протяжении веков „полуподданные“ и „несовершенноподданные“ — по официальной терминологии царизма — малые народы Севера до революции принадлежали к наиболее угнетенным и наиболее отсталым народностям Российской империи. У всех 26 народов Севера отсутствовала письменность. До революции среди них не было ни одного грамотного.¹

Развернувшаяся на Крайнем севере грандиозная работа по проведению в жизнь ленинско-сталинской национальной политики партии исключительно подняла все стороны жизни и быта, хозяйства и культуры малых народов Севера. Помимо громадного роста национальных кадров, культурный расцвет народов Севера виден из немногих, но чрезвычайно показательных фактов. Общая грамотность среди малых народов Севера, достигшая в 1926 г. всего 6,7%, а у наиболее отдаленных народов (луораветланов и нымылланов на Дальневосточном севере, нганасанов на Таймыре, ненцев на Ямале и др.) — не составлявшая и 1%, поднялась в 1934 г. до 24,9% превысив в отдельных национальных районах (Катангском, Нанайском, Витимо-Олекминском и Нарымском округе и др.) — 50% общего количества туземного населения. Некоторые национальные районы стали районами сплошной грамотности.² Школьной сетью было охвачено к 1934 г. свыше 60% всех детей школьного возраста, организованы многочисленные — стационарные и передвижные — ликбезы, разнообразные курсы. В ряде национальных районов и округов издаются уже газеты на родных языках.

Этот неслыханный культурный подъем северных народностей, обращающий на себя внимание и зарубежных ученых (США, Финляндии, Норвегии и др.), стал возможен только благодаря созданию национальной письменности малых народов Севера.

В результате пятилетней работы, сначала Северного факультета Ленинградского восточного института, а затем Научно-исследовательской ассоциации Института народов

Севера ЦИК СССР, была создана письменность на 14 языках северных народностей (саамском, ненецком, мансийском, хантыйском, селькупском, кетском, эвенкийском, эвенском, нанайском, удэйском, луораветланском, нымылланском, нивхском, юйтском).

С 1931 г. начался выпуск литературы на национальных языках народов Севера, выпуск, значительно ускоривший развитие культурной революции на самых отдаленных окраинах.

В связи с постановлением ЦК ВКП(б) о реорганизации издательского дела, выпуск литературы для северных народностей был возложен на соответственные типизированные издательства — Учпедгиз, Партиздат, Сельхозгиз, Молодую гвардию и Детгиз.

В первую очередь была выпущена учебная литература (буквари, книги для чтения, учебники). За первые годы работы (1932 — 1934) были изданы стабильные учебники по родному языку и по арифметике для первого и второго класса и закончено в основном издание букварей. С 1933 г. началось издание детской, молодежной и партийно-массовой литературы.

В результате количество изданной уже только в эти первые годы литературы превысило во много раз тот десяток христианизаторских (миссионерских) изданий, который был выпущен на протяжении векового господства царизма на Севере. (Мы тут не касаемся их принципиального отличия.)

В 1931 г. было издано на северных языках 2 книги — 17 листов общим количеством 8 тыс. экз. В 1932 г. — 17 книг в 93 листа с тиражом 53 600 экз. В 1933 г. 70 книг в 195 листов с тиражом 224 700 экз. В 1934 г. — 130 книг в 253 листа с тиражом 417 300 экз.

Особо надо отметить большие достижения в области создания детской и юношеской литературы на национально-северных языках. В результате работы ленинградских отделений Детгиза и Молодой гвардии молодое поколение северных народностей получило серию прекрасно оформленных книг, иллюстрированных многокрасочными рисунками и исключительно доступных по цене (от 10—15 до 40—45 коп.). Характерно, что некоторые и именно наиболее удачные рисунки выполнены руками самих туземцев. Особенного внимания среди детских книг заслуживают вышедшие недавно „Четыре басни“ Крылова и „Люди Севера“.

Иначе, к сожалению, обстоит дело с партийно-массовой и популярной массовой литературой. Издание последней для народов Севера сопряжено по вполне понятным причинам с особенно большими труд-

¹ К числу малых народов Севера, о которых идет речь в настоящей статье, не относятся якуты, имевшие незначительную, правда, грамотность и до революции.

² Так, неграмотность была ликвидирована полностью в Алеутском национальном районе Камчатской области (острова Беринга и Медный) еще к 1 июля 1933 г.

ностями и, тем не менее, развивалось в первое время сравнительно успешно. Благодаря большой и чрезвычайно вдумчивой работе, проделанной Ленинградским отделением Партиздата с авторами, художниками и редакторами, в 1932—1933 г. был выпущен ряд чрезвычайно актуальных и популярных брошюр: о работе советов, об Октябрьской революции, о войне и военной опасности, о партии, о суде, о комсомоле и другие. По инициативе того же Национального сектора Ленпартиздата были изданы крайне нужные и полезные для северных народностей брошюры на медико-санитарные и промысловые темы.

Но на этом деле и остановилось. В результате последовавшей реорганизации Партиздата **общеполитическая литература для народов Севера не выпускается** вот уже почти на протяжении двух лет. Преемника для Национального сектора Партиздата до сих пор не нашлось, сравнительно богатый редакционный портфель последнего лежит до сих пор без движения, а северный читатель не имеет самой необходимой популярно-политической книги.

Учебная детская и юношеская книга выпускаются в сравнительно удовлетворительном количестве, массовая же политическая книга отсутствует и до сих пор.

А пробудившийся после векового гнета и полного бескультурья к активной политической жизни туземец Севера чрезвычайно пыллив, любознателен и исключительно жаждет к знаниям. Он интересуется в первую очередь самыми основными и актуальными проблемами современности — коллективизацией, реконструкцией его собственного хозяйства, индустриализацией и т. д.

Каждый из практических работников по национальному строительству Крайнего се-

вера помнит, какой лавиной вопросов на самые разнообразные темы засыпают нас эти дети тайги и тундры, когда лед первого знакомства уже сломан, и летом „на песке“ у костра, а зимою в „пологе“ или в чуме деловое собрание сменилось уже дружеской неофициальной беседой.

Помнится, как в 1932 г. в дебрях болотистой Нарымской тайги, в районе заброшенного и полуразрушенного Обь-Енисейского канала серьезный и вдумчивый старик-селькуп после длинного разговора на тему о кооперации, колхозах и заготовках вдруг перебил автора этих строк и высказал давно наболевший и мучивший его вопрос: „Однако, ты скажи мне, — ты эту пятилетку видел? Что она самое, эта пятилетка?“

Сымские эвенки настойчиво добивались объяснения, почему наряду с кооперацией работает на Севере и госторговля, а кетский эвенка Яков Тугундин никак не мог понять, что такое город, как может столько людей жить в одном месте, „откуда им воды хватает“. Мы видели, как бережно хранят в тайге и тундре вырванный листок из советского иллюстрированного журнала, как его достают от поры до времени из турсука, разглаживают и внимательно рассматривают картинку, силясь понять — что изображено на ней. Потребность в знании, от которого он отстал на века — поистине трогательна у туземца Севера.

Поэтому чрезвычайно прискорбно и вредно для интересов развития культурной революции на Севере, что в настоящее время **народы Севера лишены массовой популярной книги на самые актуальные темы.** Издание этой последней является делом большой политической важности и не терпящим отлагательства.

БОРИС РИХТЕР

И. К. ПАХТУСОВ

(К столетию со дня смерти)

Я расскажу, как было, а вы судите как угодно...

(Эпиграф к дневнику Пахтусова).

I

На острове Соломбала, отделенном от Архангельска рекой Кузнечихой, с давних времен живет большинство моряков морского флота Севера. В небольших деревянных домиках Соломбалы их прадеды, деды и отцы рождались, жили и умирали. Всех тех, кто не погиб в волнах морских, приютило старое соломбальское кладбище.

На многих памятниках и крестах этого кладбища можно прочесть о плаваниях, совершенных бесстрашными мореплавателями по Белому, Баренцову и Карскому морям. Среди могильных памятников внимательный посетитель найдет скромную надгробную плиту, на которой с большим трудом можно прочесть полустершуюся, полузаросшую мхом надпись:

„Корпуса штурманов подпоручик и капитан Петр Кузьмич Пахтусов. Умер в 1835 году, ноября 7 дня. Отроду 36 лет от понесенных в походах трудов и д.... о...“.

Кто же такой Пахтусов? Ответ на этот вопрос дает отчасти надпись на памятнике — „Исследователю Новой Земли“. Но полное объяснение этому можно найти только в биографии Пахтусова, которую в настоящее время вполне уместно и своевременно вспомнить, ввиду минувшей 7 ноября старого стиля 1935 г. сотой годовщины со дня его смерти.‡

II

Пахтусов родился на исходе XVIII столетия, в 1799 году, в Архангельске в семье шкипера. Раннее его детство протекало в обстановке трудовой семьи. Еще мальчику не исполнилось и семи лет, когда во время одного из беломорских штормов старик Пахтусов погиб в море.

Настали суровые дни. Мать с большим трудом прокармливала осиротевшую семью.

Немного легче стало лишь тогда, когда, после долгих хлопот, друзьям старика Пахтусова удалось устроить мальчика в военное сиротское учебное заведение в Архангельске.

Восемь лет Пахтусов провел в обстановке полуказарменного, полутюремного режима; жизнь здесь облегчалась только тем, что природный ум и выдающиеся способности помогли Пахтусову хорошо учиться и это давало ему ряд привилегий. Вообще интерес к учению у мальчика был большой, и его отнюдь не удовлетворял объем знаний, который давало училище. Но средств для самообразования не было, и вот в отпускные дни на территории Архангельского адмиралтейства (так называлась в то время казенная верфь, где строились и ремонтировались военные суда) Пахтусов собирает щепки и другие отходы лесных материалов, продает их жителям Соломбалы и на вырученные деньги покупает себе книги и бумагу.

Кроме того часть этих денег откладывалась. Мало-по-малу собирается несколько рублей, и Пахтусов осуществляет заветную свою мечту — обзаводится собственной лодкой. От своего отца он унаследовал любовь к морю. В отпускные дни будущий мореплаватель рыбачил, переживал шквалы и штормы и не раз попадал в рискованные положения.

Такая жизнь способствовала выработке сильного телом и духом юноши, которому не страшны были лишения и труды, связанные с жизнью моряка. Когда Пахтусов был в последнем классе училища, из Петербурга пришло предписание отобрать наиболее способных и успевающих в науках старших воспитанников и отправить их в Петербург для определения в школы специалистов, в которых уже тогда нуждался царский флот.

Пахтусов попал в число этих избранных. Он был определен в „Штурманские

«классы» для подготовки к должности штурмана военного флота.

Не забудем, что развивающаяся техника морского судостроения создавала тогда все более совершенные корабли, управление ими требовало основательных познаний по навигации. Военно-морские педагоги царского флота при подготовке командиров флота в привилегированном Морском корпусе предпочитали уделять больше внимания вопросам строя, парадной подготовки, тактике и стратегии парусных эскадр и мало заботились о навигации — науке, которая требует математических способностей и повседневного усидчивого труда.

В те времена знание навигационных наук не могло способствовать военной карьере, которая достигалась протекцией и связями. Все это приводило к тому, что штурманским делом никто из молодых дворян, из которых только и формировались кадры офицеров флота, не желал заниматься, и пришлось к этому делу привлечь юношей из других сословий, преимущественно из детей унтер-офицеров, ветеранов, немевших сирот младших офицеров, не имевших протекции и поддержки сильных мира сего. Таким образом, во флот стал проникать элемент, чуждый дворянскому, кастовому составу морского офицерства. Новые специалисты-разночинцы были изолированы в среде кадрового офицерства. Из штурманов был образован так называемый «корпус штурманов флота», где производство в чинах шло по армейским, а не по флотским рангам. Долгое время штурманы не допускались в офицерские кают-компании. Офицеры-дворяне их всячески третировали. Между тем, именно этим парням суждено было вписать в историю русского флота наиболее славные страницы, повествующие об открытиях, сделанных русскими моряками и в особенности об открытиях в арктических морях. Братья Лаптевы, Челюскин, Стерлегов, Минин, Прончищев — все они были подпоручики и поручики «корпуса штурманов флота», нередко в этих малых чинах уволенные в отставку, несмотря на свои поистине героические труды в области гидрографии и освоения Арктики.

Кронштадтское штурманское училище дисциплиной и казенщиной мало чем отличалось от Архангельского сиротского училища. Только молодые специалисты по физической географии, астрономии, топографии и т. п. вносили свежую струю в казарменный строй училища и способствовали развитию интереса воспитанников к науке.

Повышению общего уровня развития воспитанников способствовали также и арктические плавания, во время которых приходилось бывать в заграничных портах. Так, во время одного из таких плаваний судно, на котором находился молодой Пахтусов, потерпело крушение. Спасенные

Памятник П. К. Пахтусову

моряки, в том числе и Пахтусов, попали на продолжительный срок в Копенгаген. В столице Дании Пахтусов основательно познакомился с музеями и жизнью большого европейского города.

После окончания Штурманского училища Пахтусов получил звание штурмана, первый офицерский чин и назначение на работу в гидрографическую партию, работавшую на побережье Северного Ледовитого океана.

III

Такое назначение отнюдь не было блестящим: гидрографические работы на Севере в те времена протекали в чрезвычайно суровой обстановке. Судовые средства, предоставляемые правительством гидрографическим партиям, были обычными карбасами, на которых промышляли поморы. Экипаж этих карбасов не был ничем защищен от непогоды и волн. Провизия выдавалась в крайне ограниченном количестве. Ее несложный ассортимент — соломинка и мука. Вследствие такого состава пищи цынга была обычным явлением в экспедициях того времени.

Несмотря на это Пахтусов был весьма доволен своим назначением: сбывались его самые сокровенные мечты, взлелеянные им в ученические годы во время прогулок по Двине. Его смелому уму и инициативе открылось широкое поле деятельности.

Начальником Пахтусова был гидрограф Рейнеке, возглавлявший тогда экспедицию на берегах р. Печоры и Ледовитого океана.

Рейнеке был образованным моряком, отличным гидрографом и организатором. Под его руководством Пахтусов быстро овладел искусством съемки и описи. Здесь же Пахтусов часто встречался с поморами и промышленниками, промышлявшими в загадочном и мало доступном тогда Карском море. От них Пахтусов получил много ценных сведений о ледовом режиме этого моря и об условиях плавания в нем. Впоследствии, как мы увидим дальше, эти сведения очень пригодились Пахтусову.

После окончания работ на Печоре Пахтусов некоторое время работал по гидрографическим изысканиям в Белом море, а затем участвовал в одной из экспедиций Ф. Литке на Новую Землю.

Планомерные гидрографические работы у берегов Новой Земли Гидрографический департамент начал еще в 1819 г. Тогда была послана специальная экспедиция под начальством лейтенанта А. Лазарева. Ему нужно было произвести опись Южного острова Новой Земли и исследовать берега Северного острова. Эта экспедиция потерпела полную неудачу. Хотя она и достигла берега Новой Земли, но высадиться ей нигде не удалось. Большая часть команды заболела цынгой, и осенью этого же года пришлось вернуться обратно в Архангельск.

В 1821 г. была послана новая экспедиция под руководством лейтенанта Литке. Литке в период с 1821 г. по 1824 г. совершил 4 плавания к берегам Новой Земли. Эти экспедиции дали большой гидрографический и картографический материал, однако же выполнить работу в полном объеме Литке не удалось — восточный берег Новой Земли и большая часть западного берега оставались еще не заснятыми. Карское море по-прежнему было недоступным. Между тем экономические интересы уже тогда требовали разрешения вопроса о нормальном торговом плавании через Карское море к устьям сибирских рек. Необходимо было определить условия плавания через известные уже проливы — Карские Ворота и Югорский Шар, а также через недвояно только открытый пролив Маточкин Шар и мимо северной оконечности Новой Земли — мыса Желания. Необходимо было не только исследовать самый путь, но и точно определить береговую линию Новой Земли и в первую очередь очертания ее южного и восточного берегов.

Неудачи предыдущих экспедиций, которым вследствие большого скопления льдов

так и не удалось подойти к Новой Земле, создали у северных моряков и гидрографов представление о Карском море, как о грандиозном „ледяном мешке“, где вряд ли возможна нормальная навигация не только с коммерческими целями, но даже с чисто научно-исследовательскими.

Кое-кто предполагал решить задачу обследования берегов Новой Земли не морским, а сухопутным путем. В 1829 г. в Гидрографический департамент поступил проект исследования берегов Новой Земли средствами оленьих упряжек. Автор проекта предлагал заготовить в Большеземельской тундре оленье стадо в 500 голов, там же сделать запас корма для оленей, подвезти запасы продовольствия и, когда установится прочный ледяной покров в южных проливах, перебросить все оборудование и продовольствие на оленях по льду через Югорский Шар на Вайгач и далее через Карские Ворота на Новую Землю. Однако, уже с первых шагов выяснилась чрезмерно большая стоимость этого предприятия.

К тому моменту, когда чиновники Гидрографического департамента были озабочены финансовыми затруднениями сухопутного варианта, к ним поступил новый проект, автором которого являлся не кто иной, как скромный прапорщик флотских штурманов П. К. Пахтусов. Этот проект обратил на себя внимание солидностью проработки вопроса и ограниченными финансовыми требованиями.

Пахтусов совершенно не разделял господствующей точки зрения о недоступности Карского моря. Он ссылался на многочисленный опыт наших северных промышленников, которые с большим успехом плавали по Карскому морю, многократно бывали на восточном берегу Новой Земли, имели там промыслы и даже постоянные промысловые избышки.

Пахтусов предполагал, что предыдущие неудачи исследователей берегов Новой Земли являются результатом случайного совпадения времени посещения их со временем перемещения льдов в тот же район Карского моря.

Пахтусов также указывал и на наличие на берегах Новой Земли и на северном берегу Европейского континента принесенных морскими течениями пород, которые растут только на побережьях сибирских рек. Это обстоятельство, по мнению Пахтусова, также говорило в пользу его теории о наличии чистой воды в Карском море, в противном случае перенос морскими течениями плавника через покрытое льдом море был бы невозможен.

Исходя из этих соображений, Пахтусов предлагал организовать экспедицию для обследования восточного берега Новой Земли морским путем. Экспедицию следует снабдить достаточным количеством запасов для непрерывного плавания в Карском море

в течение 2—3 лет с зимовками. Это даст возможность найти период времени, когда море будет свободно от льда, что позволит судну беспрепятственно вести описание берега и исследование состояния льда в Карском море. Личный состав экспедиции Пахтусов ограничивал 10—12 людьми, а в качестве судна предполагалось использовать карбас типа поморского.

Проект Пахтусова был принят на рассмотрение Гидрографическим департаментом. Автора вызвали в Петербург, прорабатывали с ним детали проекта, но окончательного решения не выносили. Зимой 1830 г. Пахтусов вернулся опять в Архангельск, не получив никакого решения высшего начальства по своему проекту.

Но в Архангельске проектом Пахтусова заинтересовался ученый форстмейстер Клоков. Будучи чиновником лесного ведомства, Клоков в то же время был весьма образован и глубоко интересовался проблемой Северного морского пути. Познакомившись с Пахтусовым и его проектом, Клоков понял, что имеет дело с недюжинным человеком, прекрасно знающим морское дело и солидно изучившим вопрос плавания в Карском море.

Клоков решил помочь Пахтусову. Но он изменил установку последнего: именно, Клоков дал указание не ограничиваться только исследованиями восточного берега Новой Земли, а выполнить эту задачу попутно, поставив основной целью экспедиции морской переход к устьям рек Оби и Енисея. По его мнению, такой переход вполне возможен, если ледовые условия в Карском море таковы, какими их считал Пахтусов.

Клоков не надеялся на поддержку и финансирование этого предприятия со стороны царского правительства, сам же он мог вложить в это дело только незначительные средства. Тогда Клоков решил искать частный капитал, владеец которого был заинтересован в установлении морского торгового сообщения в Сибирь. Клоков встретил сочувственное отношение к своим планам у архангельского купца Брандта, который располагал большими лесными промыслами, рыбным делом и имел судостроительную верфь.

Клоков и Брандт заключили договор, по которому они снаряжали экспедицию морским путем к устью реки Енисея, с попутным выполнением исследовательских и гидрографических работ у берегов Новой Земли, в ее проливах и в Карском море. Экспедиция должна была быть снаряжена по указаниям Пахтусова, участвовавшего в разработке проекта экспедиции.

Тот же Клоков, используя свои служебные связи в Петербурге, выхлопотал Пахтусову двухлетний отпуск с разрешением отъезда в плавание. Руководителем второго судна Клоков назначил лейтенанта Кротова. По чертежам Пахтусова на верфи Брандта

строились шхуна и одномачтовый карбас. По плану, шхуна под начальством лейтенанта Кротова, с его помощником кондуктором Казаковым, должна была пройти через Маточкин Шар в Карское море и дальше проплыть к устью Енисея, откуда после зимовки возвратиться вдоль берегов континента, через один из южных проливов, к Архангельску.

Сам же Пахтусов на своем карбасе, имевшем всего семь метров длины, должен был заняться описанием восточного берега Новой Земли и изучить условия плавания в Карском море. Кроме того предполагалось послать еще один карбас под начальством старого промышленника Гвоздарева, которому давалось задание отвезти в Маточкин Шар избу, на случай вынужденной зимовки в этом районе одного из отрядов экспедиции.

Для того чтобы избежать чынги — бича предшествовавших экспедиций, Пахтусов старался запастись разнообразными продуктами питания, но в то время консервы еще не были известны и волей-неволей приходилось ограничиваться соленьями. Заготовлены были солонина, квашеная капуста, соленные огурцы, сушеные овощи и ягоды, крупы и мука.

Все лето 1832 г. прошло в хлопотах, в июне Пахтусов и Кротов получили от Клокова письменные инструкции, подробно предписывающие им маршрут плаваний и возможные изменения их в зависимости от ряда случайностей. В это время внезапно умер Брандт. Это обстоятельство чуть было не сорвало всю экспедицию, так как наследники Брандта не интересовались всей этой, по их мнению, «авантюрой» и решили опротестовать договор Брандта с Клоковым. Клоков поехал в Архангельск и добился признания наследниками своего договора с Брандтом.

Суда экспедиции были уже готовы. Шхуну называли «Енисей», а карбас — «Новая Земля». Название судов определяло конечную цель плавания для каждого из них.

Все было готово. 1 августа (ст. ст.) 1832 г. «Енисей» и «Новая Земля», выбрав якоря, поставили паруса и покинули Архангельск.

IV

От Архангельска до Канина Носа оба судна шли вместе. Дальше их пути разошлись — «Енисей» взял курс на норд, к Маточкину Шару, а Пахтусов на своем карбасе пошел к южному берегу Новой Земли. У ее берега оказалась довольно широкая полоса льда. С большими усилиями удалось пробиться к губе Широкихе. Отсюда вдоль берега пошли к востоку, 12 августа карбас прибыл в Петухов Шар. С этого места началась съемка берега.

Погода мало благоприятствовала гидрографическим работам: шторм сменялся туманами, часто шел дождь, дней с хорошей

видимостью было мало — вернее, их не было совсем, а были только отдельные часы, когда можно было производить съёмочные работы.

23 августа Пахтусов дошел до губы Каменской. Здесь нашли полуразвалившуюся промысловую избу. Погода была такая, что Пахтусов стал терять надежду дойти до Карского моря в эту навигацию; найденная же изба могла в случае зимовки дать им приют, если ее починить. Взвесив все эти обстоятельства, Пахтусов решил по мере возможности продвигаться дальше на восток в Карское море, но, одновременно, в те дни, когда описные работы вести нельзя будет, заниматься починкой избы, чтобы не остаться на зиму без убежища.

Время до половины сентября прошло в выполнении намеченного плана. Успели заснять губу Каменку и Логинову, починили избу. Последняя работа досталась с большим трудом. Строение было старое, и больше половины бревен в нем сгнило, их заменили новыми из плавника. Бревна приходилось подолгу искать по берегу и подносить из-дальека.

Не дучше шло дело и со съёмкой. Осень выдалась на редкость скверная, люди промокали до костей, и нигде было высушить одежду. Начались болезни, почти у всех участников экспедиции появился ревматизм. Настроение все таки было бодрое, и люди не падали духом.

Неожиданная удача подбодрила. 12 сентября к избе подошло громадное стадо оленей, и хотя путешественники не смогли полностью использовать эту удачу, все же трех оленей убили. Свежее мясо восстановило силы команды.

Дав людям некоторый отдых, Пахтусов 19 сентября приказал вытащить карбас на берег, так как начались уже морозы и стало очевидным, что кампания этого года закончилась.

Перешли на зимовочное положение. Пахтусов выработал расписание занятий на каждый день и строго следил за тем, чтобы люди не сидели без дела, а главное, чтобы не спали сверх установленного для сна времени. Следил он также за чистотой. Рядом с избой была выстроена баня. К большому огорчению Пахтусова, самый дом был хотя и теплый, но внутри очень сырой. Из мха в пазах стен даже зимой выростала трава, некоторые стебли достигали 8 дюймов длины. „Во все время пребывания нашего на Новой Земле, — писал Пахтусов в своем дневнике, — мы не видели зелени, да и впоследствии не случалось видеть такой большой и свежей. Однако, мы не могли радоваться превращению избы нашей в оранжерею и, по возможности, старались очищать стены от этого украшения“.

Теснота помещения, спертый воздух вызвали заболевания. К весне больных было 3 человека, на недомогание жаловались

почти все. Неизбежное однообразие пищи мало способствовало сохранению здоровья. Пахтусов и его спутники, повидимому, недооценивали значения разнообразия пищи, значения мяса белого медведя в борьбе против цынги. Несмотря на то, что медведи подходили зимой часто, зимовщики только оборонялись от них, не делая их объектом своей охоты.

9 января 1833 г. появилось солнце, через два месяца началось таяние снега, и 8 апреля Пахтусов вновь приступил к описным работам. С тремя матросами он прошел берегом до мыса Меньшикова. Но арктическая природа изобретала всяческие препятствия. Погода, правда, благоприятствовала для топографических работ, были ясные солнечные дни, но зато они принесли „снежную слепоту“. Тогда не знали еще применения цветных консервов, и вместо них Пахтусов и его спутники просто чернили сажей прилегающие к глазам части лица. Много мучений доставляли также метели — одна из таких метелей в течение трех суток держала Пахтусова погребенным в снегу. Он и его спутники едва тогда не замерзли.

Весною двое из хворавших работников умерли от цынги. Остальных от печального конца спас прилет птиц. С переходом на свежую мясную пищу здоровье всех зимовщиков улучшилось.

Дав в течение месяца людям отдохнуть, Пахтусов 24 июня вместе с двумя матросами отправился на небольшой лодке продолжать опись берега, к северу от мыса Меньшикова, где еще ни разу не был ни один исследователь. На зимовке он передал начальство своему помощнику штурманскому кондуктору Крапивину, которому он оставил также предписание следовать за ним на карбасе тем же путем, немедленно после вскрытия залива.

В Карском море путешественников застали плавающие льды. Вместе со штормами, снегом и дождем они мешали Пахтусову продвигаться на север. Тем не менее Пахтусов прошел таким путем около 120 километров. Он описал и заснял на карту восточный берег Новой Земли, от мыса Меньшикова до устьев реки Саввиной.

Эта река, впадающая в небольшую бухту, была названа так Пахтусовым потому, что он здесь нашел развалившуюся избу и недалеко от нее поваленный крест с вырезанной надписью „Савва Ф — анов 1742“. Пахтусов решил, что этот крест был поставлен знаменитым промышленником Саввой Ложкиным, который в половине XVIII века обошел кругом всей Новой Земли. Слово „Ф...анов“ Пахтусов принял за отчество Саввы — Феофанов, полагая, что резавший надпись Саввин спутник из уважения к кормищу вырезал не фамилию, а отчество. Так как нам неизвестно действительное отчество Ложкина, то догадка Пахтусова не нашла еще подтверждения.

Видя, что льды продолжают держаться у берега, Пахтусов решил повернуть назад к месту зимовки, не дожидаясь подхода карбаса с Крапивинным и остальными соплатателями. 5 июля Пахтусов вернулся к зимовке, где застал карбас пушенным на воду, а всех людей готовыми к плаванию. 11 июня Пахтусов повел карбас на север вдоль восточного берега. Не успели они еще далеко уйти, как сильный шторм заставил Пахтусова укрыться в губе Логиновой. Шторм держался 7 суток. Когда утихло — двинулись дальше на север.

У полуострова Скодольского Пахтусов обнаружил остатки избы зимовавшего здесь в 1824 г. ненца Мевея.

Продолжая свой путь дальше на север и дойдя до бухты Саввина, Пахтусов возобновил опись берега. В заливе Литке он из-за нового шторма простоял несколько дней. Переждав шторм, он снова двинулся дальше. На этом пути им было открыто 2 больших смежных залива — их Пахтусов назвал именами своих хозяев — Брандта и Клокова. Их именами были названы Пахтусовым и северные входные мысы этих заливов. 12 августа наконец Пахтусов достиг восточного входа Маточкина Шара.

Восточный берег Южного острова Новой Земли был описан. Здесь перед Пахтусовым лежало открытое, свободное от льдов Карское море, блестяще подтверждающая его теорию. Вид моря все же не радовал неутомимого исследователя. Состояние команды было таким, что о дальнейших работах не приходилось и думать. Только двое были здоровы, все остальные участники экспедиции — больны.

Моральные переживания Пахтусова были тяжелы: „Мне было и жаль и совестно, — пишет Пахтусов в своем дневнике, — оставить берега никем не осмотренные. Пусть обвиняют меня в робости, но для исполнения своих хотя и полезных намерений, я не хотел быть виновником гибели моих спутников. Я решился на обратный путь“.

Осмотрев приметные места у восточного устья Маточкина Шара с целью обнаружить здесь следы шкуны лейтенанта Кротова, который должен был проходить через этот пролив, и не найдя никаких следов, Пахтусов решительно повернул к югу.

Сравнительно благополучно пройдя Карским морем до острова Вайгача, Пахтусов вследствие ненадежного состояния карбаса и тяжелого положения экипажа не решился на далекий путь в Архангельск. Он направился в устье реки Печоры, решив оставить там карбас с экипажем для приведения того и другого за зиму в состояние, годное для продолжения дальнейшего пути в Архангельск. Сам же он думал добраться в Архангельск немедленно сухопутным путем.

В устье Печоры Пахтусова настиг шторм, карбас выкинуло на мель, которыми так бо-

гато устье этой реки, и стало бить о грунт и заливать волнами. Момент был настолько критический, что пришлось поспешно спастись на близкий берег. Из вещей едва успели спасти инструменты и записи — результат годовой работы. Продовольствие осталось в залитом водой карбасе. Первый приют потерпевшие крушение нашли у местных жителей. Выждав конца шторма, Пахтусов организовал спасение карбаса и остатков продовольствия, а потом, оставив команду с Крапивинным, спешно выехал через тундру в Архангельск, имея в голове уже готовый план новой экспедиции для завершения начатой работы.

Путь через Архангельск был долог. Ненцы, везшие Пахтусова, еще не стали на зимние места, и на переменах оленей приходилось долго колесить по тундре, разыскивая новую подставу, возвращаться назад к месту последней ночевки. Только в декабре добрался Пахтусов в Архангельск.

Пахтусов подробно отчитался перед Клоковым и наследниками Брандта в проделанной им работе. В Архангельске же он узнал, что о Кротове и его шкуне „Енисей“ нет никаких известий; узнал он так же, что второй карбас с Гвоздаревым, которому было поручено доставить в Маточкин Шар избу, не дошел до места назначения.

Пахтусов отправился в Петербург, где представил Гидрографическому департаменту научные результаты своих работ по описи восточного берега Новой Земли, а также и проект новой экспедиции на восточное побережье северного острова для продолжения описи берега.

Теперь в Гидрографическом департаменте уже иначе отнеслись к нему. Его проект быстро получил утверждение, так как предубеждение о недоступности Карского моря рассеялось благодаря работам Пахтусова.

А результаты его работ были не маленкие: произведена опись берегов Новой Земли от западного устья Петухова Шара до губы Каменки; далее от зимовки по северной стороне Кусовой земли через Никольский Шар до западного устья Петухова Шара. Описаны были губы Логиновой и Каменка, Никольский Шар и заливы, севернее его лежащие. Произведена съемка берега от зимовки по восточному берегу до Маточкина Шара; определены восточное устье Никольского Шара, устье г. Логиновой и Каменки. Произведены астрономические определения в следующих пунктах: о-в Б. Олений, о-в у г. Логиновой, место зимовья, залив Литке, восточное устье Маточкина Шара и широтные определения ряда мысов и рек. Кроме того был собран значительный климатический материал, ботанические и минералогические коллекции, собраны наблюдения над морским зверем, наконец дано географическое описание карской стороны Новой Земли.

V

Пахтусов получил приказ об организации новой экспедиции. Зима 1833/34 г. прошла в приготовлениях. Кроме официальной подготовки к экспедиции, Пахтусов усиленно занимался пополнением своего образования, главным образом по минералогии, геологии, ботанике и зоологии, — знания по этим предметам были у него явно недостаточны, и он спешил восполнить этот свой пробел.

В Архангельске начали постройку новых судов: шхуны и карбаса; назвал их Пахтусов в честь своих сотоварищей по первой экспедиции, повидимому погибших, — „Кротовым“ и „Казаковым“. Интересны размеры этих судов — шхуна „Кротов“ имела в длину 35 футов, в ширину 11 футов. Глубина трюма 6 футов, соответствующие размеры для карбаса „Казаков“ — 40, 11,5 и 4 фута. Суда эти были построены на средства того же Клокова.

Экипаж Пахтусова состоял из 7 человек, 5 было военных матросов, а 2 вольнонаемных помора; кроме того взяли и фельдшера. Помощником Пахтусова был назначен штурман Циволько. Провизией запаслись на 16 месяцев, причем в состав ее вошли творог и сушеная телятина — это было нововведение в снабжении полярных экспедиций. Вспомогательная задача — доставка сруба избы, бани и амбара — была возложена на третье судно — зафрахтованную частную ладью, которая после выполнения этой задачи должна была начать промысел в районе Маточкина Шара и параллельно вести розыск следов пропавшей шхуны „Енисей“. Ладья, правда, не выполнила ни одного из этих заданий, так как потерпела аварию в самом начале своего плавания.

24 июля 1834 г. оба судна ушли из Архангельска. Вскоре же в Белом море во время туманов они потеряли из вида друг друга и продолжали плавание самостоятельно. 3 августа Пахтусов миновал Канин нос, а 9 августа подошел к Новой Земле, выйдя к мысу Кушному, и пошел вдоль западного берега на север, попутно производя опись берега. Зайдя в Костин Шар, Пахтусов от стоявших здесь промышленников узнал, что недавно здесь же прошел и Циволько. От них же он получил известие, что на берегу губы Серебрянки промышленники видели обломки судна. Некоторые приметы, описанные промышленниками, заставили предположить, что эти обломки принадлежали „Енисею“.

26 августа Пахтусов вошел в Матшар, у западного входа которого стал на якорь. На другой день сюда же прибыл Циволько. Соединившись вместе, оба судна пошли по проливу, но продвинулись только до мыса Журавлева: дальнейший путь был прегражден льдами, забившими остальную часть пролива; тогда Пахтусов в лодке через льды перебрался до мыса Дровяного, но успел

он дойти только до мыса Смежного, откуда вернулся назад. Эта разведка показала полную возможность пройти проливом на Карскую сторону. После совещания Пахтусов решил зазимовать в проливе. Для зимовки было выбрано место в небольшой бухточке на правом берегу пролива, где впадала река Черакина. Здесь в конце сентября они начали постройку из остатков зимовья Розмыслова избы и бани. Изба имела два отделения — в большем поместилась команда, а в меньшем — Пахтусов, Циволько и фельдшер.

С 1 ноября 1834 г. установилась зима. Полярная ночь продолжалась до 20 января 1835 г. На зиму Пахтусов установил по примеру прошлой зимовки строгий режим: команда вставала в 4 часа утра, ложилась спать в 10 час. вечера. Были введены обязательные ежедневные работы, прогулки, осмотры капкана на песка, а на случай плохой погоды для физических упражнений в избе была подвешена тяжелая баясына, которую все должны были по очереди раскатывать. Несмотря на все эти меры, уже 10 ноября в зимовье появилась чыгга, и в короткое время ею заболело 6 человек. Были и другие больные — зимой умерли матрос Самсонов от нервной горячки, Постников от водянки. Наконец захворал и сам Пахтусов.

В марте 1835 г. начало пригревать солнце, 18 марта первая партия вышла на работу по описи западного устья Маточкина Шара. Опись была закончена к 25 марта. Второй работой была опись всего пролива и восточного берега Северного острова. Будучи больным, Пахтусов взял на себя менее трудную работу по описи пролива, а Циволько пошел на восточный берег. До мыса Бык обе партии шли вместе и здесь расстались. К 13 апреля Пахтусов вернулся обратно, установив, что опись, произведенная Розмысловым, в общем верна. В ожидании Циволько партия Пахтусова принялась строить карбас из остатков старого.

Тем временем Циволько прошел Маточкин Шар, повернул от мыса Бык к мысу Выходному и по торосистому льду произвел опись восточного берега до мыса фон Флотов. 24 апреля вследствие начавшегося интенсивного таяния снега пришлось опись прекратить. Циволько, поставив на конечной точке описи крест с надписью, повернул назад. 6 мая он вернулся к зимовке.

Пахтусов, не имея возможности выйти в Карское море вследствие скопления льдов в проливе и у восточного берега, решил временно перебросить работу на северный берег Южного острова. 29 июня Пахтусов и Циволько вышли из становища с девятью спутниками команды и фельдшером на карбасе „Казаков“. Была осмотрена губа Серебрянка. Здесь они нашли остатки какого-то судна, в которых после тщательного исследования по окраске опознали шхуну „Енисей“. Эти остатки подтвердили факт гибели

судна Кротова. Повидимому Кротов по ошибке принял Серебрянку за западный вход пролива, вошел в нее и потерпел крушение на камнях, которыми так богата эта губа.

2 июля Пахтусов на „Казакове“ и Циволько на малом карбасе пошли дальше на север, но уже на траверзе губы Митюшихи разлучились в тумане. Переждав туман, Пахтусов продолжал описывать западного берега и 8 июля дошел до полуострова Адмиралтейства. Здесь встретились первые льды. На другой день удалось дойти во льдах до острова Берха, где сильный напор льда заставил Пахтусова укрыться под западным берегом острова, под прикрытие стамухи.

Передышка была непродолжительна. Напор льда усиливался, карбас оказался окруженным движущимися льдами. Напор был так интенсивен, что карбас не выдержал и треснул, пришлось спешно спасаться на лед, куда перетасили небольшую шлюпку. С карбаса удалось спасти только инструменты, продовольствие все погибло. На шлюпке частью по льду, частью по воде потерпевшие крушение стали пробираться к югу.

Трудно сказать, чем бы кончилось это путешествие, но на десятый день случайно их встретил промышленник Еремин, забравший всех на свою ладью. 9 августа они вернулись на зимовку. Там были хорошие новости: больные поправились, а пролив очистился от льда. Карское море — также. Циволько давно уже вернулся к зимовке. Это вполне возместило неудачу на западном берегу.

Пахтусов отправил Циволько с пятью участниками экспедиции, наиболее физически слабыми в Архангельск, двух он оставил на зимовке при шхуне, сам же с пятью людьми и фельдшером 12 августа на карбасе с ладьи Еремина пошел по проливу к Карскому морю. 15 августа они дошли до мыса Дровяного, там была ледовая перемычка, через которую однако удалось пробиться к морю. В Карском море лед держался на некотором расстоянии от берега, оставляя между собой и берегом широкий канал чистой воды. По этому каналу карбас шел вдоль берега. 23 августа Пахтусов достиг группы островов, широту которых он определил в 74 градуса 24 ми-

нуты. Впоследствии они были названы островами Пахтусова.

Состояние льдов и направление ветра угрожали закрытием канала. Это обстоятельство и к тому же еще позднее время заставили Пахтусова повернуть обратно, определив направление на отдаленный мыс, названный Дальним. 28 августа Пахтусов пошел обратно в Маточкин Шар, куда прибыл 1 сентября. В зимовье он застал Циволько, с которым вместе 7 сентября ушел в море. Циволько на ладье Еремина вернулся в Сумский посад, а Пахтусов направился в Архангельск 7 октября 1835 г. Пахтусов был уже в Соломбале.

В Архангельске. Пахтусов, едва успев составить краткий отчет о своей экспедиции, захворал. Его давно уже изнуряла лихорадка, в Архангельске она перешла в нервную горячку. Здоровье Пахтусова было настолько подорвано трудностями и лишениями, перенесенными им во время плаваний, что у него уже не было сил преодолеть болезнь, и 7 ноября 1835 г. в 6 час. вечера Пахтусов скончался.

Так преждевременно оборвалась жизнь одного из энергичных и вдумчивых исследователей нашего Крайнего севера, много сделавшего для гидрографии Карского моря. Его наблюдательный ум дал ему возможность раскрыть тайну этого загадочного, пугавшего многих своими тяжелыми льдами моря.

В результате его двукратных экспедиций остался ряд карт восточного берега Северной Земли, которыми и в наши дни еще пользуются мореплаватели.

С того времени в корне изменился взгляд на условия плавания в Карском море. Идея Пахтусова опередила его эпоху почти на целое столетие, и то, что в те времена воспринималось как гипотеза, нашло себе полное подтверждение в наше, советское время.

Работы Пахтусова становятся особенно интересны в настоящее время, когда усилиями советских моряков и полярников разрешена проблема Северного морского пути, когда по Карскому морю ежегодно проходят в различных направлениях сотни судов, среди которых преобладают обычные грузовые суда не ледокольного типа.

П. Е. ТЕРЛЕЦКИЙ

НИ НА ШАГ ВПЕРЕД

(Крайний север. Вып. 1. „Итоги переписи хозяйств в трех районах“. Изд. УНХУ РСФСР, 1935 г. 137 стр. текста и 121 стр. таблиц.)

I

„Итоги переписи“ представляют двойной интерес: методологический и практический. „Основные задачи пробной переписи, — говорится в предисловии, — заключались в том, чтобы дать возможность определить пригодность выработанных инструкций и бланков применительно к специфическим условиям северного хозяйства, выяснить степень их полноты, изучить способы описания отдельных элементов хозяйства и **дать материал для решения основных вопросов разработки**“ (подчеркнуто нами. П. Т.). Материалы переписи должны дать возможность сделать ряд заключений в отношении социально-экономических сдвигов в северном промысловом хозяйстве.

Задачи пробной переписи требуют, чтобы эта перепись была так обставлена, чтобы в результате разработки ее материалов мы получили возможность разрешить ряд вопросов организационного и методологического характера в связи с предстоящей похозяйственной переписью всего Крайнего севера.

К сожалению, мы должны констатировать, что в программе похозяйственного формуляра переписи (стр. 7 и 8) отсутствуют вопросы о продукции оленеводства и ее реализации, о доходе от извоза, вопросы посредничества при сдаче продукции промысла и покупке товаров, о занятиях населения и др. В то же время в программе чрезвычайно детально развернуты разделы по изучению весьма трудно улавливаемых в процессе сплошной переписи взаимоотношений между хозяйствами на почве использования чужого инвентаря и рабочего скота, взятия и отдачи скота на выпас, прокорм и просмотр, отдачи молочного скота на доение и кредитных отношений.

Отсутствие перечисленных выше вопросов лишило возможности определить степень товарности промыслового хозяйства, изучить процессы перехода от натурального к товарному производству и меновые отно-

шения. Трудно также выявить размеры самого производства, роль посредничества в промысловом хозяйстве, и, что особенно важно, нет возможности произвести анализ группировок.

Какая же группировка индивидуальных хозяйств: по стоимости ли средств производства, по валовому доходу хозяйства или по натуральным признакам (основному средству производства — количеству оленей, собак и т. п.), в комбинации с какими признаками социального характера (использование своей и чужой рабочей силы, своего и чужого инвентаря, скота и т. п.) — является наиболее приемлемой для исследования социально-экономической структуры и происходящих процессов в северном промысловом хозяйстве?

Посмотрим, что предлагает нам в этом отношении руководитель производства и разработки пробной переписи т. П. Маслов.

В единственной главе по методологическим вопросам „Основные вопросы методологии исследования“ т. Маслов, отмечая трудности изучения северного промыслового хозяйства, пишет: „На помощь здесь должна приходиться аналитическая схема, правильность которой требует предварительного методологического доказательства. В отношении единоличного сектора речь может идти о методах группировки хозяйств. Группировки, принятые в публикуемых таблицах, преследовали цели расположить материал с таким расчетом, чтобы получить возможность анализировать северное хозяйство в социально-экономическом разрезе. Задача сводилась к нахождению признака, который мог бы служить социальной характеристикой хозяйства или, по крайней мере, мерилом его мощности“.

Таким образом предлагается свести одну из основных задач переписи — выбор оснований социальной группировки хозяйств — к нахождению признака группировки, который мог бы служить „мерилом мощности“, т. е. **экономического**, а не **социального положения хозяйства**.

„Наиболее важным, — пишет далее т. Маслов, — представлялось выделить крайние социальные полюсы (хозяйства, отдающие рабочую силу в чужие хозяйства, и хозяйства, привлекающие эту рабочую силу) — с одной стороны, и отграничить от них основную массу хозяйств — простых товаропроизводителей, среднюю массу (не затронутую отношениями привлечения-отпуска рабочей силы). Такая группировка дает отражение социальной структуры северных промысловых одиночных хозяйств на современном этапе“. Группа „средняцких“ хозяйств „разбивается по основному, в условиях оленеводческого хозяйства, признаку мощности — поголовью оленей“. В отноше-

нии рыболовецких хозяйств, в виду значительного охвата их коллективизацией (в Нижнеамурском районе до 80% хозяйств) т. Маслов считает возможным применить группировку „по мощности рыболовецкой снасти“.

Этими моментами исчерпывается „схема разработки“ предстоящей переписи Крайнего севера.

Для оценки предлагаемой „аналитической схемы“ опубликованные сводки пробной переписи дают вполне достаточный материал. Приведем несколько рядов средних величин, характеризующих группы хозяйств по Ненецкому и Эвенкийскому округам.

	Ненецкий округ					Эвенкийский округ				
	с отпуском рабочей силы в чужие хозяйства	без отпуска и привлечения рабочей силы ¹	без оленей и оленями до 50 голов	с оленями от 51 до 400 голов	с оленями свыше 400 голов	с отпуском рабочей силы в чужие хозяйства	без отпуска и привлечения рабочей силы ¹	без оленей и оленями до 20 голов	с оленями от 21 до 50 голов	с оленями свыше 50 голов
Количество хозяйств	9	76	171	21	6	9	33	66	21	5
В среднем на одно хозяйство:										
душ обоего пола	4,6	4,6	5,6	8,3	4,7	5,1	3,5	5,1	5,7	8,2
оленей	93	25	147	622	439	35	13	33	87	427
капканов	12	8,6	9	14,9	4,2	0,3	2,1	2,8	1,9	0,8
пастей	—	—	—	—	—	3,6	10,7	22,2	15,7	8,0
ружей	1,2	1,4	1,6	1,9	1,8	3,8	2,0	3,2	3,0	5,2
Весь доход хозяйства (руб.)						1209	1074	1376	1570	3791
% хозяйств с извозом	33	13	48	71	67	11	54	36	38	40
% грамотных в возрасте от 8 до 50 лет	0	20	12	1	7	7	7	13	4	0

Прежде всего бросается в глаза чрезвычайно небольшой удельный вес „полярных“ групп и, в особенности, зависимых хозяйств — с отпуском своей рабочей силы в чужие хозяйства: по обследованным хозяйствам Ненецкого округа их всего 3,2, по Эвенкийскому — 6,7% ко всему количеству хозяйств.

Если учесть, что отпуск своей рабочей силы в чужие хозяйства не всегда является показателем зависимости, то полученный при разработке переписи весьма незначительный процент зависимых хозяйств должен быть еще более понижен.

Далее, большинство показателей группы с отпуском рабочей силы (1) очень близко подходит к показателям средней подгруп-

пы (3) хозяйств простых товаропроизводителей и почти везде выше низшей подгруппы (2) этих хозяйств. Аналогично большинство показателей группы с привлечением чужой рабочей силы (5) ниже соответственных показателей соседней высшей подгруппы (4) тех же хозяйств простых товаропроизводителей.

Рассматривая состав каждой из крайних групп (с отпуском и привлечением рабочей силы), приходишь, кроме того, к заключению об их внутренней неоднородности.

Тов. Маслов и сам не считает группу хозяйств с отпуском рабочей силы однородной. Так, из 9 хозяйств Ненецкого округа этой группы, по его сообщению, „четыре хозяйства живут в своих чумах и имеют более значительное поголовье оленей — 100, 111, 215 и 379 голов“ (63 стр.), т. е. являются, возможно, обыкновенными средняцкими хозяйствами.

¹ Хозяйства простых товаропроизводителей — средняцкие хозяйства — по определению т. Маслова.

То же самое надо указать и в отношении группы с привлечением чужой рабочей силы. 6 хозяйств этой группы распределяются следующим образом: от 76 до 100 оленей (т. е. по существу бедняцкое) — 1 хозяйство и по одному хозяйству с поголовьем от 150 до 200, от 200 до 250 и от 300 до 400 голов (т. е. по существу середняцкие), и только 2 хозяйства свыше 900 голов — являются типичными кулацкими хозяйствами (стр. 32, табл.). Во всяком случае, отнесение хозяйств с поголовьем от 76 до 100 оленей с хозяйствами свыше 900 голов к одной социальной группе **только по одному признаку** — привлечение чужой рабочей силы — более чем рискованно.

Та же неоднородность наблюдается и в группе „середняцких“ хозяйств. Так, весьма сомнительным является отнесение всех хозяйств с поголовьем свыше 400 оленей к середняцким: из 21 хозяйства этой группы 9 хозяйств имеют: одно — от 600 до 700 голов, 5 — от 700 до 800, 1 хозяйство — от 800 до 900 и 2 хозяйства — свыше 900 голов, т. е. довольно близко подходят к кулацким хозяйствам.

Подобную неоднородность этих групп можно наблюдать и по другим моментам — например, по стоимости валовой продукции охоты и птицеводства (стр. 51, табл.).

Таким образом, если бы кто попытался на основании разработанных данных представить социальную структуру названных районов, то он оказался бы в совершенно безвыходном положении.

Какие из перечисленных групп хозяйств можно отнести к бедняцким, середняцким, кулацким? Где хозяйства служащих и рабочих? Согласиться же с тем, что середняцкая масса хозяйств в общем количестве хозяйств Ненецкого округа составляет 95% и Эвенкийского округа — 90%, едва ли возможно.

В этой „разработке“ все перепутано. Явно бедняцкие — безоленные и малооленные, а также многооленные, среди которых возможны и кулацкие, попали в группу простых товаропроизводителей — середняцких хозяйств. В группе с отпуском в чужие хозяйства имеются многооленные хозяйства, ставящие под сомнение действительный социальный характер наблюдающегося у них отпуска своей рабочей силы, а в группе с привлечением чужой рабочей силы имеются настолько малооленные хозяйства, что невольно возникает сомнение в возможности „эксплуатации“ чужого труда этими хозяйствами.

Еще VII расширенный Пленум Комитета Севера,¹ давая определение социальных групп, отметил, что „социальную сущность каждого хозяйства и принадлежность его к той или иной социальной группе можно определить **только по совокупности** целого

ряда показателей, определяющих мощность хозяйства, существующие в нем производственные отношения и направление его хозяйственной деятельности“. Совершенно понятно, что приведенные условия определения социальной сущности каждого хозяйства не есть еще рецепт для определения категорий хозяйств при статистической обработке, все же основное в этом постановлении — определение социальной сущности хозяйства **по ряду признаков** (а не по одному, как это делает т. Маслов) — совершенно бесспорно, и это определение должно было найти отражение в системе группировки данных пробной переписи.

Руководителю разработки переписи таким образом не удалось нащупать признаки, по которым более явственно выделились бы социальные группы хозяйств. Им допущена методологическая ошибка — группировка хозяйств по одному признаку — наличию отпуска или привлечения рабочей силы и к тому же без учета размера и социального значения этого признака.

Сознавая, что полученная при таком основании распределения хозяйств на группы „середняцкая“ группа оказывается чрезмерно большой (90—95%), т. Маслов пытается сгладить досадное обстоятельство распределением хозяйств этой группы по количеству оленей и впадает в другую, не менее серьезную методологическую ошибку.

Давно известно, что группировка по одному из признаков мощности хозяйства, хотя бы и основному, не дает достаточно четко **отграниченных экономических групп хозяйств**. Известны группировки по посеву, лошадности, коровности и т. п. Отрицательные оценки подобных группировок в дореволюционных работах В. И. Ленина и в последующих работах советского периода достаточно хорошо известны. В отношении северного промыслового хозяйства, хозяйства комплексного, где отдельные отрасли — оленеводство, охота, рыболовство, морской зверобойный и др. промыслы — в разных комбинациях, в разных соотношениях входят составными элементами в хозяйства различных социальных групп, эта отрицательная оценка группировки по натуральному признаку должна иметь сугубое значение.

Если для крупных оленеводческих и отчасти охотничье-олениводческих хозяйств поголовье оленей является их характеристикой, то для хозяйств малооленных и безоленных и всех вообще оседлых хозяйств в качестве основных признаков, характеризующих эти хозяйства, выступают рыболовство, пушной промысел, сельское хозяйство и т. п. И, понятно, группировка только по количеству оленей извращает представление об экономическом положении таких хозяйств.

Само количество оленей крупных хозяйств не всегда достаточно правильно отра-

¹ См. протокол VII расширенного Пленума Комитета Севера 21—30 апреля 1930 г.

жает мощность хозяйства. Вот что пишет по этому поводу проф. Тан-Богораз:¹ „В крупных оленеводческих хозяйствах натурального типа естественный приплод стада имеет тенденцию выше известной нормы, необходимой для безбедного существования семьи, совсем не превращаться в валовой доход, а оставаться в пассивном виде, мертвым и недвижимым капиталом. Прирост стада выше известной нормы не продается и не убивается, от него не берут ни мяса, ни шкур, и он ходит на свободе, довольно бесполезно, увеличивая массовость стада“. В основном такое хозяйство представляет чистый тип экстенсивного полунатурального или натурального хозяйства. Включая это хозяйство с равным ему по поголовью оленей интенсивным товарным хозяйством в одну группу, мы тем самым смазываем чрезвычайно важный вопрос о натуральном и товарном хозяйстве.

Примеров сосуществования хозяйств различных типов можно найти довольно много, — ненцы и ижемцы, долгане и ненцы, эвенки и чукчи, эвены и коряки и т. д. — все это совершенно различные типы хозяйств, значение оленя в них совершенно разное. Измерять подобные хозяйства по поголовью и относить их к той или иной группе ни с социально-экономической, ни с технико-производственной точки зрения нельзя.

Мало того, количество оленей при определении социальной сущности хозяйства может ввести даже в заблуждение. В этом отношении интересно привести данные за 1933 г. землеустроительной экспедиции в Большеземельской тундре о среднем количестве оленей по социальным группам хозяйств:

	Ненецкие хозяйства	Ижемские хозяйства
Батрацкие . . .	67	—
Бедняцкие . . .	81	98
Середняцкие . .	285	168
Кулацкие . . .	220	103

Таким образом, при группировке хозяйств по количеству оленей, по схеме т. Маслова кулацкие хозяйства, описанные землеустроительной экспедицией, если они перестали привлекать чужую рабочую силу в свое хозяйство, попали бы в группу середняцких и, возможно, и в группу бедняцких хозяйств.

Направление в разрешении вопроса разработки и самой программы переписи дается В. И. Лениным.

В своем исследовании „Новые данные о законах развития капитализма в земледелии“² В. И. Ленин, давая отрицательную оценку группировкам по натуральным признакам, пишет: „...применение группировок по величине производства, по сумме денежной стоимости продуктов, по частоте

и размеру употребления наемного труда, должно будет возрастать, пробивая себе дорогу через густую сеть буржуазных и мелкобуржуазных предрассудков...“

II.

„Аналитическая схема разработки“ т. Маслова, несомненно, отразилась и на некоторых его выводах.

На основе разработанных данных т. Маслов приходит к выводу о возникновении „новых специфических форм, в которые облекаются в современных условиях производственные отношения“. Формы эти заключаются в маскировке эксплуататорской группой хозяйств своей деятельности, выражающейся в следующем. Тов. Масловым подмечено „скопление у зависимой группы (с отпуском рабочих) ловушек, объехать которые на имеющихся у них оленях невозможно“, что для „объезда их (сбора пушнины) эта группа пользуется хозяйскими оленями“, что зависимая группа, оказывается, покупает товаров и продуктов питания (стр. 105) примерно в полтора раза больше, чем группа с привлечением чужого труда, т. е. „здесь имеет место покупка товаров не для собственного хозяйства, а для других хозяйств, не желающих производить закупку непосредственно в лавке, где каждая покупка записывается в лицевой счет хозяина“, т. е. здесь налицо как будто „комиссионный характер покупок“ зависимыми хозяйствами для зажиточных и кулацких.

Несомненно, под влиянием проводимой на Севере политики ограничения, вытеснения и изоляции кулачества эксплуатация принимает все новые и новые замаскированные формы, и поэтому обнаружение таких новых форм приобретает весьма важное значение. То обстоятельство, что проведению этой новой формы эксплуатации нередко содействие оказывают сами же эксплуатируемые (зависимые) хозяйства, заставляет нас с особенной настороженностью подойти к этому явлению.

Посмотрим же более внимательно, действительно ли „новые формы эксплуатации“ выявляются на основе материалов переписи.

Обратимся к данным переписи о „скоплении у зависимой группы ловушек“. В таблицах разработки по Эвенкийскому округу (стр. 102) видим такой ряд:

Группы	Количество плашек (ловушек) в среднем на хозяйство
С отпуском рабочих	27,2
До 20 оленей	2,1
От 21 до 50 оленей	2,9
Свыше 50 оленей	4,6
С привлечением рабочих	8,0

¹ См. „Сов. Этногр.“, 1932 г., № 4.

² Ленин, Сочинения, XVII т., стр. 615.

Зависимая группа (с отпуском рабочих) обеспечена ловушками в 3,5 раза больше по сравнению с эксплуататорской группой и в 13 раз — по сравнению с соседней, более ей родственной экономической группой (до 20 оленей)?!

Разберемся в этих данных. В зависимой группе всего 9 хозяйств. Оказывается, что из них только 4 хозяйства имеют плашки, причем общее количество плашек в них (и во всей группе) 245. К тому же возможно, что большинство плашек находится у одного-двух хозяйств и что эти хозяйства не являются зависимыми.

Само заявление т. Маслова, что „группа пользуется хозяйскими оленями для объезда ловушек“ оказывается также неправильным, ибо из 9 хозяйств этой группы 5 хозяйств никаких плашек (ловушек) не имеют.

Такое же сомнение вызывают и выводы т. Маслова о наличии комиссионной покупки товаров зависимой группой. По крайней мере материалами переписи этого обосновать нельзя.

Таким образом выводы „о наличии новых специфических форм производственных отношений“, сделанные т. Масловым на основе его „аналитической схемы разработки“, не обоснованы. На самом деле все это лишь отдельные единичные случаи, не находящие себе подтверждения в других хозяйствах той же группы и совершенно отсутствующие в соседней по мощности (до 20 оленей), наиболее близкой в социальном отношении группе хозяйств.

„Схема разработки“, в основу которой положены недостаточно определяющие социальную и экономическую сущность хозяйства признаки и которая, таким образом, позволяет объединять в каждой из групп хозяйства различной мощности и социального положения, только такая „схема“ и могла привести к столь опрометчивым выводам.

Формы производственных отношений между единоличными хозяйствами под влиянием мероприятий советской власти, несомненно, меняются, и изучение их, как и изучение производственных отношений между кооперативными и государственными организациями, с одной стороны, и единоличными и коллективными хозяйствами — с другой, и отношений между последними представляет одну из задач переписи. Но для осуществления этой задачи, как и для выявления социальной структуры Крайнего севера, а также для освещения вопросов технико-производственного характера нужны более совершенные программы переписи и система ее разработки, а не программа переписи 1933 г. УНХУ РСФСР и „аналитическая схема разработки“ т. Маслова.

III

Перейдем к некоторым отдельным вопросам работы т. Маслова.

Вопросы национальной политики в исследованиях промыслового хозяйства Крайнего севера играют особенное значение. Несмотря на кажущуюся однородность — примитивность, специфичность отраслей хозяйства и т. п., хозяйства отдельных народностей резко отличаются по своей социально-экономической структуре, структуре самого хозяйства, роли в производстве и т. п. Сбрасывание со счетов национального признака смазывает действительную картину исследуемого района. Общие средние характеристики отдельных социально-экономических групп могут затушевывать действительные процессы, происходящие в развитии хозяйства той или иной народности.

В рецензируемой работе наблюдается почти полное игнорирование национального вопроса. Так, в составе колхозов Нижнеамурского района имеются нивхские (гилякские), корейские и русские колхозы. Несмотря на рыболовецкое их направление, эти группы колхозов все же резко отличаются друг от друга. Например, средняя семья русских колхозов — 4,8, нивхских — 3,5, корейских — 2,1 души; грамотность — 44,3, 13,5 и 17,4%; стоимость средств производства соответственно 907, 666 и 1894 руб.; стоимость валовой продукции — 1401, 1286 и 2307 руб. на одно хозяйство и т. д.; социальный состав их также различен. Тов. Маслов забыл, что это — коллективы хозяйств, находящихся на различных ступенях культуры.

Что представляют собой средние и относительные величины, полученные в результате суммирования данных по столь разнородным колхозам?! Правда, в таблицах приводятся данные по каждому колхозу и групповые сводки по национальности колхозов можно произвести самому (что мы и сделали по ряду приведенных выше показателей), но и здесь проявлено невнимание к элементарным требованиям публикации материалов по Крайнему северу: данные о колхозах, вместо расположения их в порядке национальностей, следуют вперемежку, что затрудняет подсчет по национальным группам. Все это не случайно. При попытке группировать колхозы — в целях сравнения удельного веса индивидуальных заработков в связи с размерами колхозного дохода (стр. 127) — т. Маслов также игнорирует национальный вопрос. В тексте — об особенностях колхозов различных национальностей также ни слова.

То же самое допущено и с разработкой индивидуальных хозяйств Ненецкого округа. Смешаны ненецкие и коми (ижемск) хозяйства. Вопрос об ижемском оленеводческом хозяйстве всегда привлекал внимание исследователей и практических работников как с технико-производственной, так и с социально-экономической стороны. Различия в ведении оленеводства между ижемскими и ненецкими хозяйствами существуют и до настоящего времени. Между тем,

в сводках хозяйственные особенности смазаны, и поэтому сами сводки не дают представления ни об ижемском, ни о ненецком хозяйстве.

Мы могли бы привести еще несколько примеров пренебрежительного отношения т. Маслова к национальному вопросу, но достаточно и приведенных примеров. Укажем лишь, что национальному вопросу „аналитическая схема разработки“ также не уделяет внимания.

★

В заключение несколько замечаний.

В работе немало курьезов. Так, на стр. 69 приводятся данные о кооперировании населения: в Ненецком округе — 31%, в Эвенкийском округе — 31% и в Нижнеамурском районе — 41%, и тут же приводятся данные Интегралцентра о кооперировании ненцев — 70%. Расхождение по Ненецкому округу более чем в два раза — т. Маслова не смущает. На самом деле, понятно, никакого расхождения нет. Процент кооперирования т. Маслов определяет из соотношения членов кооперации и всего населения. Позвоительно спросить, когда же будет кооперировано все население, если детей в члены кооперации по уставу не принимают?

Второй курьез. На стр. 49 т. Маслов пишет что „перепись (1933 г.) отказалась от принятого в публикации переписи 1926/27 г. обозначения „мест относительной оседлости“ по той причине, что установление этих мест в высшей степени произвольно“.

В связи с этим при пробной переписи „принято подразделение хозяйств на оседлые, кочевые и полукочевые“ (?). Ничего не понять!

Совершенно ясно, что понятие „мест относительной оседлости“ не имеет никакого отношения к группировке хозяйств на кочевые и оседлые. В первом случае идет речь о населенных пунктах или — для кочевого населения — о местах наибольшего пребывания кочующих групп в одном месте; определение этих мест в связи с переходом кочевого населения на оседлость приобретает особо практическое значение. Во втором — о делении хозяйств на группы оседлых, полукочевых и кочевых. От чего перепись 1933 г. „отказалась“ — понять трудно. Если идет речь об отказе в публикации списков населенных пунктов, в том числе и мест относительной оседлости кочевого населения при предстоящей похозяйственной переписи Крайнего севера, то последнее также совершенно непонятно.

Вывод следующий: в вопросе изучения социальной структуры районов Крайнего севера и выявления наиболее приемлемых и определяющих социальную сущность хозяйств группировочных признаков, несмотря на проделанную большую опытную работу, УНХУ не подвинулось ни на шаг вперед. Несмотря на затраченные средства, время и силы, вопросы программы и системы разработки не получили необходимой ясности. Наоборот, работа т. Маслова — руководителя пробной переписи — затуманила и без того трудный и сложный вопрос.

М. М. МИКУЛА

ГАЗЕТЫ АРКТИКИ

Почетна и многогранна работа печати на Крайнем севере.

На мысе Столбовом, что на Новой Земле, крохотная зимовка: радиостанция и всего два радиста. Но советский радист — активный общественник. И вот появляется рукописная арктическая газета „Информатор“. Важнейшие новости из жизни народов великого Советского Союза, вести, принятые по радио, переписываются от руки. С первой оказией газета распространяется по острову, из одной избы промышленников в другую.

Надо ли говорить о большом значении работы „Информатора“? Ведь в условиях Новой Земли, где на громадных расстояниях разбросаны редкие пока еще избышки промышленников, — зверобоев и рыболовов, — „Информатор“ — единственное средство повседневного ознакомления оторванных от Большой земли полярников с жизнью этой Большой советской земли.

У этой газеты, правда, еще нет рабкоров. Но это, однако, дело недалекого будущего, так как газета проводит систематическую массовую работу среди своих читателей. „Посетители радици, — пишет газета, — у нас имеется материал съезда, который не помещался в данной газете. Его можно получить у меня для широкого распространения его в массы. Следующий номер газеты выйдет 1 марта 1935 г. Прошу сообщить ваше мнение о газете и что нужно добавить. Мною будут удовлетворены ваши просьбы. Указания можно слать в письменной и устной форме. Левин“.

„Информатор“ — не единственная газета в Арктике. На наших полярных станциях и зимовках, на ледоколах и факториях, в бригадах оленеводческих совхозов в минувшем году издавались десятки стенных газет.

Вот, например, газета „Северное сияние“, издаваемая коллективом зимовщиков на по-

лярной станции мыса Желания, одной из наиболее отдаленных наших станций (на северной оконечности о-ва Новая Земля). На этой полярной станции зимовало 18 зимовщиков, выполнявших ответственные задания по аэрологии, биологии, метеорологической службе. Эта зимовка не из лучших. Особенно это касается первого ее периода, когда коллективу не доставало товарищеской сплоченности. В это время отдельные зимовщики гели и такие разговоры, что в условиях полярной зимовки „не надо создавать стенной газеты“, „не нужно организовывать комсомольской группы“, так как это якобы „повредит работе“. Эти нездоровые настроения среди отдельных зимовщиков удалось преодолеть лишь после того, как были организованы газета „Северное сияние“ и комсомольская группа.

Газета „Северное сияние“, организованная по инициативе начальника станции т. Егорова, — одна из лучших наших полярных стенных газет. Характерная ее особенность — хорошо поставленная информация о политической и хозяйственной жизни Советского Союза и зарубежная информация.

В этом — положительная сторона любой полярной газеты, поскольку на большинстве зимовок других источников информации о жизни Большой земли нет.

Радист „ловит“ Большую землю. Это не всегда удается в Арктике. Радист в 11 часов ночи узнает о гибели самолета „Максим Горький“. И через полчаса вся зимовка мыса Желания на ногах. Собравшиеся было спать зимовщики с волнением читают свежий бюллетень газеты и на собрании выносят решение о сборе средств на постройку новых воздушных гигантов.

Другой случай. Радист удалось услышать речь железного соратника тов. Сталина — т. Кагановича — на похоронах т. Кирова. И слова: „Мы не только не допустим смещения, но мы еще теснее сплотимся вокруг партии, вокруг своего ЦК, вокруг нашего Сталина“ — на следующий же день стали известными всей зимовке. „Северное сияние“ выпустило специальный бюллетень, посвященный злодейскому убийству т. Кирова. Газета собрала в этом бюллетене полноценный материал; радист не один час дежурил у аппарата в эти дни. Газета вышла хорошо иллюстрированной. Простым карандашом художник-самоучка дал неплохие рисунки.

Вообще газета „Северное сияние“ чутко откликалась на все важнейшие события. Благодаря ее работе зимовщики имели возможность более или менее систематически следить за политической и хозяйственной жизнью Советского Союза. Так, по газете № 6 видно, что зимовщики мыса Желания вместе со всей Страной Советов проводили день Парижской Коммуны. № 5 газеты целиком посвящен Красной армии. Здесь и

статья — „17 лет Красной армии“, и речь тов. Тухачевского на VII Съезде советов. В № 3 дан материал о X пленуме ЦК ВЛКСМ. Зимовщики-комсомольцы настойчиво прорабатывают этот материал. „Северное сияние“ своевременно опубликовало информацию о пленуме Ленинградского горкома ВКП(б). Те же комсомольцы в № 6 нашли в эфире нужный материал для статьи-обзора „4 года шефства ВЛКСМ над военно-воздушными силами СССР“.

Конечно, наиболее характерными, как и для любой другой полярной газеты, являются те номера „Северного сияния“, которые вышли в период полярной ночи, т. е. с 15 ноября по 15 февраля. В эти дни радуга северного сияния ярко сверкала на заголовочном титуле газеты. 30 декабря, в самый разгар полярной ночи, вышел № 3 „Северного сияния“. Основные производственные работы станции свернуты. Наступает период политмассовой работы, наступает и период охоты. „Давайте организованно охотиться“ — своевременно выбранный лозунг газеты нашел отклик: созданы две бригады охотников. В других номерах газеты помещен материал, свидетельствующий об упорной борьбе комсомольской группы и газеты за выполнение зимовщиками взятых на себя обязательств по социальным соревнованиям, за создание твердой товарищеской дисциплины на зимовке.

Газета правильно поступила, обратив особое внимание в период полярной ночи на оживление материала в газете. В одном из номеров в уголке юмора помещен ряд карикатур на неудачных охотников.

Но вот полярная ночь прошла. И газета пишет: „16 февраля появились первые лучи солнца. Станция ожила. Полюбили еще больше природу Арктики. Нет сомнения, что это нам придает больше желания, энергии выполнить возложенные на нас задачи по основной научной и общественной работе, взятые нами обязательства по социальным соревнованиям“. Газета помещает статью, в которой подытожены все плюсы и минусы прошедшей полярной ночи. „Полярную ночь привыкли представлять страшной, угнетающей, безжизненной... Но у нас, в условиях советской полярной станции, начало полярной ночи ознаменовалось завершением всех работ по уборке пловсредств на зиму, по заготовке плавника. Развернулась и политмассовая работа станции, что было сделано, по отзывам зимовщиков, вполне удовлетворительно. Мы выпустили за эти 3 месяца 4 стенгазеты, 1 бюллетень, 1 фотогазету, на 75% выполнили план занятий по политической грамоте, были у нас доклады, беседы, сопровождавшиеся кинодиапозитивами, и пр. Благополучие полярной ночи надо отнести за счет организованности зимовки“.

Газета отмечает лучших людей зимовки — тт. Махонина и Семенюту. В том же но-

мере газеты помещен оригинальный рисунок: на трех утлых челнах плывут три зимовщика, освободившиеся уже от чрезмерно-тяжелых одежд периода полярной ночи. Заголовок ироничен: „Навигация летней группы открыта. Гидрологи берут старт с разрезом мыс Желания — Земля Франца-Иосифа. Принимается почта“.

Ряд фотографических снимков показывает быт и работу полярников. „Передачик Норд-К после продолжительного бездействия пущен в эксплуатацию“. „Самозаготовки топлива зимовщиками“. „Первые желанные гости“ (прилетели первые чистики) и пр. Такова тематика фотографий. Редакция газеты „Северное сияние“ в день приезда новой смены зимовщиков выпустила специальный номер, в котором были подведены итоги работы станции на ее различных участках. Там мы найдем и самоотчет газеты. Надо похвалить редакцию за ее скромность. Пусть скромную, но большую и полезную работу предали рабкоры газеты „Северное сияние“.

Зам. нач. Политуправления Главного управления Северного морского пути т. И. Серкин в своем выступлении в арктическом выпуске „Последних известий“ по радио (19 сентября) так отозвался об этой газете: „именно организацией стенной газеты и комсомольской группы удалось благополучно довести зимовку до конца“.

Сейчас в Москву, на **всесоюзный смотр арктической печати**, зимовщиками привезены уже газеты с мыса Челюскина, Русской Гавани, Югорского Шара, Диксона и др.

Все эти газеты говорят об огромной самодеятельности наших полярных работников. Благодаря стенгазетам советские зимовщики ни на одну минуту не теряли своей связи с жизнью всей Страны Советов, ведя дружную борьбу за освоение Арктики, за внедрение на Крайнем севере элементов большой советской культуры.

Как несхожи эти черты советских полярников-общественников с характерным бегством от буржуазной цивилизации буржуазных полярных исследователей! Не случайно одна из глав книги крупнейшего буржуазного полярного исследователя американца Бэрда „Над южным полюсом“ носит полный горькой иронии заголовок: „Цивилизации нам не надо“.

Советские полярники — прежде всего **общественники, на деле борющиеся за всестороннее культурное освоение Арктики**. И об этом красноречиво говорят все полярные стенные газеты.

В этом году мы можем гордиться и тем, что впервые в истории полярного плавания на ледоколе „Ермак“ (в Карском море) и на теплоходе „Микоян“ (в Обской губе и в Карском море) выходили печатные арктические газеты.

„Северный рейс“, печатная газета теплохода „Микоян“, справедливо может быть названа хорошей арктической печатной газетой.

Но сначала несколько слов о значении самого северного рейса „Микояна“, чьим именем названа газета. Теплоход „Микоян“ — мощный речной буксир, ведущий за собой целую флотилию лихтеров, барж и паузков, — является лидером каравана северного рейса. Задача каравана — забросить новые сотни зимовщиков на фактории Ямала, новые тысячи тонн груза.

В пути на север, к Карскому морю, на теплоходе „Микоян“ был получен приказ т. Шмидта: 7 августа „Микоян“ должен быть с углем на о-ве Диксона.

И на помощь партийному руководству для безоговорочного выполнения труднейшего задания выступает со всей силой печатная газета „Северный рейс“.

„Выполним боевое задание партии и правительства.“

Придем в срок, указанный Шмидтом. Курс на о-в Диксона...

Спешить вперед с углем для ледоколов“.

Газета правильно уделяет особое внимание лихтеру № 5. Правда, бригадиры Дружинин и Мехомов не раз показывали в пути образцы ударной и дисциплинированной работы, однако „нельзя успокаиваться... такими же темпами нужно работать и на других остановках“, пишет рабкор Василий Смелов. И передовая статья „Северного рейса“ подхватывает предложение т. Смелова. Ведь уголь будет переброшен на Диксон именно на лихтере № 5. Организовать большую культурно-массовую работу. Большой политической, творческой и культурной жизнью должен жить караван северного рейса“... На лихтере № 5 — гнездо антисанитарии. „60 человек команды и пассажиры живут в грязном кубрике. На корме лихтера № 5 ОРМ держит поросят... Убирают за ними плохо“...

По почину газеты на углярках, баржах и лихтерах как грибы растут корреспондентские посты. В семье не без урода. Разоблачая отдельных симулянтов и лодырей, пьяниц и великодержавных шовинистов у себя на караване, газета принесла громадную помощь выполнению поставленной т. Шмидтом задачи. Просматриваем номер за номером этот маленький печатный листок, насыщенный яркими заметками, четкими лозунгами, листок, оперативно работающий с живыми людьми и над живыми людьми... Не забыты газетой и фактории Ямала, где зимовщики были оторваны целый год от Большой земли. „В соревновании между факториями Напалково победило Се-Яга. Все помещения в Напалково содержались в образцовой чистоте. Устраивались оленьи бега для ненцев, стрельба из мелкокалиберной винтовки. Напалково имеет не плохие показатели по выполнению плана заготовок“.

„Другое дело фактория Тамбей, где люди во главе с бухгалтером пьянствовали и целыми ночами играли в карты, а товары продавались в тундру по повышенным ценам“. И газета делает вывод: „Не повторять старых ошибок. Фактория не лавочка, а культурный и политический центр в тундре“. Своевременный вывод! На уроках прошлой зимовки газета проводит массовую политиковоспитательную работу с новой сменой зимовщиков для фактории Тамбей. Ведь Тамбей будет и культурным центром в Ямальской тундре. Здесь будут построены три новых здания — больница, школа, дом врача.

Газета „Северный рейс“ в каждом номере передавала короткие сообщения о жизни Советского Союза и зарубежные новости, получаемые рацией „Микояна“ (отдел „Искра радио“). Есть в газете и отдел арктических известий.

Большую массовую работу провел „Северный рейс“. Борьба за повышение политической бдительности, за повышение культурного уровня — проводилась газетой на живых конкретных примерах работы каравана.

И в номере 16 (от 7 августа) газета с гордостью пишет: „Лихтер с углем доставлен на Диксон в срок. Коллектив „Микояна“ доносит, что взятое им на себя обязательство — прибыть на Диксон — выполнено“...

За приход на Диксон с лихтером № 5 раньше срока Главное управление Северного морского пути передало по телеграфу благодарность руководству каравана и всему плавсоставу. Отважных моряков коллектива

„Микоян“, умеющих работать по-ударному и добросовестно выполнять свои обязательства, приветствовал в другой телеграмме секретарь Омского обкома партии т. Булатов.

И в ответ на эти приветствия газета, выражая мнение всего ударного коллектива „Микояна“, пишет: „Темпов не сдавать. Ответить ударной работой“...

И ответ был дан.

Теплоход закончил навигацию на 18 суток раньше намеченного времени по плану.

Теплоход „Микоян“ выполнил свой план до начала всенародного стахановского движения, но, изучая методы его ударной работы, видно, что его методы — методы стахановцев. Правильная организация труда, особенно выгрузки, решила успех рейса. В этой победе газете „Микоян“ принадлежит не последнее место.

★

На всеполярном смотре печати будет участвовать большинство стенных и печатных газет, издающихся в Арктике. Среди них свое почетное место займут и эти три газеты — „Информатор“, „Северное сияние“ и „Северный рейс“.

Выходящие в различных условиях, столь непохожие и по своему внешнему оформлению, эти газеты имеют одно сходство: в них бьется полнокровный пульс жизни и большевистской работы энтузиастов освоения Арктики, горячих общественников, партийных и непартийных большевиков далекого Крайнего севера.

Редакционная коллегия:

Г. А. Ушаков (ответственный редактор)

А. А. Догмаров

М. Н. Бочачер (зам. ответственного редактора)

Адрес редакции:

Москва, улица Горького, 5, тел. 4-35-95

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1936 ГОД

на ежемесячный политико-экономический иллюстрированный журнал Главного управления Северного морского пути при СНК СССР и Политуправления ГУСМП

Советская
Арктика

Подписная цена: на год 18 руб., на 6 месяцев 9 руб., цена отдельного номера 1 р. 50 к.

Подписка принимается в Издательстве Главсевморпути

Ленинград, пр. 25 Октября, 79, IV эт., тел. 2-29-18.

Сдано в набор 21 октября 1935 г. Технический редактор Ю. А. Таубер. Подписано к печати 17 декабря 1935 г.
Бумага 72×110, 6 печ. л. 3 бум. л. 9 авг. л. 120 000 тип. зн. в бум. л.
Уполн. Главлит № В-32670. Зак. № 2020. Изд. № 74. Тираж 10 000 экз.

Цена 1 р. 50 коп.